

С. Айнуллинов

Священную клятву держали





**Иван Григорьевич
Наймушин**

Читайте о нём в книге

**С.Айнутдинова
«Священную клятву
держали»**

Орденосец Трудового Красного знамени Иван Григорьевич Наймушин ушел на фронт

1944 года командир стрелкового взвода учебной роты 375-й стрелковой дивизии лейтенант И. Г. Наймушин представлен командованием части к награде за уничтожении в качестве снайпера 217 солдат и офицеров противника. Приказом № 186/н от 28 июля 1944 года по войскам 52-й Армии награждён ещё одним орденом Красного Знамени. За годы войны он лично уничтожил 217 солдат и офицеров противника. К трудовым наградам добавились 7 боевых (в том числе 3 ордена Красного Знамени).

После войны фронтовые ранения дали о себе знать: в 1952 году Иван Наймушин скончался от осколка, который долгие годы находился возле его сердца. 30 июля в 1963 года жители Красноуральска увековечили имя героя в названии одной из улиц города. Улица Наймушина (бывшая Красная) находится на окраине города в частном секторе. Неподальёку отсюда раньше располагалась шахта Ново-Лёвинского рудника, на котором он работал до войны.). Здесь он работал откатчиком руды на шахте "Коминтерн" Красногвардейского рудника, потом забойщиком. Одним из первых перенял опыт И. П. Янкина и достиг рекордных результатов).

ОЙ ПУТЬ
РАЛЬСКОЙ
БУХАРЕСТСКОЙ
ЖДЫ
АМЕННОЙ
КОВОЙ
ВИЗИИ



13/III-531

ЛИСТОК
СРОКА ВОЗВРАТА

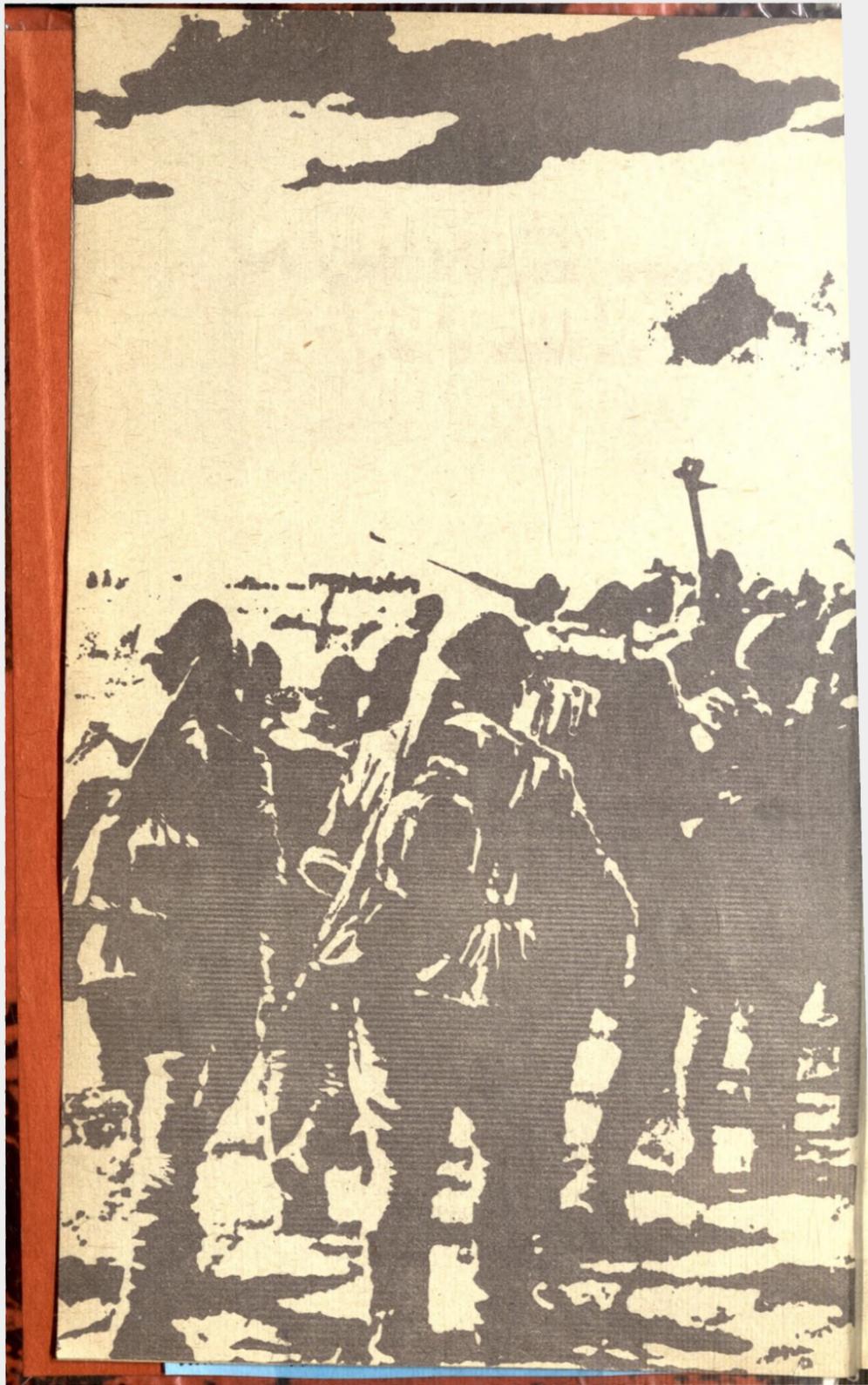
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Служ. пред. выдач

5/III 14/13
20/IV 11/3

Сух. тип. 3570—30 050 000.

Боевым друзьям,
живым и павшим,
посвящаю



С. Айнутдинов

к 63.3(2)622
А36 - А

Священную клятву держали

† 10272-3
2

Красноуральская ЦБС
Свердловской обл.

Свердловск.
Средне-Уральское
книжное издательство
1982

ББК 63.3(2)722
А36

Славными вехами на боевом пути 375-й Уральской, Харьковско-Бухарестской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии были сражения под Москвой, на Курской дуге, Корсунь-Шевченковская операция, схватки с врагом на территории Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии...

Самые ожесточенные битвы дивизия вела при освобождении родной земли. О них и рассказывает автор.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Айнутдинов С. Х.

Священную клятву держали.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982.— 240 с., 8 с. вкл.

В пер.: 50 к.

Ветеран 375-й Уральской дивизии рассказывает о наиболее ярких событиях на полях сражений.

А $\frac{11302-013}{M158(03)-82}$ 0505030202

ББК 63.3(2)722
9(с)27

© Средне-Уральское книжное издательство, 1982

От издательства

375-я Уральская, Харьковско-Бухарестская дважды Краснознаменная... Уже само наименование дивизии дает некоторое представление о ней как о прославленной воинской части. А если учесть, что на многотрудном боевом пути дивизии от заснеженных полей Подмосковья до Праги (через Курскую дугу, Корсунь-Шевченковский, Яссы, затем Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию) этой части ни разу не пришлось испытать горечь отступления, то как не восхищаться героизмом ее воинов! Как не рассказать о них хотя бы в кратком повествовании!

И Сергей Хусаинович Айнутдинов, автор книги, по долгу живого перед памятью живых и павших однополчан решил рассказать о том, что сам видел, пережил или услышал из первых уст о боевых делах дивизии и ее воинах, главным образом о земляках-уральцах. Автор прошел всю войну с 1941 по 1945 год, в 375-й дивизии был начальником политотдела, заместителем командира дивизии по политической части.

В 1965 году вышла книга С. Х. Айнутдинова «Отступлений не было», а в 1973-м — «У Обоянского шоссе». С тех пор автор много раз побывал на местах бывших сражений, встречался с однополчанами, получил много писем от героев сражений и их родных, изучил архивные документы. Все это позволило значительно расширить, обогатить новыми фактами публиковавшийся ранее материал, ввести в книгу новых героев тех незабываемых событий.

Представляя автора читателям, заранее оговоримся, что в предлагаемой книге он рассказывает лишь об отдельных, наиболее запомнившихся событиях, участником которых был сам. Его боевая биография начиналась в сражениях у озера Хасан в 1938 году, затем он участвовал в боях с белофиннами в 1939—1940 годах.

В 1941 году, по окончании Военно-политической

академии имени В. И. Ленина, С. Х. Айнутдинов отправился на фронт. Был дважды ранен, имел две контузии.

Боевые заслуги Сергея Хусаиновича отмечены тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, тремя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Почти тридцать лет прослужил ветеран в рядах Советской Армии.

В настоящее время С. Х. Айнутдинов, полковник в отставке, работает представителем издательства газеты «Красная Звезда» в Свердловске.

Предлагаемая читателям книга — подтверждение тому, что однажды при встрече с молодежью высказал автор: «Пусть мы, ветераны войны, сегодня считаемся уже в отставке. Сердца же наши, память наша в запас не уходят. Если говорить о себе, то я и дня еще не прожил без связи с родной армией, которая взрастила и воспитала меня. Часто бывая в воинских частях среди солдат и офицеров, я по-прежнему чувствую себя в строю, я служу Партии, Родине. Это — на всю жизнь!»

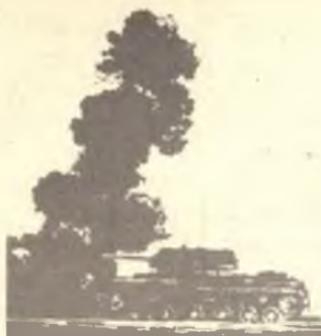
Воспоминания Сергея Хусаиновича Айнутдинова опубликованы в знаменательное время, когда советские люди празднуют 60-летие образования СССР. И все, о чем рассказывает в книге автор, убедительно подтверждает нерушимость дружбы братских народов нашей страны, вставших на защиту своего Отечества от фашизма.

Украинец разведчик Мефодий Иванович Антонок, армянин артиллерист Григорий Агабекович Аристакисян, татарин сапер Абдрахман Баянович Баян, мордвин артиллерист Иван Михайлович Граблин — все они сражались, не щадя жизни, за наше общее дело, за свободу Родины-матери, единой для всех и любимой всеми.

Часть первая

ЗА НАМИ — МОСКВА





НАЧАЛО ПУТИ

Рождение 375-й

Мне хочется начать свои записки с памятной в моей жизни даты — 26 августа 1941 года. В час ночи я, тогда слушатель Военно-политической академии имени В. И. Ленина, готовящийся через пять дней сдавать государственный экзамен, был вызван в Главное политическое управление РККА. Беседа там продолжалась недолго. Полковой комиссар сказал:

— Поедете на Урал. Назначаетесь начальником политического отдела формируемой в Свердловске 375-й стрелковой дивизии...

— А как же с экзаменом?

— Сдадите на поле боя. Диплом об окончании академии получите после войны.

Вот так я связал свою судьбу с людьми этого замечательного края. Около сорока лет минуло с тех пор, но и до сих пор 375-я дивизия, ее ратные дела, ее героические солдаты и офицеры — мои боевые друзья — словно стоят рядом со мною. Я и сегодня слышу их голоса, вижу их до боли в сердце родные, мужественные лица. Для меня уральская дивизия стала первой пробой сил и хорошей школой в работе с людьми такого большого боевого коллектива.

Поздно вечером 26 августа военный самолет с тремя пассажирами на борту приземлился на Свердловском аэродроме. Кроме меня сюда прибыли командир дивизии генерал-майор Василий Гри-

горьевич Воронцов и начальник штаба дивизии майор Семен Григорьевич Подмосковнов. Нас приняли командующий войсками, член Военного совета и начальник штаба Уральского военного округа. Получив от них соответствующие указания, мы тут же выехали в лагерь, где предстояло формировать 375-ю стрелковую дивизию.

Ночью прошел дождь. Но утром распогодилось, и в лучах солнца тысячами капелек искрилась трава. Комдив неторопливо ходил среди сосен, поблескивая двумя орденами Красного Знамени и медалью «XX лет РККА», поправлял сползавшие на лоб волосы и изредка поглаживал маленькие усики. Ходил и говорил:

— Черт-те что! Дивизию надо формировать, а винтовок дали всего две с половиной сотни. Станковых пулеметов — шесть, ручных — тоже полдюжины. А минометов аж три отвалили! Дивизия!..

Я молчал. Конечно, на несколько тысяч человек двести пятьдесят винтовок — не густо. Генерал продолжал ворчать, теребил интенданта Степана Федоровича Самусенко, а тот лишь смущенно разводил руками. Мы бодрились как могли, но положение было действительно незавидным. И не только из-за недостатка оружия. Нас беспокоили командные кадры. В дивизии лишь незначительная часть командиров и политработников была из кадровых и имела опыт боев. Остальные же пришли из запаса. Одни служили в армии лет десять — пятнадцать назад, другие — еще раньше. А на западе шли бои с самой современной армией, война разгорелась такая, какой еще мир не видел. И мы понимали: чтобы победить такого врага, нужно иметь и обученные, оснащенные всем необходимым войска и хороших командиров.

Формировать дивизию пришлось в большой спешке. Палаток не имелось. Красноармейцы строили землянки, столовые, ставили навесы для коней. Не все ладилось и с вещевым снабжением. Люди надеялись получить новое обмундирование, а мы многим могли выдать только потрепанные длиннополые кавалерийские шинели да островерхие буденовки. Вместо сапог всем выдали ботинки с обмотками. Обмотает боец ноги туго — икры болят,

ходить не может, ослабит — обмотки сползают. «Опять баллон спустил!» — чертыхается, бывало, солдат, разматывая и снова наматывая обмотку.

Обстановка на фронте требовала одновременно с формированием соединения немедленно начать боевую учебу личного состава, наладить партийно-политическую работу, а главное — сколотить части и подразделения в слаженные боевые коллективы. Под руководством командира и комиссара штаба дивизии разработал программу занятий по боевой и политической подготовке. Полки, не отрываясь от комплектования подразделений личным составом, получая и распределяя боевую технику и оружие, стали учиться военному делу, учились тому, что предстояло делать на войне.

Штаб дивизии строго контролировал выполнение намеченной программы. И как переменялись люди уже после месячного обучения! В начале месяца, помнится, в строю они ходили, путая шаг, команды исполняли вяло, вразнобой. Сейчас же воины заметно подтянулись, шли уже четко, единой, слитой массой. Обходя плацы, я видел, что красноармейцы, выполняя ружейные приемы с помощью деревянных макетов винтовок и бросая вместо настоящих гранат деревянные болванки, уже не усмехались. Значит, поняли: без навыков, без умения воевать на войне делать нечего.

Очень четко из полка в полк передавалось оружие для стрельбы боевыми патронами. Командиры изучали опыт тех бойцов, кому довелось воевать с японцами, белофиннами и фашистами в первые дни войны. Большую роль в передаче боевого опыта сыграли тактические учения. В них принимали участие все полки и специальные подразделения.

А с фронта приходили тревожные вести. Враг приближался к Москве. Многим тогда казалось странным, что в такое время дивизию держат здесь и не отправляют на фронт.

— Когда же на фронт? — то и дело спрашивали нас бойцы. И мы отвечали:

— Всему свое время...

Многие воины писали заявления с просьбой быстрее отправить их на фронт. Таким приходилось

разъяснять положение дел, призывать их к терпению.

В сентябре в дивизии стало неважно с питанием. А рядом на колхозных полях бурела картофельная ботва — некому было убирать урожай. И генерал Воронцов решил помочь колхозам — послать красноармейцев копать картошку, убирать хлеба. Кое-что перепало и нам.

Но тут опять пошли разговоры:

— Вместо того чтобы фрица бить, мы картошку роем. Так немец и до Урала к зиме допрет...

Разные люди пришли в дивизию. Но больше всего было настоящих патриотов, людей, умудренных жизненным опытом, закаленных в труде и в сражениях за Отчизну. Именно эти люди составляли костяк дивизии, они верили в победу над врагом и сплачивали наши полки.

В предвоенные годы кое-кто полагал: границы наши на прочном замке, громить врага, если до этого дойдет дело, предстоит на его территории и вообще война продлится недолго и фронт ее будет небольшим. А тут — от Черного до Баренцева моря шли не виданные по напряжению бои. Если в войнах 1938—1940 годов враг вклинивался в нашу территорию всего на пять-шесть километров, то теперь уже сотни километров отделяли фронт от границ. Это несколько охладило пыл тех, кто думал легко и быстро дойти до Берлина.

За горячкой учений многие из нас не видели, а потому и не знали, что из себя представляет каждый боец. Интересоваться же этим надо было. Наши командиры, да и некоторые политработники, еще не умели правильно строить работу с бойцами, слабо влияли на них.

От командиров, комиссаров частей, политруков подразделений политотдел требовал не подменять повседневную разъяснительную работу администрированием, лично беседовать с красноармейцами, разъяснять им необходимость крепкой воинской дисциплины, честного выполнения своего воинского долга, военной присяги и приказов командиров, разъяснять цели и задачи наших Вооруженных Сил в войне, раскрывать захватнический характер развязанной фашистской Германией войны.

Партийная и комсомольская прослойка была значительной. Это позволило создать 110 партийных и 103 комсомольских организаций, которые охватили партийным влиянием красноармейские массы. Во всех ротах, батареях и взводах из лучших воинов-коммунистов, комсомольцев и беспартийных были созданы группы агитаторов. Повседневно и конкретно оказывали помощь в их работе с солдатами политруки, комиссары и офицеры политического отдела дивизии.

Мы понимали, что в период формирования дивизии нужно было больше рассказать воинам о фашизме, о его реакционной сущности и человеконенавистнических целях. Политотдел пригласил профессора В. В. Данилевского, члена-корреспондента Академии наук Украины. Он прочитал для личного состава дивизии цикл лекций. Выступили также лекторы Свердловского обкома партии, офицеры политуправления Уральского военного округа.

Мощным средством воспитания воинов являлась многотиражная газета политотдела дивизии «На защиту Родины», стенные газеты, «боевые листки». Редактором дивизионной газеты был назначен старший политрук А. Зефилов, в прошлом работник Свердловского отделения ТАСС, ответственным секретарем работал сотрудник газеты «Уральский рабочий» политрук Панфилов, литературным сотрудником — редактор камышловской районной газеты политрук С. Бекарев.

...14 сентября 1941 года созывается первая дивизионная партийная конференция. В тесном сарае собралось 123 делегата. Они представляли свыше 700 коммунистов. Докладывал генерал-майор Воронцов. Ничего радостного он не мог сообщить. Положение на фронтах ухудшалось. Враг блокировал Ленинград с суши. 9 сентября возобновилось наступление врага на юге Украины. Гитлеровцы подошли к Донбассу, угрожают захватить Крым... Правда, в первых числах сентября удалось ликвидировать ельнинский выступ группы фашистских армий «Центр». Но бои повсюду шли ожесточенные... Вот почему главной задачей была учеба...

Все, кто выступал, говорили сурово, твердо: мы знали — нас ждут очень тяжелые испытания. И ком-

мунисты должны быть впереди. Это не красивая фраза, а приказ нашей советской совести: коммунисты должны быть самыми выносливыми войнами... От нашей твердости зависел боевой дух дивизии.

Конференция избрала дивизионную партийную комиссию. В нее вошли батальонный комиссар В. Ф. Опарин, политрук С. Н. Бекарев и В. А. Лоскутов, младший политрук П. К. Агафонов, старшие политруки И. З. Лебедев, П. И. Паньшин, А. И. Ольховиков.

Ответственным секретарем дивизионной партийной комиссии был избран Василий Федорович Опарин. И сейчас еще я вижу перед собой его крупное лицо со светлыми, немного усталыми глазами, всегда тщательно отглаженную гимнастерку с двумя «шпалами» на петлицах. Он редко улыбался, говорил мало, и толстоватые губы всегда придавали его лицу спокойное выражение...

Но даже и этот спокойный, рассудительный человек преобразился 28 сентября 1941 года. В тот день все полки, батальоны, дивизионы выстроились для принятия присяги. Лагерь расцвечен лозунгами, флажками. От яркого красного цвета серенький осенний день стал праздничным. Василий Федорович Опарин стоял рядом со мной и слушал торжественные слова:

— Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, торжественно клянусь,— читал командир, и ему вторило многотысячное эхо солдатских голосов.

Сколько раз мне приходилось видеть, как меняется человек, когда произносит воинскую клятву. В бесстрашии советского человека нет ни религиозной жертвенности, ни слепого фанатизма. Защищая свою Родину, советский человек защищает себя, свою семью, свой дом, свой завод, свой колхоз, свое право ходить и работать на этой земле. Вот почему так высок патриотизм советского человека, так несокрушим и бесстрашен он. Вот почему всегда так торжественно звучат слова клятвы, чище становится человек, присягая своему народу и партии. Вот почему день клятвы — праздник. И тогда, расходясь по землянкам, бойцы пели пес-

ни, шутили. А вечером все в том же огромном сарае, превращенном в клуб, состоялся концерт художественной самодеятельности. Сводный хор исполнял старые солдатские песни и новые, только что родившиеся. В те дни самой популярной была «Священная война» А. Александрова. И в полутемном сарае, и в землянках, и на марше бойцы пели:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!

У меня есть пожелтевшая от времени фотография. В два ряда полукругом стоят мужчины и женщины — это художественная самодеятельность медико-санитарного батальона. Слева, чуть в стороне, не по-строевому выпятив живот, — Павел Андреевич Пузанов. Сейчас он заслуженный артист РСФСР, персональный пенсионер. Это он организовал хор, который тогда, в день клятвы, особенно расположил к себе товарищей. Бойцы шутили:

— Им что! Пока боев нет — пой песни.

Но и потом, даже после самых тяжелых боев, девушки из медико-санитарного батальона в короткие дни отдыха пели песни, частушки.

Я смотрю на снимок, на таких разных девушек — со старомодными прическами на пробор, с короткой стрижкой.

На многих — портупей. Кто-то силится улыбнуться, кто-то иронически поглядывает в объектив, а пальцы баяниста Елисеева застыли на пуговках клавиатуры... Некоторых уже нет, а кто остался жив — постарел.

Тогда же все были молодые, жизнерадостные, полные сил и стремления сражаться с врагом не на жизнь, а на смерть.

...Раннее утро 1 ноября. Густой лес окружает огромную поляну. Вся уральская дивизия выстроилась на ней. Последний смотр перед отправкой на фронт. На каждом — новая шинель, шапка-ушанка. А у ездовых — ненадеванные полушубки, валенки, меховые рукавицы. Ждем приезда генерала армии И. В. Тюленева.

На заснеженной дороге появляется юркая «эмочка». Она быстро приближается к строю и останавливается. Из нее выходит генерал. Иван Владимирович слегка прихрамывает... За ним командиры из комиссий Наркомата обороны и штаба Уральского военного округа...

Отгремел «Встречный марш». Дивизия ответила на приветствие генерала. И начался неторопливый обход шеренг. Генерал армии останавливается возле бойцов, просит расстегнуть шинель, щупает одежду:

— Смотри-ка, тебя за Полярный круг послать можно.

Боец мнетя, застегивает шинель и говорит:

— Хоть куда, лишь бы быстрее...

— Ишь, прыткий! Быстрее!.. Откуда у вас,— поворачивается Тюленев к Воронцову,— столько теплых вещей? Вроде по нарядам вам меньше полагалось...

Воронцов подтягивается и отвечает:

— Так точно, меньше... Да местные товарищи, население, организовали сбор теплых вещей и навезли нам полушубки, валенки, варежки...

Тюленев, прихрамывая, делает шаг в сторону к другому бойцу и просит развязать вещевого мешок:

— Покажи-ка, что у тебя...

Боец наклоняется, и на свет выкладывается немудреное солдатское имущество — от запасных портянок до зубной щетки.

— Смотри-ка,— шутит генерал,— запасливый! Все на месте...

Продолжая осмотр, генерал остановился перед Иваном Наймушиным. Боец складный, широкоплечий.

— Откуда родом?

— Уральский...

— Из рабочих?

— Да, с Ново-Левинского рудника.

— Ударник?

— Так точно...

— Ну, желаю успеха... И в бою быть ударником...

Осмотрен обоз, подошли к кухне. Из трубы —

легкий дымок. Старшина откидывает крышку, и по лесной поляне разносится аппетитнейший запах. Старшина отдает рапорт:

— Товарищ генерал! На обед — борщ с мясом и пшенная каша с маслом. Старшина Калугин! — Немного помолчав, добавил: — Не желаете ли снять пробу? Борщ — уральский!

А потом полки шли мимо нас четкими плотными колоннами, поблескивая винтовками и распевая лихие солдатские песни. Смотрели на них два генерала и переговаривались между собой:

— Хороши! Чудесный народ уральцы! Я бы пошел с ними в бой, да твои это люди, Воронцов...

— Какие мои — советские...

— Готовь их... Завтра — в эшелон...

Вечером в том же сарае, где проходила наша партконференция, генерал армии Тюленев сделал для командиров и комиссаров частей и подразделений доклад. Хотя вряд ли это был доклад. Генерал ходил, прихрамывая, возле стола и рассказывал нам тяжелую, горькую правду, которая угадывалась за скупыми сводками Совинформбюро. В тот вечер мы услышали, как ведут бой немцы. Начиная наступление, они сосредоточивали на узком участке большое количество артиллерии и танков. Танки шли колонной, а за ними — пехота, автоматчики. Главное — устоять перед танками, а пехота не так страшна... Танки — вот главный враг. Прорвав фронт, немцы стремятся окружить наши войска и после этого уничтожить. В одном таком сражении под Днепропетровском и был ранен Иван Владимирович Тюленев.

Особенно интересовал всех опыт борьбы с танками, и генерал подробно рассказывал. Как потом все это пригодилось! В первых боях под Калининском наши командиры умело воспользовались советами Ивана Владимировича.

На следующий после смотра день дивизия грузилась в эшелоны. Утро выдалось хмурое и сырое. Густой туман лежал на земле. В пяти-шести шагах еле угадывались контуры людей, лошадей, повозок. Желтые пятна фонарей чуть-чуть виднелись на посадочной площадке...

Звякнули буфера, эшелон, не останавливаясь,

проскочил Свердловск, и мы попрощались с родным городом только взглядом... Путь наш лежал на запад, туда, откуда навстречу шли составы со станками и ранеными, с беженцами и эвакуированными, где не учебные плацы, а настоящее поле боя, где никто не даст команду «длинным — коли», а надо самому выбрать то, что нужно...

Дивизия двигалась к фронту...

Крещение

10248-3
Двенадцать дней слушали мы перестук колес под теплушками. В эшелоне шла своя, размеренная жизнь. Каждый день в вагонах проходили политинформации, бойцы пели, тихо беседовали, но ни меня, ни моих товарищей не покидало тревожное чувство, пережитое, наверно, каждым, кто ехал туда, на запад, где шли кровопролитные бои, о которых скупо писали газеты.

На фронте обстановка сложилась к тому времени действительно тяжелая. Люди моего поколения помнят осень и зиму 1941 года. В конце октября враг был в шестидесяти километрах от столицы. Гитлеровские генералы хвастливо заявляли, что в свои цейсовские бинокли они видят Москву.

Поначалу мне казался странным маршрут движения эшелонов уральской дивизии. Нас везли куда-то севернее Москвы, к городу Данилову...

И только потом, много времени спустя, я понял все.

Враг, не сумев взять Москву лобовым ударом, готовил хитрую операцию, рассчитывая расчлнить наши войска, охватить столицу с севера и юга, окружить и занять. Но на пути гитлеровцев с севера стоял Калинин, а с юга — Тула. Вот почему северная группировка фашистов рвалась к Калинин. Отсюда они хотели ударить по направлению на Ярославль и одновременно двинуться в обход столицы. Наша дивизия была вначале сосредоточена в Данилове, а на фронт под Калинин попала через Ярославль. Мы были резервом, который должен был вступить в бой, если бы немцам удалось развить свой успех.

Много раз мне приходилось слышать, что жизнь — великий учитель. Но в полной мере я увидел подтверждение этих слов в двенадцатидневном пути к Данилову и дальше, через Ярославль. 17 ноября мы расселились в Данилове и ближних к городу деревнях. И снова учения, учения, учения! Учились преодолевать передний край обороны противника, просачиваться мелкими группами в тыл врага, отрабатывали штыковой бой, стрельбы.

Здесь, под Даниловом и Ярославлем, дивизия получила полностью боевую технику и оружие. Вместе с партией «трехлинеек» пришло около сотни американских автоматов.

Изящно отделанные, внушительные, они одной своей неимоверной тяжестью производили солидное впечатление. Бойцы гордились новым оружием, ходили со счастливыми лицами... Но потом, в первом же бою, американские автоматы стали отказывать один за другим.

Особенно серьезно готовились мы к встрече с танками противника. Все командиры тщательно отрабатывали броски гранат... Но слова — одно, а вот дело — другое. Бросать деревяшку из окопа — пустяк, а вот как ты поведешь себя, когда на тебя поперет стальная громадина, стреляющая из пушки и пулеметов? Устав утверждал: садись на дно окопа и ничего с тобой не случится. Мы решили доказать нашим бойцам, что в окопе воину танк не страшен. И вот в одно из учений рота за ротой занимают окопы, а над ними елозят наши танки. Там, где танков не хватало, мы пустили гусеничные тракторы.

Мне самому довелось сидеть в окопе с бойцами, когда над нами с ревом пронесся танк. И хотя знал, что это свой, что ничего не случится, но весь как-то съеживался, стремился слиться с землей, стать одним из ее комочков... А когда лязгающие гусеницы исчезали, и вздохнуть-то хотелось глубже, и улыбка неволью ползла на лицо... Снова слышался грохот и лязг, снова шел на окоп танк... И так до тех пор, пока страх не пропадал...

«Обкатка танками», как в шутку мы прозвали эти учения, нам очень пригодилась в боях.

А когда учения закончились, дивизия построилась в колонны и сделала 82-километровый маршбросок к Ярославлю... Мороз достигал сорока градусов. Метель швыряла в лицо и за воротник колючий снег. А мы шли и шли. Тяжелый шаг. Хруст снега под валенками и ботинками. До конца жизни сохранится в моей памяти это шествие через леса, через деревни, угрюмые, потные лица бойцов, заиндевелые башлыки и ушанки, куржак на боках лошадей... Это был экзамен на выдержку, это был первый марш, в котором проверялось все — от того, как пригнаны портянки, до того, как мы, политработники, подготовили душу бойца.

В Ярославле командованию дивизии сообщили, что мы попадаем в распоряжение Калининского фронта. Немцы, не достигнув своей цели — окружения Москвы, сильно укрепили Калинин и решили на занятых позициях отсидеться до весны, а потом продолжить наступление. Но 5 декабря войска левого крыла Калининского фронта (29-я и 31-я армии) перешли в наступление. 6 декабря 30-я армия под командованием генерала Лелюшенко ударила на Клин. 10 декабря спешно погрузилась в эшелоны и двинулась к Калинин у наша дивизия. В голове дивизии оказался стрелковый полк, которым командовал капитан Чернозерский, а комиссаром был старший политрук Барк. С этим эшелоном ехал и я вместе с помощником начальника штаба дивизии старшим лейтенантом Виктором Степановичем Сиваровым.

Ехали мы через Рыбинск, Медведево, Вышний Волочек... Когда стали приближаться к фронту, впервые увидели разрушенные станции, сожженные деревни, вздыбленные паровозы, обгорелые составы под откосом. Иногда наш эшелон подходил к станции в тот момент, когда рвались еще бомбы, сброшенные с немецких самолетов. Дыхание войны... Тут уж не нужно было никаких слов о варварстве фашизма, когда каждый мог видеть у подножия железнодорожных насыпей простреленные и изувеченные санитарные вагоны с огромными красными крестами.

В пути я познакомился поближе с капитаном Чернозерским. Нам повезло, что с головным

эшелоном ехал такой командир. Капитан имел уже солидный боевой опыт. Серафим Владимирович начал службу курсантом в крепости Кушка, потом занимал должность помощника начальника и затем начальника штаба батальона. В 1940 году с отличием закончил курсы комбатом и вскоре стал командиром полка. Весь июль и август он был на фронте, там его и ранили. После лечения Черномозерский прибыл в уральскую дивизию и сразу сумел «найти ключик» к сердцам бойцов и командиров. Круглое лицо, всегда коротко остриженные волосы, глубоко запавшие, со смешинкой глаза и слегка оттопыренные уши делали этого человека «своим парнем», хотя сжатые губы говорили о сильной воле, умении подчинять себе людей...

Честно говоря, мы надеялись, что командование армии даст нам несколько дней, чтобы осмотреться, прижиться... Но обстановка диктовала другое. К 15 декабря войска вплотную подошли к Калинин. Наша дивизия должна была форсировать Волгу у деревни Красново, перерезать пути отхода противника на запад и выйти на юго-западную окраину Калинина. 14 декабря на позиции стали подходить наши полки.

Всю ночь на 15 декабря штаб дивизии гудел голосами приходивших и уходивших командиров. Срочно составлялся план наступления. Мы с комиссаром дивизии Николаем Ивановичем Ряпосовым составили план партийно-политической работы и тут же выехали в части, чтобы подготовить бойцов к первому бою. Главное, что требовалось, — довести до каждого бойца и командира содержание приказа о наступлении. Мы, политработники, пересказывали последнюю сводку Совинформбюро, проводили партийные и комсомольские собрания. На них подробно объяснялось, почему мы любой ценой должны отбить Калинин и как это важно для обороны Москвы. Каждому стрелку, пулеметчику, минометчику, артиллеристу дали памятку о его обязанностях, подготовленную редакцией дивизионной газеты «На защиту Родины».

15 декабря немцы неожиданно усилили огонь из всех видов оружия. Рвались мины и снаряды, свистели пули. Началась новая «обкатка» наших

бойцов. Но вскоре все поняли, что нервный огонь фашистов хоть и громок, да не особенно опасен. И вот уже люди, вжимавшие голову в плечи при каждом завывании мины, досадливо морщились: эта «музыка» мешала им слушать политрука...

В полночь 16 декабря после короткой, но энергичной артиллерийской подготовки 29-я армия под командованием генерала В. И. Швецова ударила по фашистам.

Труден был этот бой. Каждое строение враг превратил в дзот. Из-под каждого дома неслись пулеметные очереди, летели гранаты. Но натиск был так силен, что фашисты не выдержали и откатились к городу, а потом были выбиты и из него...

Однако гитлеровцам удалось закрепиться на опушке леса, западнее города, на заранее подготовленных позициях и задержать наше наступление. Полк попал под сильнейший артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. Казалось невозможным поднять голову, оторваться от земли. Тогда со снега вскочил комсомолец, командир четвертой стрелковой роты лейтенант Петр Степанович Косарев, и поднял своих бойцов в атаку. Смелым рывком они приблизились к окопам и бросились на врага... Штыковой и гранатный удар был так силен, что немцы откатились, оставив десятки трупов, пять пулеметов, миномет и две пушки.

В то время как полк Чернозерского дрался у Калинина, остальные полки дивизии, преодолевая упорное сопротивление врага, с боем форсировали Волгу и наступали на оборону противника в районе деревни Красново. Фашисты старались любой ценой удержаться здесь. Этот узел их сопротивления прикрывал путь отхода из района Калинина. Деревню враги превратили в крепость. Под домами установили огневые точки с амбразурами, бойницами. Стены домов были обложены мешками с песком. Во многих местах, на самом берегу Волги, искусно используя рельеф берега, немцы поставили хорошо замаскированные пушки для прямой наводки, пулеметы для перекрестного и флангового огня.

На рассвете стрелковый полк под командованием майора Евгения Федосеевича Румянцева и ко-

миссара полка батальонного комиссара Филиппа Андреевича Говорова завязал ожесточенный бой. Противник всеми силами пытался сдержать наступление. Он поливал прицельным огнем подразделения, наступающие через Волгу по льду. Во многих местах на реке образовались большие полыньи, местами вода стала розовой, смешиваясь с кровью уральцев. Наконец наша артиллерия засекала огневые точки противника и одну за другой заставила их замолчать. Пехота ускорила движение. Короткими перебежками по льду бойцы стали приближаться к противоположному берегу. Особенно тяжело приходилось подразделениям правого фланга, которые вынуждены были залечь. Но лед — плохой защитник от пулеметных очередей. Ливень свинца бушевал над залегшими людьми. Когда наши пулеметы и пушки ударили по врагу, огонь противника ослаб на несколько секунд. Но и это была уже передышка. Уловив момент, политрук роты Сергей Михайлович Дресвянников (бывший инструктор Верхотурского райкома партии) поднялся во весь рост и с криком «Ура! За Родину!» устремился вперед. «Ура! Ура!» — дружно поддержали его бойцы и вскоре достигли противоположного берега Волги. После недолгой схватки с врагом на берегу рота стремительным броском ворвалась в деревню.

На улицах разгорелся ожесточенный бой. С чердаков, крыш, из-за заборов немецкие автоматчики вели непрерывный огонь. На улицах завязывались рукопашные бои. Почти из каждого дома приходилось выбивать фашистов огнем пулеметов или гранатами. Красноармеец Филипп Севастьянович Паршин, камышловец, подполз к одному из домов, где засели гитлеровцы, и бросил в окно несколько гранат. Фашисты замолкли. Иван Алексеевич Казанцев забросал гранатами другой дом. Одно за другим подразделения полка, преодолевая Волгу, стали теснить врага. Неприятель не выдержал натиска, стал отходить в лес.

В разгаре боя в районе Красново снаряд противника порвал линию связи. Дважды посылали людей для ее восстановления, и дважды они не вернулись. Бой не ждет, командир дивизии требует любой ценой восстановить связь с полком. Тогда на

линию для устранения повреждения вышел свердловчанин (бывший работник Ленинского райжилуправления), младший лейтенант Николай Петрович Сухоруков с двумя связистами.

Связисты пробирались вдоль линии и неожиданно встретились с группой фашистов. Младший лейтенант Сухоруков мгновенно метнул гранату и уничтожил троих. Его товарищи бросились в рукопашную схватку и уничтожили еще несколько фашистов. Атака связистов была стремительна и неожиданна для врага. Оставшиеся в живых фашисты отступили. Связь была восстановлена. Герои благополучно вернулись в часть.

За первые два дня боев дивизия успешно форсировала за Калинином Волгу, освободила от фашистов населенные пункты Опарино, Андрейково, Гальяновка, Шалайково, Даниловское, Дешевкино, совхоз «Большевик» и другие.

Первый бой — и сразу наступление. И как бы потом ни менялась обстановка на фронтах, куда бы ни посылали нашу дивизию, военная судьба ее складывалась так, что наши бойцы всегда только наступали.

Старые карты

Память — штука интересная. Идут годы, новые, более свежие события вытесняют старые. И порой кажется, что и война-то была давным-давно, забываются детали, лица, запах развороченной снарядами земли... Но стоит попасть в руки клочку пожелтевшей бумаги, и вдруг инстинктивно напрягаешься, начинаешь слушать тишину, словно вот-вот ее разорвет вой и треск мины, грохот вражеского танка, сухой щелчок выстрела...

Однажды на собрании ветеранов нашей уральской дивизии подошел ко мне Степан Захарович Рыков, бывший командир взвода конной разведки, и сказал, что у него случайно сохранились разрозненные карты боев декабря 1941 года... Я попросил дать мне эти карты. И вот дня через три после встречи принесли пакет. Вскрыл его, и на меня неожиданно нахлынули воспоминания: словно вновь

возникли передо мной люди того далекого времени, события, смешные и грустные, ошибки и победы...

Старая карта, потертая на сгибах, чуть рваная. В нижнем правом углу надпись: «Вычерчено в июле 1941 года»... Отпечатана карта в одну краску. Но привыкший к классическим картам Рыков раскрасил Волгу возле Калинина синим карандашом. Скупые пометки красным и черным были своеобразной летописью и воскрешали в сознании бои нелегкого сорок первого года, в которых довелось сражаться уральцам.

После освобождения Калинина наша дивизия успешно наступала вдоль шоссе на крупный населенный пункт Старица. Но в конце 1941 года у Красной Армии было еще очень мало танков и авиации, поэтому нам не удавалось окружать и уничтожать противника. Немцы, хоть и несли большие потери, довольно организованно отходили на заранее подготовленные рубежи.

Полк майора Федора Никитича Савенко к двум часам ночи 18 декабря очистил деревню Шалайково и атаковал Шульгино. Рядом с ним второй полк дивизии двинулся на Некрасово, расположенное прямо на шоссе. Однако это не было простым делом. Немцы ударили из всех своих пушек и минометов. Фашистские самолеты непрерывно висели над нашими боевыми порядками и засыпали их бомбами и пулями. Все подступы к деревням были тщательно заминированы.

Хотелось обойти Шульгино, да слева — болото, а справа — снег, глубиной почти в метр. И местность совершенно открыта: ни кустика, ни овражка... Атака захлебнулась...

Тем временем стрелковый полк майора Румянцева залег в снегу перед деревней Некрасово. Генерал-майор Воронцов, трезво оценив обстановку, решил провести получасовую артиллерийскую подготовку, ударить по Некрасово, отвлечь внимание врага у Шульгино, демонстрируя наступление силами одной роты, обойти деревню и атаковать ее с тыла...

Полчаса гремела наша артиллерия. Потом батальон лейтенанта Анания Николаевича Мешако-

ва стал подходить к Некрасово. И тут из деревни один за другим появились немецкие танки. За ними, прикрытая броней, шла пехота. Контратака...

Артиллеристы по приказу майора Бабчука выкатили прямо на шоссе несколько орудий и ударили по танкам. Выстрел!.. Еще выстрел! И вот прямым попаданием снаряда, посланным сержантом Дорохиным, подбит головной танк. Но остальные продолжают упрямо наступать на батальон лейтенанта Мешакова... В канаве возле шоссе притаился лейтенант Василий Георгиевич Объедков. Рядом с ним — несколько бойцов.

— Приготовить гранаты,— скомандовал Объедков и сам зажал правой рукой связку гранат.

Вот танк рядом. Лязгают гусеницы. Поворачивается направо и налево башня, посылая из орудия снаряд за снарядом... Бросок! Взрыв... И танк закрутился на месте.

А рядом с Объедковым поднялись и швырнули бутылки с горючей жидкостью красноармейцы Бикбулатов и Горлов. Вспыхнуло пламя. Танк остановился, откинулся люк, из горящей машины выскочили немецкие танкисты. Бросились бежать, да их тут же настигла очередь из автомата политрука роты Дресвянникова...

Однако три вражеские машины продолжали теснить второй батальон полка... Вот уже кто-то из красноармейцев поднялся и побежал назад. Подбита одна наша пушка... У другой кончились снаряды. Танки заходят в тыл батальона Мешакова... И тут, протащив на руках чуть ли не с полкилометра по глубокому снегу свою пушку, бойцы под командованием старшего лейтенанта А. Л. Моторина ударили по танкам. Немцы сразу повернули свои пушки на одинокое орудие. Ранен наводчик. Его заменил подбежавший командир взвода управления лейтенант Афанасьев. Орудие почти в упор расстреливало танки. Наконец один словно споткнулся и встал. Задымил другой... Последний повернул обратно, за ним откатилась и вражеская пехота...

И тогда поднялся командир батальона Мешаков и повел своих бойцов в атаку. Где-то недалеко от Мешакова вскочил старший политрук Александр

Николаевич Глазырин и увлек красноармейцев за собой... Батальон ворвался в Некрасово. Здесь началось то, что в сводках называлось «боем в населенном пункте».

В ход пошли штык и граната, приклад и кулак, выстрел и пинок... И вдруг движение приостановилось. Возле перекрестка, почти у самой стены кирпичного дома, стояла фашистская танкетка и поливала улицу свинцом из пулемета, да так, что и головы не поднимешь. Политрук Дресвянников и красноармеец Сергеев кинулись в сторону от дороги, по огородам, за сараями в обход. В руках у них — противотанковые гранаты и бутылки с горючей жидкостью. Вот и дом, за которым притаилась танкетка. Слышится длинная очередь... Бросок! Летит противотанковая граната. Снова бросок! Сергеев размахивается и следом швыряет бутылку. Треск, взрывы, и огромное чадное пламя поднялось над танкеткой... По улице разнеслось «Ура!» — батальон снова пошел в атаку...

Где-то сбоку из окна дома застрочил пулемет. Сергеев незаметно подполз к дому и метнул в окно гранату. От взрыва вылетели стекла и рамы. Заглянув в оконный проем, Сергеев увидел возле замолкшего пулемета несколько трупов.

До конца боя было еще далеко. Рота лейтенанта Объедкова решила преградить фашистам путь отхода. Вот уже и околица, и тут на наших бойцов бросились гитлеровцы. В рукопашной схватке у Объедкова разбилась винтовка. Вражеский штык проколол кисть левой руки. Тогда правой рукой Василий Георгиевич схватил последнее оружие — солдатскую лопатку и раскрыл черепа троим вражеским солдатам.

Весь день шел бой в деревне. Некоторые дома переходили из рук в руки по нескольку раз. Мы не могли понять упорства немцев и только после боя узнали настоящую причину. Фашистское командование требовало оборонять фронт до последнего солдата, не отступать больше ни на шаг.

«Командующие армиями, командиры соединений и все офицеры своим личным примером должны заставить войска с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания

на противника, прорвавшегося на флангах и в тыл наших войск. Только такой метод ведения боевых действий позволит выиграть время, которое необходимо для того, чтобы перебросить с родины и с запада подкрепления...» Так говорилось в директиве немецкого верховного командования от 16 декабря 1941 года.

В наши руки попали значительные по тем временам трофеи: 4 исправных и 5 подбитых танков, 10 автомашин, 12 пулеметов, 40 автоматов, 3 миномета и многое другое. Но и наши потери были большими. Погибли политрук роты Дресвянников, командир роты Объедков, ранены командир батальона Мешаков, секретарь партбюро полка Сафонов... Вечная память всем рядовым и сержантам, которые декабрьским днем сложили свои головы под деревней Некрасово!..

Я снова смотрю на потертую карту. Чуть разглаживаю ее и вижу возле группы черных прямоугольничков с надписью «Шульгино» бурое пятно, похожее на ржавчину... Ржавчина ли? Нет, это кровь! Как же она сюда попала? Может, чья-то наспех перевязанная рука делала на карте отметку, может, еще что... В тех боях под Шульгино у излучины речки Тьмака мы потеряли многих своих бойцов... Здесь дрался полк майора Федора Никитича Савенко.

Между этим полком и его левым соседом из-за болота образовался разрыв шириной полтора-два километра. Посланная еще на рассвете в этом направлении разведка доложила, что болото юго-восточнее Шульгино и Максимовской местами очень опасно, но все-таки пехота может по нему пройти. Кустарник вокруг болота густой. Кроме того, разведка установила, что на юго-восточной окраине деревни у врага нет никаких укреплений. Очевидно, противник надеялся на непроходимость болота.

Получив эти данные и оценив обстановку, майор Савенко пришел к выводу, что открытая атака в данном случае невыгодна. Целесообразнее наступать ночью. Он решил основными силами полка под покровом темноты обойти Шульгино с юго-востока и только тогда нанести удар по противнику.

Один стрелковый батальон оставить для прикрытия тыла и правого фланга полка. Одной стрелковой ротой, при поддержке артиллерии и минометов, продемонстрировать наступление с фронта и ввести в заблуждение противника относительно наших истинных намерений.

Командир дивизии одобрил план ночных действий, и полк начал готовиться.

Пока командиры были на рекогносцировке, в подразделениях бойцы подгоняли снаряжение, плели из хвороста маты, пополняли боеприпасы, тщательно проверяли оружие.

За несколько часов до наступления секретарь партбюро полка Ефим Георгиевич Каледич вместе со старшим политруком Александром Александровичем Осиповым провели в каждом батальоне партийные и комсомольские собрания. А потом состоялся митинг...

Зимний день короток. В сумерки, под прикрытием кустарника, подразделения полка предприняли обходной маневр. Ни звука... Вместе с бойцами шли политработники Е. Г. Каледич и А. А. Осипов. В боевых порядках седьмой стрелковой роты шагал батальонный комиссар Николай Михайлович Васяев. Болото покрывал глубокий снег. А под ним — живая, чавкающая няша, засасывающая ноги. Пришлось устилать путь плетеными матами... Так и двигались... А там, где кустарник был редок, бойцы зарывались в снег и ползли в нем, размешивая грязь... Шинели стали тяжелыми, коробились, замерзали.

Вот и дорога. Рота разделилась на две группы. Не успели осмотреться, как на дороге послышался топот марширующих ног, чужая речь, смех... Гитлеровцы! До них не больше сотни метров.

Подпустив врага поближе, рота открыла огонь. Ночную тишину разорвала резкая очередь пулемета, ей откликнулись винтовочные выстрелы и взрывы гранат.

Две группы роты, одна во главе с политруком Шиловым, другая во главе с командиром Чебаковым, с криком «Ура!» бросились на врага. Взлетела вверх посланная лейтенантом Чебаковым красная ракета — условный сигнал «атакую». Такие же

сигналы показались там, где были сосредоточены для атаки главные силы полка. Наступление началось.

Рота Минаила Тимофеевича Чебакова истребила большинство гитлеровцев огнем и штыками. Уцелевшие фашисты в панике побежали.

Преследуя их по пятам, рота во главе с комиссаром полка Васяевым ворвалась в Шульгино с тыла. Заработали фашистские минометы. Гитлеровцы стремились удержаться в деревне. Огнем, штыком, а порой и прикладом уральцы уничтожали сопротивлявшегося врага. Возле одного дома, за забором которого укрывался комиссар Васяев, строчил вражеский пулемет и преграждал дорогу бойцам на противоположной стороне улицы. Комиссар Васяев прыгнул на пулеметчика и ударил прикладом по голове.

Второй и третий батальоны полка шли на деревню со стороны болота. Одним из первых с возгласом «За Родину! Вперед!» здесь поднялся в атаку секретарь партийного бюро полка старший политрук Каледич (бывший член Серовского райкома партии), увлекая за собой второй батальон.

— Вперед!

Наконец траншея врага! В нее полетели гранаты. Ефим Георгиевич с ловкостью бывалого солдата орудовал штыком. Даже раненный, он не оставлял поле боя.

Батальон ворвался в деревню. Враг был захвачен врасплох. Теснимый с запада и юго-востока, он скоро прекратил сопротивление. Большинство гитлеровцев было перебито. К трем часам ночи 19 декабря Шульгино было освобождено от оккупантов.

Преследуя противника, подразделения полка на рассвете вышли к Максимовской. Свирепый, морозный, резкий ветер бил в лицо, мел по полю сухую декабрьскую поземку, скрывая позиции врага. Противник открыл сильный пулеметный и минометный огонь, а из глубины ударила артиллерия. Наступление приостановилось. Воспользовавшись заминкой, фашисты предприняли подряд несколько контратак, с тем чтобы восстановить положение. Но наши бойцы держались стойко. Они

отбили все контратаки и отбросили противника, нанеся ему большие потери.

Самоотверженно сражались подразделения 3-го батальона, которым командовал старший лейтенант Миргалим Гафин. Под огнем противника батальон искусно маневрировал на поле боя, нанося удары по флангам контратакующих его подразделений.

На рассвете старший политрук Каледич получил вторую рану. Она оказалась смертельной...

Героический поступок совершил в этом бою красноармеец Михаил Иванович Сысоев. Неожиданно он натолкнулся в переулке на группу фашистов, которые вели огонь из автоматов и пулеметов по нашим бойцам. Вражеские солдаты заметили Сысоева, трое из них бросились на него, очевидно, хотели взять живым. Михаил Иванович мгновенно выхватил из-за пояса гранату и метнул ее в фашистов, потом из-за угла дома бросил вторую — в пулемет. Расчет был уничтожен. Сысоев подбежал к пулемету и открыл из него огонь по отступающим фашистам.

Преследуя противника, стрелки за рекой Тьмака натолкнулись на засаду. Михаил Иванович, быстро ориентируясь на поле боя, пополз по снегу в обход неприятельского пулемета. Вот уже он рядом. Теперь надо выбрать место, откуда можно стрелять по фашистскому пулеметчику. Меткие пули сразили гитлеровца. Вражеский пулемет, мешавший взводу, замолчал. Взвод поднялся в атаку.

Командование высоко оценило подвиг Михаила Ивановича Сысоева. Ему была объявлена благодарность, и он был представлен к награждению орденом Красного Знамени.

...Я снова разглаживаю карту, мой взгляд останавливается на красной стрелке, протянувшейся к надписи «Максимовская». Здесь нам пришлось хуже всего. Возле этой деревни и соседней с ней Порядино фашисты сопротивлялись особенно яростно. Ночная атака не принесла нам успеха: под сильнейшим артиллерийским и пулеметным огнем полк отошел на исходные позиции. Правда, вначале казалось, успех обеспечен: рота лейтенанта Полякова ворвалась на окраину, захватила несколько домов...

Но немцы вскоре вернули их. Тогда командир дивизии генерал-майор Воронцов решил изменить тактику. Дивизионной артиллерии было приказано ранним утром подавить огневые точки врага, и только после этого предполагалось перейти в наступление.

И вот после огневого налета в небо взвилась ракета. Атака!

Третьему батальону стрелкового полка капитана Чернозерского предстояло преодолеть снежный вал, который враг возвел в 100—150 метрах от деревни. С амбразурами для стрельбы из автоматов и пулеметов, вал очень хорошо маскировал движение противника. Нашей артиллерии не удалось уничтожить все огневые точки противника, замаскированные за снежным валом. Уцелевшие открыли по наступающему батальону сильный ружейно-пулеметный огонь. Из глубины заговорили минометы и орудия. Тяжелая артиллерия противника стреляла с берега Волги. Стрелковые подразделения дивизии подошли вплотную к неприятельским позициям, но попытки их ворваться за снежный вал не увенчались успехом. Пехота была встречена ураганным огнем и залегла.

Тогда командир батальона приказал лейтенанту Кузьме Андреевичу Уголькову со своей ротой обойти противника и ударить с фланга, а остальным продолжать наступление.

Рота лейтенанта Уголькова, прикрываясь сугробами, глубоко зарываясь в снег, обошла врага, нанесла внезапный удар по противнику с фланга и ворвалась за снежный вал. Завязался ожесточенный бой. Гитлеровцы дрались упорно. На помощь им из деревни появился взвод автоматчиков, которому удалось рассечь роту на две части. Группа бойцов роты была окружена и стала драться врукопашную.

Коммунист сержант Григорий Иванович Нагибин понял, что над красноармейцами нависла смертельная опасность и настал такой момент, когда он, как коммунист, личным примером должен увлечь бойцов на выручку товарищей.

Нагибин поднялся с возгласом «Ура! Бей гадов!» и устремился вперед. Вслед за ним поднялись

и другие бойцы роты и ударили по врагу. Противник не выдержал натиска наших подразделений, стал пятиться.

Полк Чернозерского во взаимодействии с подразделениями 29-го кавалерийского полка шаг за шагом теснил неприятеля.

С боем брался каждый дом. Рядом с Нагибиным шел в атаку и младший сержант Гаврила Николаевич Холодеев.

В это время с юго-востока в деревню ворвались бойцы батальона старшего лейтенанта Гафина. Батальон вышел на минометные позиции врага и несколько ослабил его сопротивление. Но противник всеми силами старался удержать Порядино за собой. Авиация немцев систематически бомбардировала и обстреливала из пулеметов боевые порядки дивизии.

Во второй половине дня дивизии удалось расколоть силы врага надвое, сломив его сопротивление, и очистить больше половины деревни. Враг стал отходить. Бой шел на западной окраине. Внезапно в деревню с правого фланга стрелкового полка на большой скорости ворвались три вражеских танка.

Командир полка разгадал замысел врага, понял, что гитлеровцы хотят приостановить наше наступление, выиграть время. Он быстро организовал оборону своим резервом и приказал подразделениям третьего батальона, не останавливаясь, продвигаться вперед и очистить деревню от немцев.

Два танка врага были подбиты, третий повернул обратно. Небольшая группа автоматчиков, которые прибыли на танках, была также уничтожена.

К исходу дня Порядино было полностью очищено от неприятеля. Подразделения стрелковых полков начали приводить себя в порядок. Вдруг около батальона фашистов с четырьмя танками при поддержке артиллерии и минометов контратаковали полк со стороны Владеева. Но наши бойцы не потерялись. Командир батареи сорокапятимиллиметровых пушек красноуфимец младший лейтенант Николай Михайлович Масливец прямой наводкой подбил один из танков противника и уничтожил много фашистов. Красноармеец пулеметной

роты Иван Ильич Любимов подпустил к себе гитлеровцев и открыл меткий огонь из пулемета. Несколько десятков вражеских солдат навечно легли в русские снега. Инструктор пропаганды полка старший политрук Ким Варлаамович Пролетарский остановил группу красноармейцев, дрогнувших под натиском противника, повернул их, и вместе они встретили фашистов дружным ружейным огнем. Враг откатился.

Отразив контратаку неприятеля, части дивизии возобновили наступление.

В бою за Порядино полки дивизии захватили 10 орудий, 4 зенитных четырехпарных пулемета, мотоциклы, автомашины, много автоматов и винтовок. Подбили 3 танка, самолет, уничтожили более 250 фашистов.

Противник, потеряв Порядино и Максимовскую, стал отходить к Емельяново. Стрелковые полки дивизии ночью под вражеским артиллерийским и минометным огнем, обходя заграждения, наспех установленные на дороге Калинин — Старица, отражая наскоки фашистских автоматчиков, продвигались вперед.

План противника задержать нас на рубеже Некрасово, Порядино, Шульгино — был сорван...

...Вот какие эпизоды из жизни дивизии напомнила мне старая потертая карта, переданная бывшим командиром взвода конной разведки Степаном Захаровичем Рыковым.

Деревни, деревни...

Борисково, Владеево, Гудово, Путилово, Дубровка... Сколько их, таких вот маленьких деревень, разбросано по России!.. И мне в этой главке хочется рассказать о боях за, казалось бы, незаметные, как мы говорили тогда, населенные пункты... И не потому, что сражения эти чем-то уж сверхвыдающимся примечательны, а потому, что война, как из капель море, складывалась из таких вот боев за маленькие русские села и деревеньки.

Владеево... Где-то затерялось это село на карте Калининской области. Наверное, и не помнят

там, что в конце декабря 1941 года шла в этих местах в атаку на вражеские укрепления рота уральцев под командованием политрука Галкина. Серый зимний рассвет занимался на востоке. С винтовками наперевес, тяжело дыша, бежали по глубокому снегу бойцы... Тишина внезапно разорвалась треском выстрелов, а откуда-то слева, невидимый, ударил вражеский пулемет и прижал бойцов к земле. Все поле перед деревней было пристреляно с чисто немецкой аккуратностью — головы не поднимаешь!..

Политрук быстро определил место, откуда вражеский пулеметчик обстреливал роту. Наши бойцы пытались уничтожить фашиста. Но тот сделал себе отличное укрытие, и пули не доставали его.

Галкин заволновался: пройдет еще несколько минут и бойцов уже не поднимешь со снега. Атака могла сорваться... Он посмотрел на рядом лежавшего красноармейца.

— Малышев!..

— Слушаю, товарищ политрук...

— Видишь, откуда бьет немец?

— Вижу...

— Надо бы его уничтожить, — совсем не по уставному попросил Галкин.

— Есть уничтожить, — спокойно, словно он не в снегу лежал, а стоял в строю, ответил Малышев и с двумя гранатами в руках пополз к вражескому пулемету...

В предрассветных сумерках политрук видел две серо-зеленые гранаты в руках Малышева, а в висках билась одна неотступная мысль: «Доползи, Алексей Петрович... Доползи, Малышев...» Рота оживилась и стала обстреливать фашистский пулемет... До чего медленно идет время!.. До чего медленно ползет Малышев!.. Сорок метров до врага... Тридцать... Двадцать... Куда он подевался?.. А, зарылся в сугроб!.. Пятнадцать... Из сугроба поднялась фигура, размахнулась и бросила гранату... За ней — другую! Взрывы почти слились... Пулемет захлебнулся, и тут же вся рота вскочила и, нестройно крича «Ура!», бросилась на вражеские окопы.

Гитлеровцы в беспорядке отступали, отстреливались, бежали центральной улицей села. Политрук Галкин хотел было уже посылать связного с донесением, что Владеево освобождено, как вдруг из-за окраинных домов выскочили молчавшие до этого времени фашистские автоматчики, и рота оказалась окруженной... Это был тогда самый излюбленный прием врага — пустить в населенный пункт, окружить и уничтожить. Но Галкин не растерялся.

— Занять оборону в домах! — крикнул он.

Трудная это была оборона: на каждый выстрел наших бойцов гитлеровцы отвечали очередями из автоматов...

Но на помощь роте уже двигался батальон старшего лейтенанта Белоногова. Стремительным броском он смял неприятеля на окраине деревни и вместе с ротой Галкина, преследуя врага и не давая ему опомниться, освободил и следующую деревню — Гудово...

А рядом, у Дубровки, вместе с пехотой наступал артиллерийский полк дивизии, которым командовал майор Алексей Васильевич Бабчук. Он все время держал свои наблюдательные пункты ближе к противнику. Командиры дивизионов, батарей шли в боевых порядках наступающей пехоты и оттуда корректировали огонь. Это помогало быстро разрушать окопы, блиндажи, сделанные под домами, уничтожать наблюдательные пункты врага, истреблять танки и живую силу. Иногда артиллеристам приходилось на руках тащить свои орудия, чтобы вовремя помочь пехоте.

Вместе с пехотой шел и расчет орудия стрелкового полка. Противно завывали и взрывались, словно кричали, вражеские мины... Одна из них взорвалась возле орудия... И оно смолкло... Наводчик Иван Васильевич Зуев пришел в себя, когда осмелевшие фашисты, поддержанные пулеметами и минометами, бросились к пушке... Иван Васильевич подполз к орудью, покачиваясь, встал, загал в магазин шрапнельный снаряд, навел и выстрелил почти в упор...

Потом Иван Васильевич Зуев рассказывал, что он почти ничего не слышал, в ушах — страшная

боль, все тело словно свинцовое, а в голове только три приказа самому себе:

— Взять снаряд...

— Зарядить...

— Огонь!...

И снова:

— Взять снаряд...

— Зарядить...

— Огонь!

Зуев не слышал ни звона ударявшихся о щит пуль, ни грохота выстрелов своей пушки, но темп огня его орудия, у которого он был и заряжающим, и подносчиком, и наводчиком, все возрастал, а тяжесть тела переставала мешать, боль в ушах становилась слабее...

И наша пехота, на глазах у которой маленький человек метался между ящиком со снарядами и орудием, поднялась, ударила по врагу и опрокинула контратаку... А от соседних орудий уже бежали к Зуеву артиллеристы, и вот рядом подносчик, и не надо бежать за снарядом... Вот чьи-то руки перехватили снаряд, и можно впитаться в прицел...

Деревня Дубровка была освобождена. Орудие замолчало. Иван Васильевич удивленно посмотрел на поле перед своей пушкой... Там валялись трупы фашистов, десятки трупов...

— И это все я? — удивился Иван Васильевич, но боль в ушах не дала ему услышать ответа товарищей: он видел их улыбки, движущиеся губы... А потом они все вместе впряглись в пушку и двинули ее вслед за ушедшей вперед пехотой.

Деревни, деревни... Они сливаются в памяти... Их много, и они так похожи друг на друга, наши русские деревни... И возле каждой из них, там, где проходил фронт, лилась кровь и оставались могилы.

Деревни, деревни... Их еще много будет впереди... И будут не только триумфальные победы, будут неудачи, поражения... Мы тогда еще только учились воевать, но уже и тогда показали себя способными учениками.

В те дни все мы много слышали о героических делах советских разведчиков, которые в трудней-

шей обстановке умели проявлять мужество, хладнокровие, подлинное воинское мастерство.

Зашла как-то в тыл врага небольшая группа разведчиков: пять человек во главе с лейтенантом Печенкиным и сержантом Мосиновым.

Чтобы выполнить задание, разведчики устроили засаду недалеко от деревни Владеево. Вскоре на дороге показались гитлеровские солдаты. Посчитали — тринадцать человек.

Пропустить? Ждать другую группу, поменьше? Бесшумно взять в плен всех — не выйдет... Силы неравные. Начинало светать. Лейтенант Печенкин шепотом спросил:

— Ну, что? Рискнем? Померяемся силами? Посмотрим, кто кого. Риск — благородное дело! Без риска нет удачи...

Подпустив гитлеровцев поближе, лейтенант Печенкин и сержант Мосинов бросили по гранате. Все разведчики открыли огонь. Пятеро вражеских солдат свалились, а остальные в панике обратились в бегство. Их настигали пули разведчиков. На одного из фашистов, оказавшегося поближе к засаде, прыгнул разведчик Шарапов и ударом приклада оглушил его. Медлить нельзя. Надо скорее уходить. Подхватив пленного, разведчики бросились бежать. Но уйти далеко не удалось. Взрывы гранат и выстрелы привлекли внимание врага. Началась стрельба. Скоро показался взвод автоматчиков, бегущих следом. Пули засвистели вокруг разведчиков.

Лейтенант Печенкин приказал:

— Нам всем не уйти. Двоим быстро отходить, а я с остальными буду прикрывать отход.

Лейтенант передал схему с огневыми точками противника. Приказал ее и пленного доставить в часть.

Лейтенант Печенкин, сержант Мосинов, разведчик Шарапов залегли и встретили подошедших автоматчиков огнем. Гитлеровцы стали приближаться к разведчикам короткими перебежками и вскоре подошли совсем близко. Против трех советских разведчиков шло более двадцати автоматчиков. Враги пытались окружить храбрецов. Дважды они поднимались в атаку.

Короткий промежуток между атаками разведчики использовали для своего отхода. Прикрывая друг друга огнем, они все ближе и ближе подходили к роще. Сюда, выполняя приказ командира, перебрались их товарищи с пленным гитлеровцем. Медлить нельзя: становилось совсем светло. Кроме того, ранен Шарапов. Он передвигался с большим трудом, при помощи Мосинова. Патроны и гранаты на исходе.

После двух неудачных атак пыл у врага стал остывать. Его нажим с каждой минутой слабел. Очевидно, никто из фашистов не хотел подставлять свою голову под пули. Советские разведчики незаметно отползли к роще. Когда гитлеровцы поднялись в очередную атаку, разведчики успели оторваться от них. Вот и опушка рощи! Теперь каждое дерево — защитник!..

Через час разведчики добрались до своих. В это время в штабе полка уже был закончен допрос пленного.

Разведчики ушли отдыхать. Но спать не пришлось. Через час заговорила дивизионная артиллерия. Пехота вышла на рубеж атаки...

Во имя грядущей...

Передо мной на столе письмо.

Это письмо заставило меня обратиться к своим блокнотам фронтового времени.

Ольховиков... Невысокого роста человек в очках подошел ко мне. Неловко поднес к виску руку. Хотел представиться по всем правилам, по строевому уставу, а получилось неумело, по-граждански.

Такой была моя первая встреча с ним осенью 1941 года в политотделе только что сформированной 375-й стрелковой Уральской дивизии. О многом сказала лаконичная биография в пол-листа. Уроженец села Висимо-Уткинск Свердловской области, вырос в семье кузнеца. После смерти отца с 11 лет работал на золото-платиновых приисках. В 1919 году был одним из организаторов приискового комсомола и секретарем ячейки, учился на рабфаке, в Уральском политехническом институте.

В 1926 году вступил в партию. А дальше — работа в Висимском райкоме партии, Свердловском обкоме ВКП(б), секретарем Первоуральского райкома партии.

Старший политрук Ольховиков хорошо знал и выполнял свое дело. Он, как пропагандист, находился в гуще солдат не только в минуты затишья, а, бывало, в самом пекле, в разгар боя слышалось его горячее слово, зажигающее сердце бойца. Шинель его была пробита в нескольких местах, и он часто шутил, что носит под одеждой броню — недаром отскакивают фашистские пули.

И вот теперь, через несколько десятков лет, держу в руках письмо его жены — Лидии Владимировны. У Ольховикова выросли две дочери — Эльвира и Людмила — и сын Александр. До сих пор не знают они, как сражался и погиб отец. А хотят знать.

Александр Измайлович участвовал во многих боях дивизии под Москвой. Своим личным примером он поднимал бойцов в атаку на окраине города Калинина, у деревень Шеборшино, Некрасово и Кучково, о чем я писал раньше. Но особенно запомнилось мне сражение под городом Старицей.

...Заработала молчавшая ночью артиллерия, которой командовал камышловец майор Алексей Бабчук. Снаряды прочерчивали в воздухе свою невидимую траекторию, все чаще и чаще взрывались в расположении вражеских позиций. Артиллерийская подготовка длилась всего 30 минут. Но и они казались длинными в напряженном ожидании атаки. Старший политрук Ольховиков, переползая от взвода к взводу, от бойца к бойцу, подбадривал людей своей уверенностью в успехе боя. Где шуткой, где острым словом, а главное — своей отвагой он зажигал сердца воинов, вдохновляя на подвиг.

«Наш старший политрук — огонь», — говорили бойцы, и это была самая высокая награда для него. Вот и сейчас, когда бойцы готовятся к атаке, старший политрук вместе с ними, там, где трудно и опасно, где его теплые слова, его моральная поддержка нужны как никогда.

Артиллерия перенесла свой огонь в глубину

обороны противника. Лежавшие на рубеже атаки воины подтянулись, напряглись, и тут раздался отрывистый клич командиров:

— За Родину, за Сталина, вперед!

Воины стремительно выскакивали из окопов и бросались вперед. Сражение было тяжелым. Когда рота стала приближаться к вражеским окопам, ей преградил путь яростный пулеметный огонь. Но алапаевец Василий Дмитриевич Казаков меткой очередью автомата заставил замолчать немецкий пулемет.

Солдаты устремились к вражеским окопам и забросали их гранатами. Первыми ворвались в расположение немцев бойцы отделения коммуниста Якова Ковешникова. Завязался рукопашный бой. Когда Ковешников перепрыгнул через вражеский окоп и бросился вперед, за ним из соседнего окопа выскочил здоровенный немец, сбил его с ног. Началась борьба. Гитлеровец вцепился в горло. Ковешников уже задыхался. Вдруг что-то треснуло, и пальцы фашиста разжались: это был звук удара прикладом винтовки Ольховикова, вовремя подоспевшего на помощь. Только теперь Ковешников заметил на плече гитлеровца офицерские погоны. Второго фашиста Ольховиков сразил метким выстрелом. Не ушел и третий — его прикончил штык Ковешникова. Так же смело и решительно действовали другие воины стрелкового батальона коммуниста старшего лейтенанта Николая Васильевича Радюка и рота младшего лейтенанта Гаврилы Степановича Недобывайлы.

Схватка с врагом на этом рубеже кончилась быстро. Большинство фашистов было истреблено. Взят еще один рубеж врага. Разгоряченные боем, воодушевленные успехом, воины рванулись вперед.

Деревня была совсем близко: за маленькой лощинкой виднелись разрушенные дома с засевшими в них немецкими автоматчиками. А дальше — церковь, откуда строчили еще не подавленные фашистские пулеметы. Из-за роши, что северо-западнее Щитниково, вели огонь артиллерийские и минометные батареи врага. Полковник Авксентий Доментович Георгобиани продолжал всей мощью артиллерии дивизии подавлять их. Мино-

метная батарея свердловчанина старшего лейтенанта Владимира Курчанина расстреливала огневые точки на окраине деревни Ушаково. Орудие свердловчанина сержанта Афанасия Фирсова прямой наводкой било по вражеским пулеметам, которые стреляли из церкви. Наводчик пятой батареи 932-го артиллерийского полка Азеев прямой наводкой уничтожил вражеский пулемет на колокольне.

Два стрелковых батальона полка Серафима Чернозерского, преодолевая сопротивление врага, короткими перебежками приближались к деревне. В первых рядах наступающих, петляя из стороны в сторону, падая и вновь поднимаясь, бежал навстречу свинцовому дождю и пропагандист полка. Вдруг из крайнего дома открыл сильный огонь немецкий пулемет. Несколько воинов упали. Но не долго пришлось злорадствовать вражескому пулеметчику. Пушка батареи красноуфимца младшего лейтенанта Николая Мосливца смела пулемет с лица земли.

Стрелки вновь поднялись в атаку.

— Командира роты ранило, — крикнул ординарец Даниил Прытков. Санитар — свердловчанин Василий Смернягин — бросился на помощь ротному.

Наступило минутное замешательство. Продлись оно еще несколько секунд — атака захлебнется, и тогда уже трудно будет снова поднять бойцов. Медлить было нельзя.

Старший политрук Александр Измайлович Ольховиков рванулся вперед и громко крикнул:

— Ротой команду я! За мной, вперед! Ура-а-а!

Вал атаки неудержимо покатился на позиции врага. Пулеметчик, бежавший рядом с Ольховиковым, раненный, упал. Александр Измайлович поднял ручной пулемет и бросился дальше.

Воины во главе со старшим политруком, ворвавшись на окраину деревни, стали очищать дом за домом от засевших в них немцев. Старший политрук умело руководил боем. Дважды немцы пытались контратакой вернуть утраченные позиции. Но это им не удалось. Рота закрепилась, только после этого Ольховиков сдал роту вновь назначенному командиру. А сам, получив новое

задание от комиссара полка, пошел на другой участок, где еще шла битва.

На другой день мне доложили о гибели инструктора по пропаганде 1243-го стрелкового полка старшего политрука Александра Измайловича Ольховикова. Его похоронили у деревни Воеводино, освобожденной ценой жизни многих воинов нашей дивизии.

Нет с нами Александра Измайловича, но его подвиг, его отвага и беззаветная преданность своему народу живут в сердцах его однополчан. Своим детям он завещал доброе имя. Он отдал свою жизнь во имя грядущей победы.

Перед рассветом

В декабрьские дни 1941 года наш 1245-й стрелковый полк под командованием майора Е. Румянцева и батальонного комиссара Ф. Говорова успешно провел бой и подошел к деревне Буконтово. Понеся потери, гитлеровцы отошли на заранее подготовленные позиции и закрепились. Попытка нашего полка с ходу прорвать их оборону успеха не принесла.

Буконтово представляло собой очень выгодный рубеж. Здесь противник оборонялся двумя батальонами пехоты, дивизионом артиллерии и несколькими батареями минометов.

Однако разведка, организованная штабом нашего полка, установила, что значительные огневые средства противника сосредоточены в центре обороны. Правее и левее деревни находилось только боевое охранение. Командир и комиссар полка, оценив обстановку, решили: под покровом ночи небольшими группами обойти деревню и внезапной ночной атакой с флангов и частью сил с тыла разгромить врага и овладеть деревней.

Задачу выйти в тыл противника командир полка поставил третьему стрелковому батальону, которым командовал смелый, энергичный старший лейтенант Матвей Федорович Федун. Этот батальон уже не один раз смело заходил в тыл врага

и наносил ему ощутимые удары. Вот и теперь задача обойти противника выпала на долю этого батальона, другим предстояло нанести удары с флангов и с фронта.

Все формы партийно-политической работы были приведены в действие. Усилия командиров, политработников, коммунистов, комсомольцев направлялись к единой цели: еще сильнее разжечь в бойцах священное чувство ненависти к фашистам. Там, где представлялась возможность, проводились партийные и комсомольские собрания, на которых говорили о том, что личный пример коммуниста и комсомольца в бою должен дополняться его ответственностью за действия товарищей, всего отделения, взвода и роты в целом. Проверяли готовность к бою оружия, снаряжения, боеприпасов.

С наступлением темноты третий батальон мелкими группами, рота за ротой, вышел в мутную морозную ночь. Где ползком по снегу, где короткими перебежками воины просачивались в тыл противника. В первых рядах шли коммунисты и комсомольцы. Примерно в километре от деревни, при спуске с возвышенности, над головами бойцов отделения Ивана Макшаева засвистели пули. Но гитлеровцы, видать, стреляли просто так, для острстки, и бойцы отделения успешно спустились в низину. По их следу сюда подошла и вся рота. Выбравшись из ложбины, воины осмотрелись, обошли вражеский пулемет. За деревней батальон изготовился для атаки с тыла.

Так же скрытно на заранее намеченные места вышли к Буконтово и другие подразделения полка. И вот взвились ракеты — сигнал атаки. В первые же минуты было снято боевое охранение врага и бойцы ворвались в деревню. С тыла сюда прибыла рота члена партийного бюро полка младшего лейтенанта Федора Григорьевича Чухломина. С правого фланга ударили воины другого батальона. Здесь первыми достигли крайнего дома бойцы во главе с политруком роты Свердловым.

Атака полка для гитлеровцев оказалась столь неожиданной, что они не могли определить, где главная опасность. Поднялась паника, беспоря-

дочная стрельба. Перепуганные офицеры выскакивали из домов и ошалело метались по дворам.

Из окна одного дома по нашим бойцам застрочил автомат. Однако пулеметчик Михаил Ульянов тут же сразил гитлеровца. Сержант Макшаев, пробегая вблизи крайнего дома, услышал какой-то шум и незнакомую речь. «Проспали, гады», — догадался сержант и подал команду окружить дом. Сам же вместе с красноармейцем Макаровым встал за дверь. Когда она распахнулась и из избы стали выскакивать гитлеровцы, Макаров не терял ни секунды: одного собьет прикладом, другого — штыком. Вдвоем они уничтожили здесь немало гитлеровцев и двух взяли в плен.

Взвод лейтенанта Сырника тоже уверенно продвигался вперед, отбивая у врага дом за домом. Но вот офицер заметил, что фашисты выкапывают орудие к перекрестку улиц. С группой бойцов он бросился наперерез машине с орудием и пустил в ход гранаты. Вражеский расчет был уничтожен, а орудие захвачено. Воины тут же развернули его и ударили по убежавшим из деревни гитлеровцам.

Перед рассветом деревня Буконтово была полностью очищена от захватчиков. В этом бою было разгромлено два батальона 37-го пехотного полка, дивизион артиллерии и штаб четвертого артиллерийского полка шестой вражеской дивизии. Полк захватил в плен 30 солдат, взял штабные документы, 7 тяжелых, 5 легких орудий, 4 миномета, 25 ручных и 7 станковых пулеметов, много винтовок и автоматов, 60 лошадей и другое военное имущество¹.

«Рождество Христово»

В тот день капитан Чернозерский, объясняя задачу командирам батальона, был предельно краток:

— Нам нужно составить подвижную группу и прорваться в тыл противника, захватить дерев-

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 1, оп. 484429, л. 3.

ню Старое-Новое. Тем самым мы перережем пути отхода врага от деревни Васильевское... Ясно?

Командиры батальона угрюмо молчали.

Капитан Чернозерский немного выждал и сердито добавил:

— Знаю, о чем вы думаете... И на языке у вас один вопрос: а сколько против нас немцев? Не знаю, пока не знаю. Может, их в несколько раз больше... Но врагов не считают — их бьют, бьют не числом, а умением...

Не удивляйся, читатель, были в те зимние месяцы первого военного года и такие разговоры. Мы еще не умели воевать, но так велика была ненависть к врагу, что в наступлении она заменяла бойцам и число, и умение... А орешек нам надо было раскусить твердый. 25 декабря утром полк взял деревню Ушаково. Неожиданно перед фронтом полка оказался открытый коридор в глубь вражеских позиций. Но мы не знали, сама ли собой получилась эта брешь, или немцы оставили ее умышленно. Поэтому и удар был нужен резкий, сильный, короткий. Расчет капитана Чернозерского строился именно на внезапности, решительности и быстроте. Противник не ждал нас — Старое-Новое расположено в десяти километрах от линии фронта. И еще одно обстоятельство мы брали тогда в расчет: в эту ночь немцы отмечали «рождество Христово». Мы решили по-своему использовать этот праздник и устроить им «танцы» под пулеметную и автоматную музыку.

Чем дальше шло обсуждение будущей операции, тем светлее становились лица комбатов, чаще сквозь махорочный дым мелькали улыбки, свободнее выдвигались и обсуждались различные варианты.

Как сейчас вижу я Серафима Владимировича Чернозерского в простреленной под Калинином шинели — капитан там был в самых опасных местах. Вот это его качество и снискало Серафиму Владимировичу уважение каждого бойца. И еще одна замечательная черта отличала все дела капитана, роднила солдат со своим командиром. Война — это суровые будни, в которых смерть часто становится привычной, ожесточает сердца.

Не таков был Чернозерский. Он знал, что приказ командира — закон для бойца, но знал и другое: этот приказ будут выполнять не бездушные автоматы, а люди. И заботился об этих людях. Каждый человек в полку знал, что командир их под Смоленском был ранен, что рана у него зажила еще не совсем, а ведь не бежит в госпиталь, ходит по заснеженным окопам, улыбается, шутит, сам черт ему не страшен!..

Но вот все детали обсуждены, договорились о сигналах, и комбаты разошлись. Мы остались втроем: Чернозерский, старший политрук Барк и я... И тут-то я увидел, что Серафим Владимирович может быть и другим — хмурым, встревоженным. А тревожиться было из-за чего. Капитан мог считать себя опытным командиром: несколько месяцев непрерывных боев в те дни «весили» очень много. Но это были бои, когда рядом всегда — сосед. Случись у тебя заминка, сосед и огонька подбросит, и роту даст, и пушки свои выкатит... Сейчас надо оторваться от дивизии, двигаться без дорог... И времени на подготовку совсем мало. Нужно выступать немедленно, пока немцы не закрыли брешь... Но по-прежнему не давала покоя мысль: а вдруг это ловушка, зайдешь и не выйдешь... И не будет тебе помощи от соседа...

Комиссара полка Барка очень беспокоила рота, которая должна была пойти в обход деревни Новое и оседлать дорогу между ней и Иверовским.

— Знаешь, Серафим Владимирович, — сказал старший политрук, кладя на карту изгрызенный карандаш, — пойду-ка я с ними.

— Надо ли? — спросил Чернозерский.

— Надо: пример куда полезнее длинных речей и умных поучений...

Они помолчали, поглядывая друг на друга. Чернозерский глухо проворчал:

— Ладно, иди. Только башку под дурные пули не подставляй...

— А сам-то, — улыбнулся Барк и показал на шинель капитана...

На этом «военный совет» и закончился...

...Ко второй половине дня мороз немного смяг-

чился. Тяжелые серые тучи закрыли небо. Пошел снег. Непогода была нам на руку. Рота, получившая задачу сбить мелкие группы противника, оседлать дорогу к деревне Иверовское и наступать частью сил на деревню Новое с юго-запада, в сумерках на десяти санях стала продвигаться по двум маршрутам. А за ней вскоре выступили и главные силы подвижной группы.

Разведка донесла командиру полка о том, что из Нового по направлению к Ушаковским Горкам движется колонна неприятеля — что-то более двухсот человек. Чернозерский быстро развернул свой полк из походного в боевой порядок и нанес удар по вражеской колонне. Истребив фашистов в двух-трех километрах восточнее деревни Новое, стремительным броском полк ворвался в Старое-Новое. К этому времени, уничтожив до взвода гитлеровцев, рота первого батальона, во главе с комиссаром полка старшим политруком Барком, вышла юго-западнее Нового, перерезала дорогу на Иверовское, а частью сил стала наступать на Новое с юго-запада и вскоре ворвалась в деревню.

Не ожидавшими такого смелого натиска фашистами овладела паника, и они оставили деревню, побросав все. Улицы, дворы были завалены разным имуществом: винтовками, автоматами, ящиками со снарядами, пулеметными дисками, телефонными аппаратами, кабелем... Тут же — штабные карты и узлы с награбленными вещами... Но самое удивительное увидели мы в домах: на столах стояли ряды бутылок различных марок: рядом с французским коньяком — русская водка, возле болгарской сливовицы — немецкий шнапс. Большинство бутылок так и остались неоткупоренными. Почти не тронутыми стояли закуски — консервы, сало, хлеб. И в каждом доме обязательная украшенная елочка с незажженными свечами.

Разгром был полный. Мы захватили тогда 8 орудий, 6 минометов, 4 рации, больше сотни винтовок, автоматов, 15 пулеметов, 80 артиллерийских и обозных лошадей, 4 походные кухни и 10 повозок с продуктами. В наши руки попали ценные штабные документы 110-й пехотной дивизии, знамя 167-го пехотного полка противника и мно-

го других трофеев¹. Сотни фашистских трупов валялись на улицах. Радость справедливого возмездия испытывали тогда, видя эти неподвижные фигуры врага. Они никогда уже не могли угрожать ничьей жизни.

Хорошо задуманный и мастерски осуществленный смелый маневр, внезапный удар по фашистам там, где они меньше всего ожидали его, обеспечили быстрый захват узла дорог, дали возможность вклиниться в расположение врага, принесли полку успех. Но тут произошла непредвиденная неприятность. После бессонных ночей усталых, измученных бойцов тянуло в жарко натопленные дома, к столам, ломившимся от яств. А там — одна рюмочка за успех, другая... Пока бойцы грелись, ели, гитлеровцы опомнились от удара. По деревне начали бить вражеские пушки и минометы. Фашисты перешли в контратаку, и загорелся жаркий бой, который продолжался несколько часов. Атака была отбита, но полк понес большие потери...

В ночном бою погибли комиссар полка старший политрук Иосиф Ехилеевич Барк — нашлаки его вражеская пуля! — и помощник начальника штаба полка лейтенант Григорий Семенович Бурдин.

...До рассвета командир полка произвел перегруппировку сил, батальоны заняли круговую оборону, перехватив важнейшие подступы к деревне Старое-Новое. Организовали разведку. Одна стрелковая рота была выведена в резерв командира полка. Капитан Чернозерский приказал командиру батареи сорокапятимиллиметровых пушек младшему лейтенанту Мосливцу использовать исправные трофейные орудия для усиления противотанковой обороны полка.

Светало. Мороз обжигал лица, мерзли руки, ноги. Воины полка продолжали закреплять занимаемые позиции. Но сухой сыпучий снег был плохим материалом для окопов и снежных валов. Капитан Чернозерский все торопил и торопил, волновался. Его волнение оказалось не напрасным.

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 375, с. д., л. 1, оп. 484429, л. 3.

Враг не хотел мириться с потерей узла сопротивления. Перегруппировав свои силы и подтянув новые части, он из Иверовского ввел их в бой. Едва занялся рассвет, фашисты открыли интенсивный артиллерийский и минометный огонь по деревне, по боевым порядкам полка. Вой снарядов, шипение мин присоединились к свисту пуль. Налетели фашистские пикировщики. Бомбежка продолжалась не менее часа. Клубы дыма окутали деревню, запылали пожары. Несколько самолетов на бреющем полете пронесли над головами бойцов, поливая их свинцом из пулеметов. Бесперывно рвались снаряды и мины, воронки изрыли улицы, дворы, огороды. После такой обработки с запада и северо-востока под прикрытием танков поднялась в атаку вражеская пехота. Многие солдаты и офицеры были пьяны — рождество! — и лезли вперед во весь рост. Уральцы отрезвляли их метким огнем из винтовок, длинными пулеметными очередями, беглым огнем пушек и минометов. Оставив на поле боя несколько десятков убитых и три танка, фашисты вынуждены были отойти.

Но преследовать противника и снова атаковать его не было сил да и боеприпасов. А у соседей в районе Казнаково слышался бой. Это значило — полк майора Савенко еще не овладел Казнаковым. Следовательно, думал Чернозерский, мы далеко от своих, не исключено, что противник еще не один раз попытается контратаковать.

Лицо Чернозерского посерело от усталости и напряжения. Мысленно он убеждал себя: держаться, держаться, чего бы это ни стоило. Короткую передышку надо было использовать для приведения в боеготовность подразделений. Три орудия, два миномета и несколько пулеметов, захваченные в ночном бою, были поставлены на огневые позиции. Всем раненым сделали перевязки. Легкораненые, получив первую помощь, возвращались в строй.

Ждали новую атаку противника.

Стрелки часов на руке Чернозерского показали 13.00, когда далеко у горизонта появились десятки «юнкерсов». Они уже близко, над деревней

Старое-Новое. Сделав несколько кругов, бомбардировщики пошли на снижение. Посыпались бомбы. Грохот разрывов наполнил воздух.

Отбомбившись, самолеты начали удаляться, но один из них пошел на снижение: видно, летчик решил посмотреть на результаты налета. Несколько пулеметов, множество винтовок из разных мест открыли огонь по самолету. Он вздрогнул и начал набирать высоту. Показались пламя и черный дым. Бойцы не отрывали глаз от бомбардировщика. Вот он качнулся, пошел в пике и рухнул. Взрыв потряс землю и воздух.

И одновременно с этим взрывом гитлеровцы начали мощный артиллерийский налет по боевым порядкам полка. А вскоре поднялась их пехота. Пьяные автоматчики шагали через трупы падающих солдат и офицеров. На этот раз они наступали более энергично и почти окружили деревню. Вот уже несколько домиков на окраине захвачены фашистами. Положение стало тяжелее, чем утром.

«Если сейчас не контратаковать немцев и не выбить их из этих домов,— думал Чернозерский,— потом будет поздно. Они закрепятся, подтянут силы и станут сжимать кольцо». Показались танки. Чернозерский перевел взгляд на бойцов, лежавших недалеко от него. Это его последний резерв. На их лицах он не увидел страха. Тогда, обращаясь к бойцам, капитан громко крикнул:

— А ну, покажем фрицам, как дерутся уральцы!

И бойцы контратаковали фашистов.

На вырчку своим мчался танк с черной свастикой.

Боец Ибрагимов побежал наперерез вражеской машине, а за ним Борис Сидоров. Ибрагимов швырнул гранату под танк. Взрыв! Танк остановился. Сидоров бросил бутылку с горючей жидкостью, и черный дым окутал подбитую машину. Не выдержав натиска наших бойцов, оставляя десятки убитых и тяжелораненых, гитлеровцы, отстреливаясь, отошли. Но многие не добежали до своих, их скопил пулеметный и автоматный огонь бойцов роты младшего лейтенанта Николая Петровича Кузеванова.

В это время на другом участке обороны вражеская пехота вклинилась в боевые порядки стрелковой роты. Некоторые бойцы начали отползать. Командир роты был тяжело ранен. Боевой порядок роты нарушился. И тут среди бойцов появился инструктор политотдела дивизии старший политрук Иван Алексеевич Малютин. До войны он был секретарем Нижнесалдинского райкома партии. С винтовкой наперевес, с криком «Ура! Бей фашистов!» Малютин бросился вперед. За ним поднялись бойцы. В рукопашной схватке они смяли врага и вынудили его отступить.

Положение было восстановлено. И вторая атака фашистов захлебнулась.

Полк оседлал дорогу. А дорога была очень нужна противнику. Поэтому он стремился во что бы то ни стало уничтожить или вышибить полк из деревни Старое-Новое. К исходу дня фашисты подтянули резервы и еще раз попытались отбить населенный пункт. Бой разгорелся с новой силой.

И снова гитлеровцам удалось ворваться в деревню. Солдаты противника бросились на первую стрелковую роту младшего лейтенанта Николая Кузеванова и стали ее окружать. У многих бойцов кончились патроны. Тогда пошли в ход ручные гранаты, несколько раз рота вступала в рукопашную схватку с врагом. Ранило командира роты. Николай лег за пулемет. Но скоро и у него вышли патроны. Комсомолец Николай Кузеванов начал отбиваться гранатами. Получил вторую рану...

И тут на выручку героям роты Николая Кузеванова подоспел взвод полка под командой комсомольца Николая Холопцева. Он собрал легко раненых и с частью своих бойцов бросился на врага. Холопцев несколькими ручными гранатами уничтожил группу вражеских солдат во дворе дома.

Почувствовав поддержку, рота Кузеванова с новой силой бросилась на врага, и он был выбит из деревни.

Третья по счету, самая крупная атака фашистов была отражена. Но положение полка было не из легких. Боеприпасы подходили к концу, а пополнить их нечем — коридор, по которому прошел полк,

немцы закрыли. Положение осложнялось еще тем, что к исходу 25 декабря соседи нашей дивизии справа и слева были остановлены врагом. А наш стрелковый полк командира Савенко был втянут в бой с противником в районе деревень Иваниши и Казнаково. Стрелковый полк майора Румянцева находился в оперативном подчинении командира соседней дивизии. Связь полка с командиром дивизии прервалась. Помощи скоро ожидать было неоткуда. Приходилось рассчитывать на свои силы.

Ночью почти во всех подразделениях состоялись партийные и комсомольские собрания.

Капитан Чернозерский поставил перед командиром взвода конной разведки лейтенантом И. Ф. Сук задачу: прорваться через вражеское кольцо, доставить донесение в штаб дивизии, доложить обстановку и состояние полка. Коммунист Иван Федорович Сук взял с собой двух разведчиков-кавалеристов и стал пробираться к своим. Дважды они наталкивались на вражеские засады и были обстреляны. Попытки незаметно проскочить через линию неприятельской обороны ни к чему не приводили. Тогда лейтенант решил прорваться с боем. Выбрав место, где было поменьше вражеских солдат, с криком «Ура!» разведчики бросились на врага. Изрубив несколько фашистов, они пронеслись на своих лошадях через кольцо окружения. Началась пальба, ракеты осветили поле. Стало светло как днем. Вражеская пуля попала в лошадь разведчика Андрея Александровича Бабакина, лошадь упала и перевернулась. К отброшенному в сторону Бабакину быстро подъехал лейтенант и посадил его с собой. В это время пуля ранила лейтенанта. Но разведчики уже оторвались от врага и скрылись в ночном мраке. Боевое донесение было доставлено в срок. За этот подвиг Иван Сук был награжден орденом Красного Знамени.

На рассвете фашисты снова перешли в наступление, на этот раз с трех сторон, при поддержке танков, штурмовых орудий, бронетранспортеров. В течение дня деревня дважды переходила из рук в руки и все-таки осталась за нами!

Такую встречу рождества Христова устроили мы противнику в подмосковных селах...



НА СТАРИЦУ

Не давать передышки!

...После выхода 1243-го стрелкового полка в район деревни Новое гитлеровцы начали срочно создавать перед нашей дивизией новый рубеж обороны. Передний край его проходил по населенным пунктам Иверовское, Щитниково, Терпилово, Казнаково. Эти деревни были превращены в опорные пункты, связанные между собой огневой системой.

27 декабря наступление частей дивизии застыло перед этой линией. Попытка 1241-го полка прорвать укрепленный рубеж у Казнаково и Иваниши успеха не принесла.

Справа и слева соседние с нами дивизии также не имели успеха. Командующий фронтом генерал-полковник И. С. Конев и командарм генерал-майор В. И. Швецов требовали во что бы то ни стало прорвать оборону противника, уничтожить его группировку на подступах к Старице и освободить город. Не давать немцам передышки ни днем, ни ночью! Да, эти требования были справедливы: каждый день заминки наступления позволял фашистам возводить более мощные оборонительные рубежи в глубине... От взятия Старицы зависел успех не только армейской, но и фронтовой операции!

Ночью 29 декабря наши бойцы вышли на исходные позиции для наступления.

Без умолку дробили тишину немецкие пулеметы. Противно выли мины, обжигая огнем разрывов недавно выпавший снег. Взлетали из немецких

окопов ракеты. Мороз с каждым часом кренчал, но войны не замечали его. Метр за метром они ползли вперед, туда, где сейчас притаился враг. Только временами, прижавшись к снегу, они ожидали очередного промежутка между разрывами вражеских мин, которые немцы бесцельно, для страховки, бросали на снежное поле.

Стрелковый батальон лейтенанта Кузьмы Андреевича Уголькова пробирался к исходному рубежу. Атака была назначена на 4.00. Оставалось 45 минут до ее начала. Кузьма Андреевич торопился. Он знал, что в деревне Щитниково сосредоточено до двух батальонов немецкой пехоты с минометами и артиллерией. Так что результаты атаки зависели от внезапности нападения, от смелости и решительности личного состава. А ведь атаковать придется без артиллерийской подготовки...

Бесшумно ползли люди в белых халатах. Вот рубеж, где высланные вперед разведчики оставили на снегу условный знак: «Тут ждать сигнала». Тишина. И в ней слышно лишь прерывистое дыхание притаившихся бойцов.

В темноте взвились сигнальные ракеты.

— Ура! — прозвенел сильный голос Уголькова.

Бойцы подхватили этот клич, и все роты батальона ринулись в атаку.

Захлебнулись вражеские пулеметы под разрывами гранат разведчиков. В яростном порыве мчались вперед бойцы, командиры, политработники. Группа коммуниста Уголькова первой настигла фашистов на окраине деревни. На плечах убегающих гитлеровцев она ворвалась в Щитниково, завязала бой. Восьмая стрелковая рота во главе с политруком Рюмковым перебежками, от укрытия к укрытию, пошла вперед, очищая от немцев дом за домом. В деревне началась непрерывная стрельба, в дробном треске автоматов и пулеметов раздавались взрывы гранат.

Из домов выбегали, стреляя на ходу, гитлеровцы, многие из них тут же падали под огнем воинов батальона Уголькова.

А слева устремилась в деревню рота лейтенанта Гаврилы Недобывайло. Она торопилась к дороге, ей надо было перерезать путь гитлеровцам на Тер-

нилово. Вот и сельская школа. Рота после короткого боя освободила ее от засевших там фашистов, вышла на дорогу.

Наступление батальона поддерживала огнем прямой наводки батарея 932-го артиллерийского полка лейтенанта Александра Моторина.

Но немцы быстро оправались от внезапного удара и закрепились на западной окраине деревни.

Стало светать. И с фланга, из нижней части деревни, по нашим бойцам ударили пулеметы и автоматы.

По вражескому пулемету открыл огонь пулеметчик восьмой стрелковой роты Федор Жуков. Немецкий пулемет замолчал. Но тут же с другого места по Жукову открыл огонь еще один пулемет, начали рваться мины. Стали подбираться к пулеметчику гитлеровские автоматчики. Федор Михайлович косил их своим огнем. Автоматчики залегли.

И вдруг пулемет Жукова замолчал. Фашисты поднялись опять в контратаку. Недалеко от Жукова, лежа на снегу, вел огонь из винтовки по наступающим красноармеец сапер Василий Казаков. Он крикнул:

— Ну что же ты, Федор, заснул? Гляди, они лезут на тебя! Давай, давай! Стреляй!..

Федор молчал. Тревога охватила Василия Дмитриевича... Он быстро пополз к товарищу. Жуков, окровавленный, лежал без сознания. С трудом Казаков отодвинул его и лег за пулемет. Тщательно прицелился. Вот и вражеские автоматчики. Длинная очередь скосила фашистов. Справа и слева от Казакова заработало еще несколько наших пулеметов. Немцы залегли, их контратака захлебнулась. Казаков перевязал Жукову рану.

После боя сапер Казаков попросил перевести его в пулеметчики. Его просьбу удовлетворили. Так алапаевец стал пулеметчиком.

Каннибалы

Немецкая оборона была прорвана. Фашисты начали отходить, сжигая деревни. Дивизия неотступно преследовала их. День и ночь перед нами на

горизонте полыхало зарево пожаров, рекой лилась кровь безвинных людей. В звериной ненависти к советскому народу фашисты стали поголовно истреблять жителей деревень, из которых отходили.

Расскажу только об одной такой деревне. Когда 21 декабря 1941 года мы вошли в освобожденную дивизией деревню Рубцово Даниловского района, перед нашими глазами предстала страшная картина.

Из 36 домов было сожжено 33. Зверскую расправу учинили гитлеровцы и над жителями. Догорал деревянный дом, а рядом с головешками лежали трупы взрослого и ребенка. Недалеко от деревни обнаружили 75 трупов детей, женщин и стариков, расстрелянных гитлеровцами перед отходом. Была расстреляна семья Глухова из четырех человек, в том числе четырехлетний Юра Глухов, семья Козлова из пяти человек.

Во время расстрела пуля не попала в восьмимесячного Алешу Козлова. Когда мать упала, пораженная фашистской пулей, он, плача, заполз на ее грудь. К ребенку подошел гитлеровец, проколол штыком, поднял и бросил в огонь догорающего дома¹.

Если бы не было очевидцев, случайно оставшихся в живых, то трудно было бы поверить этому. Ведь даже зверь не обижает детенышей. Анна Андреевна Михайлова, которая все это видела своими глазами, и сейчас живет в этой деревне.

У меня сохранились фотографии тех времен — трупы расстрелянных и тех, кто чудом остался жив из деревни Рубцово. В 1969 году во время похода по местам боев дивизии с комсомольцами Кировского района я вновь побывал в этой деревне. Через 30 лет встретился с некоторыми живыми свидетелями этого зверства. Вместе с ними мы посетили могилы расстрелянных в декабре 1941 года.

Разве разбойники со свастикой творили чудовищные злодеяния только в деревне Рубцово? Нет, эти современные каннибалы упивались кровью по-

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 6, оп. 81372, л. 75

павших в их лапы советских людей везде и всюду. Они поджигали, грабили, пытались смести советских людей с лица земли.

26 декабря 41-го года после освобождения села Иваниши Емельяновского района жители этого села М. А. Догадов, М. Е. Соловьева, П. А. Фунтиков и другие рассказывали нам:

«Гитлеровцы грабили, убивали, били и издевались над нами. В нашем селе — забрали весь скот, кур, гусей. Разорили все хозяйства. Отобрали теплые вещи, даже посуду и детские игрушки.

Фашисты расстреляли 60-летнего Михаила Лаврентьевича Михайлова, Василия Осиповича Монахова, 16-летнего Сережу Монахова. Зверски замучили тяжело раненного Павла Емельяновича Фантюкова. Без всяких причин избили палкой 70-летнюю Марфу Владимировну Изотову, 80-летнего слепого Изотова раздели и заставили ползти от хутора Колькина до Иванишинских горок.

Мы видели, — продолжали они рассказывать, — как 15 раненых пленных красноармейцев бросили на костер и сожгли. Сами фашистские звери плясали вокруг костра, орали, хохотали, видя, как на костре мучаются их жертвы»¹.

В деревне Мякишево Зубцовского района гитлеровец для забавы отравил ребенка.

Было так. Двухлетний ребенок голодал. Каждый раз, когда фашист садился за стол, тот метался и стонал. Как-то, осмелев, ребенок подошел к фашисту и коснулся его колен маленьким, тонким, как свеча, пальцем. Просил есть. Офицер улыбнулся и, погладив ребенка по голове, сказал, обращаясь к приятелю:

— Забавный русский щенок. Дать ему сахара?

Он взял со стола кусок сахара и, тихо свистнув, бросил под стол:

— На, на, на!

Ребенок залез под стол. Слышно было, как он нашел сахар и жадно его сосал. Фашист смеялся от удовольствия.

С этого дня он делал это каждый раз: швырял под стол кусочек сахара, растирал его каблуком.

¹ Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 22, оп. 81372, л. 8—10.

превращая в порошок, и свистел. Это его развлекало.

Однажды вместо сахара фашист насыпал под стол карбид. Он свистнул, весело переглянувшись с приятелем. Ребенок быстро пополз на четвереньках и слизал языком порошок, приняв его за сахар... Он обжег внутренности, корчился от ужасных мук, задыхался. А офицер изнемогал от смеха над умирающим ребенком.

Об этом в то время писала и газета «Правда».

Гитлеровцы не осилили нас огнем своих автоматов и танков, не смогли остановить наше наступление огнем своих орудий. Они пытались запугать нас пожарами, беспримерными злодеяниями рассчитывали поколебать боевой дух наших воинов. Но тщетны были их попытки. Наоборот, зверства фашистов еще более ожесточали сердца бойцов, разжигали ненависть к захватчикам, ускоряли наш шаг вперед. Несмотря на ураганный огонь гитлеровцев, воины дивизии стремительными атаками врвались в горящие деревни, уничтожали поджигателей и детубийц, преследовали их по пятам, тушили пожары.

Сейчас пишу эти строки, а сам невольно думаю о Западной Германии, где после войны многие палачи-детоубийцы, эсэсовские фюреры всех рангов, нашли убежище. И страшно подумать, что многие из них не только остаются на свободе, но и занимают руководящие посты в государственных учреждениях Бонна и в агрессивном блоке НАТО, активно участвуют в устраиваемых неонацистами «слетах», «товарищеских встречах». Повторяется то, что было в гитлеровской Германии перед второй мировой войной.

Кое-кто пытается выдать возрождение милитаризма, фашизма, расизма в Западной Германии и в других странах мира за демократическое обновление. Но им не удастся усыпить бдительность народов.

В ночь под Новый год

Московская битва... Это уже история. С той поры минуло сорок лет. Но у памяти свои законы. Каждый раз, когда попадают в руки пожелтевшие от времени странички фронтовой газеты или старые письма, выцветшие фотографии тех лет, наплывают воспоминания — такие живые, что начинаешь слушать тишину, словно может ее разорвать вой бомб и треск пулеметов.

Я уже говорил, какой отзвук вызвал у ветеранов дивизии вид потертых на сгибах карт.

Вот и сейчас, когда стал собирать материал для этого очерка, попались мне «ориентир» воспоминаний. Фотографии сентябрьских дней 41-го года: бойцы 375-й стрелковой дивизии учатся стрелять, уничтожать вражеские танки. Страница армейской газеты от 4 января 1942 года: снимки разбитой техники врага на дороге Старица — Ржев, а по обочинам — трупы фашистов. И подпись: «Путь отхода немцев от города Старицы».

Скуп военный язык. Посторонний посмотрит и перевернет страницу, но я не в силах сделать это. Подбитые танки, бронетранспортеры, орудия, трупы гитлеровцев в снегу Подмоскovie — это тяжелая солдатская работа. Работа моих однополчан. Тех, кто смотрит на меня с других фотографий, кто на Урале осенью 41-го вместо гранат бросал деревянные болванки, а вместо настоящей винтовки макетом выполнял команду: «Длинным — коли!»

...Последняя декабрьская ночь перед Новым, 1942 годом. На небе там и тут мерцают звезды. Крепкий мороз перехватывает дыхание. От долгого лежания на снегу стынет тело, ноги сводит судорогой. Без умолку строчат немецкие пулеметы. Впереди чуть виднеются крыши старинного русского города Старица, уходящего своими улицами вдоль красавицы Волги.

Словно из снежного сугроба перед нами вырос командир взвода разведки Кормацкий.

— Все на исходном, товарищ генерал, — доложил он командиру дивизии.

— Сигнал — «атака», — ответил тот.

Начался штурм. Враг, занявший оборону на

окраине города, упорно сопротивлялся. Он пытался остановить наше наступление, не допустить прорыва своей обороны, сохранить за собой город и дорогу на Ржев, Зубцов...

В ночном бою, сломив сопротивление фашистов, части нашей и соседней, 252-й дивизии ворвались в город. Ураганный огонь встречал нас из окопов, с чердаков, из окон домов. Несмотря ни на что, воины стрелковых полков майора Евгения Федосевича Румянцева и капитана Серафима Владимировича Чернозерского, отбивая у врага дом за домом, квартал за кварталом, двигались вперед. Чем дальше в глубь города мы продвигались, тем упорнее становилось сопротивление. За каждым углом, на перекрестках улиц наших воинов подстерегали немецкие бронетранспортеры, автоматчики, пулеметчики.

Из одного каменного дома на юго-восточной окраине Старицы гитлеровцы открыли сильный пулеметный и автоматный огонь. Скованная им, наша пехота залегла.

Группа бойцов во главе с командиром взвода лейтенантом Покатаевым стала быстро обходить этот дом. В темноте раздался призыв Григория Ивановича Покатаева:

— Вперед! Ура!

Бойцы подхватили этот клич и ринулись на врага. Гранаты свердловчан Сергея Макарова и Ивана Казанцева заглушили вражеский пулемет. Из другого дома гранатами выкурил фашистов свердловчанин Афанасий Борцов. На крыше этого дома бойцы водрузили красный флаг.

Пока шел бой в городе, полк майора Федора Никитича Савинко, освободив Старо-Ямскую, с боем форсировал Волгу южнее Старицы, атаковал немцев в деревнях Воробьево и Федурково и стал выходить на единственную дорогу, которая связывала гитлеровцев с их тылами. Фашисты, боясь окружения, ослабили сопротивление в городе, но с каждым часом ожесточалось сражение вдоль шоссе Старица — Ржев. Гитлеровцы, стремясь сохранить остатки своих разгромленных частей в городе, прилагали все усилия, чтобы отвести их на юг.

Враг обрушил огонь своих орудий, минометов.

пулеметов на подразделения, которые угрожали ему окружением. Чуть забрезжил рассвет, в воздух поднялась авиация противника и начала беспрерывно бомбить, обстреливать с бреющего полета боевые порядки наших частей. По дороге на Ржев потянулась колонна отходящих от Старицы на юг немцев. Командир батареи, младший лейтенант свердловчанин Афанасий Евсеенко, выкатил орудия на открытую позицию и командовал:

— Прямой наводкой — огонь!

Ударили пушки. Непрерывный звенящий гул стоял вокруг орудий Афанасия Ефимовича. Дымящиеся гильзы одна за другой падали у раскаленных стволов пушек. На шоссе поднялась паника. Повозки, машины, сбивая гитлеровцев, устремились вперед. Но от прямого попадания загорелось несколько автомашин, опрокидывались повозки. Все смешалось, на дороге образовалась пробка. Фашистские солдаты, спасаясь от снарядов, стали разбегаться кто куда.

Евсеенко, не отрывая глаз от бинокля, корректировал огонь пушек и кричал:

— Ага, бегут! Жарко дьяволам! Прибавить жару! Шрапнелью по пехоте, беглым — огонь!

Пушки ударили еще дружнее. Недалеко от батареи Евсеенко стало бить по фашистам орудие сержанта Василия Петухова, а чуть подалее — орудие Ивана Гордеева. Наводчик Федор Предеин с первого выстрела поджег бронетранспортер, а наводчик Алексей Спицин — автомашину с фашистами.

Немцы открыли огонь из минометов. Недалеко от пушек стали рваться мины. Но артиллеристы не сбавляли темп. Осколок мины, как бритвой, резанул щеку младшего лейтенанта, но он продолжал корректировать огонь батареи.

Левее батареи младшего лейтенанта Евсеенко застрочил пулемет Василия Казакова.

Наша пехота пошла в атаку. Подоспели кавалеристы 29-го кавполка, они стали настигать и рубить убегающих фашистов.

С особенной остротой сохранились у меня в памяти картины разгромленной фашистской техники, сожженных и брошенных танков, автомашин на

улицах Старицы — первого города, освобожденного дивизией в начале войны, и на дороге Старица — Ржев.

Так, взаимодействуя с 252-й и 246-й стрелковыми дивизиями, в ночь на 1 января 1942 года решительным штурмом части дивизии разгромили противника в городе Старица.

Это была крупная победа уральской дивизии. Военный совет 29-й армии, командующий 29-й армией генерал-майор Швецов, член Военного совета дивизионный комиссар Гуров, начальник штаба армии генерал-майор Шарапов в своем приказе писали: «Бойцы, командиры, политработники 252-й и 375-й стрелковых дивизий одержали еще одну славную победу над врагом. В результате ожесточенных боев враг выбит из города Старица 1 января 1942 года. Над городом снова взвилось Красное знамя Советов.

За храбрость, мужество и умелые действия в борьбе за освобождение г. Старица объявляю благодарность бойцам, командирам и политработникам 252-й и 375-й с. д. ...»¹

Вот что напомнил мне маленький снимок на странице фронтовой газеты о разгроме немцев под Старицей.

Потеря крупного узла сопротивления — Старицы — поставила под угрозу прорыва центр обороны 9-й немецкой армии на широком фронте. Немецко-фашистское командование было вынуждено отдать приказ об отводе потрепанных частей этой армии на рубеж Волги, в район Погорелое Городище, Лотошино и о сохранении любой ценой плацдармов в районе Селижарова и Ржева.

Равнялись на коммунистов

В январе 1942 года после подведения итогов боевых действий командир дивизии издал приказ, который был сразу же доведен до каждого бойца.

Решили подвести итоги и мы, политработники.

¹ Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 7, оп. 484429, л. 26.

Хочу рассказать об одном партийном собрании, которое состоялось в полку майора Румянцева.

Открыл собрание исполняющий обязанности секретаря партбюро полка политрук Михаил Андриянов (секретарь, старший политрук Сафонов, был ранен). Обсуждался вопрос: «Первые итоги работы коммунистов в боевых условиях и задачи парторганизации». С докладом выступил комиссар полка батальонный комиссар Говоров. Речь шла о том, чтобы сохранить тот высокий порыв, который овладел бойцами в период наступления. Особое внимание уделялось подвигам коммунистов Глазырина, Казанцева, Борисова, Калатухова.

Вдохновляющим примером для других был пропагандист полка А. Н. Глазырин. Он появлялся в наиболее опасных местах боя и страстным словом, личным примером увлекал красноармейцев на подвиг. Этот бесстрашный человек поднял воинов в атаку под Некрасовом, вместе с ними устремился на врага, по-геройски дрался с фашистами под Станишино, Буконтово. У Чадово батальон, в котором находился Глазырин, оказался в трудном положении. Непрерывно били неприятельские орудия, минометы, пулеметы. Александр Глазырин понял, что наступил тот момент боя, когда он, коммунист, личным примером должен помочь бойцам выполнить боевой приказ. Пропагандист поднялся, крикнул:

— Уральцы! Вперед, за Родину!

Батальон грозной лавиной обрушился на фашистов. Бойцы во главе со старшим политруком Глазыриным достигли деревни. И тут притаившийся фашистский пулемет открыл огонь. Глазырин упал. Его грудь и руки были пробиты пулями... Коммунист Борисов гранатой уничтожил этот пулемет. Бойцы батальона отомстили за кровь Глазырина. Несколько десятков трупов оставили фашисты на поле сражения. Деревня была освобождена.

Забегая вперед, скажу, что Александр Глазырин перенес несколько операций в полевых госпиталях. Замечательные медики спасли героя.

Другой коммунист, о подвигах которого говорилось на собрании,— И. Казанцев.

В одном из домов на улице Старицы отчаянно

сопротивлялась группа автоматчиков врага. Она сдерживала роту, наступавшую вдоль улицы. Маскируясь, Казанцев заполз за дом и ворвался в него. Стрельба из окон прекратилась. Когда подоспевшие на помощь бойцы заскочили в дом, то увидели валявшихся на полу восемь фашистов, сраженных автоматными очередями Казанцева. Сам он был ранен, но не покинул поле боя.

Говоров привел еще ряд примеров, когда коммунисты первыми поднимались в атаку и шли на врага, увлекая за собой остальных.

Коммунисты — бойцы, сержанты и офицеры, выступившие на собрании, — рассказывали о своих товарищах. Один из них поведал о младшем лейтенанте Максимове, чье подразделение попало под сильный ружейно-пулеметный огонь противника. Некоторые бойцы растерялись. В этот момент коммунист Максимов, выдвинувшись вперед с пулеметом, открыл огонь по гитлеровцам. Его меткие очереди заставили замолчать вражеских автоматчиков и их пулемет. Максимов поднялся и с криком «Ура! Вперед!» повел роту в атаку. Враг был смят и уничтожен.

Подробно обсуждались и промахи отдельных подразделений и бойцов. Командир полка Румянцев говорил об ошибках тактического порядка. Например, когда подразделения попадают под минометный и артиллерийский огонь противника, они ложатся. Противнику это на руку — мы несем большие потери.

Командир полка говорил:

— Надо разъяснить бойцам, что в таких случаях не следует останавливаться, а надо стремительно идти вперед, так как враг непосредственно перед своими позициями артиллерийско-минометный огонь не ведет. Быстрым броском преодолев зону обстрела, надо решительно сближаться с противником и навязывать ему бой, к которому он менее подготовлен, чем наступающие.

После собрания коммунисты провели беседы с бойцами. Рассказали, как они должны действовать, если подразделение во время наступления попадет под артиллерийский или минометный огонь.

Так в задушевных беседах политработники, ком-

мунисты разъясняли солдатам тактику ведения боя. А в ходе сражения вдохновляли их личным примером.

Чтобы вселить в людей большую уверенность в силе своего оружия, армейского братства, мы часто накануне наступления проводили встречи воинов различных родов войск.

Проделанная работа положительно сказывалась в боях. Мы стали нести меньше потерь, успешнее выполнять боевые приказы.

В январе в политотделе состоялось совещание агитаторов, которые вели большую работу в подразделениях. Вот несколько примеров работы с красноармейцами.

6 января наши подразделения стал обстреливать с фланга фашистский снайпер. Движение прекратилось. Группе бойцов дали задание выследить и уничтожить снайпера. Красноармеец Каплун обнаружил врага и покончил с ним. Надо было об этом сообщить бойцам. Под огнем фашистов передвигаться по цепи было рискованно. Тогда политрук роты Свердлов написал записки, вложил их в гильзы и бросил соседним отделениям. Своеобразные «боевые листки» быстро обошли всю роту. Воины стали действовать смелее и своевременно вышли к намеченному рубежу.

В очередном бою рота уничтожила более пятидесяти фашистов-грабителей.

Для усиления наступательного порыва огромное значение имела широкая гласность подвигов солдат и командиров. В этом хорошо помогали нам агитаторы.

Первого января в составе разведгруппы под деревней Воробьево действовал пулеметчик Василий Казаков из Алапаевска. На разведчиков напала большая группа фашистов. Казаков быстро установил свой пулемет и достойно встретил врага. Более десятка вражеских солдат скошил он первой же очередью. Однако противник продолжал наступать. Василия ранило, но он не оставил пулемет. Фашистские солдаты подползли ближе к пулемету, стали бросать гранаты. Одна из них упала рядом с Казаковым. Он схватил ее и швырнул обратно. Так пулеметчик вернул хозяевам три гранаты! На по-

мощь разведчикам подоспели бойцы стрелкового батальона. Группа гитлеровцев была полностью уничтожена. Агитатор Усов, рассказывая об этом подвиге, заключил:

— Надо бить фашистов, как алапаевцы. Думаю, что камышловцы и тагильчане не отстанут от них. В сегодняшнем бою покажем и мы свое мастерство.

Так оно и получилось. Рота, где многие красноармейцы были из Камышлова и Нижнего Тагила, дружно действовала в атаке, бойцы дрались смело и отважно.

Слово агитатора — сильное слово. Оно и знамя, и призыв, и пуля. Под огнем врага все чувства обострялись, каждая нота приобретала свою, свойственную только ей, окраску. Только храбрый, бесстрашный человек мог вести за собой других. Именно такими и были агитаторы-коммунисты.

Вечная слава...

Немцы пробовали наступать с вечера. Атака их быстро захлебнулась. В сумерки гитлеровские танки и пехота отошли и укрылись за деревней Крупцово.

Рассвет наступил тихий. Пушистые хлопья снега плавно ложились на землю, словно боясь нарушить тишину. И тут же Алексей Казанцев услышал нараставший гул танковых моторов. Гул приближался. Вскоре показались танки. Они сплошной грохочущей лавиной устремились к окопам нашей пехоты. Вся оборона настороженно всматривалась в идущие танки, как бы оценивая их силы и свои возможности борьбы с ними.

Как и вчера, основной удар немцы решили нанести по позициям главного узла обороны первого батальона 1243-го стрелкового полка.

— Ну, держись, братцы,— сказал Алексей Казанцев.

Бойцы приготовились. Скоро фашисты достигли заранее пристрелянного нашими воинами рубежа и, политые из всех видов оружия свинцом и сталью, заметались. Не выдержав огня баталь-

она, гитлеровцы откатились назад, оставив десятки трупов и два подожженных танка.

Враг, не сломив упорство уральцев танковой атакой, бросил на узкий участок батальона до десяти бомбардировщиков.

После бомбежки вражеские танки и пехота снова пошли в атаку. Но как только они приблизились к позициям батальона, застрочили пулеметы, поднялась автоматная и винтовочная пальба, артиллеристы прямой наводкой ударили по танкам.

Немецкие автоматчики оторвались от своих танков, залегли и выползли на рубеж атаки по-пластунски. В атаку пошли в рост, не пригибаясь и не останавливаясь. Алексей Казанцев хладнокровно начал косить их из пулемета. Он бил прицельно, нещадно и зло. Чувствовал окоп свой, полного профиля, неприступным. Кругом гремел бой, с дьявольской силой звенел раскаленный металл.

За второй, не докатившейся до переднего края обороны батальона волной атакующих взметнулась третья, а за нею — четвертая...

Справа и слева появились гитлеровцы, дружно и напористо застрекотали их автоматы. Вражеская пуля ударила Казанцева. Едва забинтовав рану, он снова приник к пулемету. Шквал его огня мгновенно смел фашистов.

И вот с тех пор, с тихого рассвета до полудня, не переставая, одна за другой накатывались вражеские атаки. Вышли из строя почти все бойцы отделения Казанцева. Рядом лежит тяжело раненый второй номер пулемета комсомолец Захаров, в нескольких шагах от него — Петров. Из раны Казанцева через бинт обильно проступает кровь, а фашисты идут в пятую атаку. Он поправил окровавленную повязку на голове и снова припал к пулемету.

Гитлеровцы короткими перебежками и ползком, прикрываясь трупами погибших в первых атаках, группа за группой подбирались к окопу Алексея Казанцева.

Алексей вставил диск, снова нажал на крючок. Выпуская короткие очереди, он срезал тех, которые встали и бросились было к его окопу. Но тут

же заметил, что справа поднялось еще до десяти фашистов. Алексей изменил угол огня и увидел, как упали шесть немцев. В это время его левую руку насквозь пробила пуля. Перевязывать было некогда, фашисты продвинулись вплотную к его окопу. Пулемет опять затрясся в неистовой пальбе. Кончились все патроны. Алексей Иванович чуть приподнялся и бросил гранату. Когда замахнулся, чтобы бросить вторую, вражеская пуля поразила его сердце.

Алексей Казанцев упал, правой рукой зажимая левый карман гимнастерки... Одновременно с разрывом его первой гранаты воины батальона с криком «Ура!» контратаковали врага и очистили высоту, которую обороняло отделение сержанта Казанцева. Вокруг окопа Казанцева бойцы насчитали 45 вражеских трупов. Командир батальона младший лейтенант Николай Кузеванов, заменявший 4 января 1942 года раненого командира Григория Недобывайло, осторожно перевернул тело Казанцева, отвел правую руку, отстегнул карман гимнастерки и вынул пробитую пулей красную книжечку, прочитал:

«Партийный билет № 2489375.

Казанцев Алексей Иванович.

Год рождения 1907.

Время вступления в партию — сентябрь 1932 г.

Наименование организации, выдавшей билет:

Нижнетагильский ГК Свердловской области».

В нескольких шагах от Казанцева лежали павшие красноармейцы Иван Захаров, Василий Петров и свердловчанин Валерьян Меледин.

— Прощайте, товарищи! — хриловато и скорбно сказал комбат Кузеванов.— Вы честно выполнили свой воинский долг. Сделали все, что могли, отдали жизнь за Родину. Вечная слава вам, дорогие наши герои! Мы клянемся беспощадно бить фашистского зверя, пока бьются наши сердца, пока руки держат оружие, пока не очистим нашу землю от гитлеровской нечисти.

— Клянемся! — в едином порыве ответили бойцы батальона.

Погибших воинов с почестями похоронили. На рассвете с рубежа, который удерживали комму-

нист Алексей Казанцев и его друзья, полк атаковал врага, истребил много фашистов, освободил деревню Крупцово.

Однополчане никогда не забудут героев, которые свято выполнили свой долг перед Родиной.

Комбат

На горизонте полыхало зарево пожаров. Почти непрерывно, как зарницы, вспыхивали ракеты. По ракетному освещению можно было определить очертания переднего края обороны противника. Враг нервничал, всю ночь не прекращая огонь своих орудий и минометов. Вел методический обстрел местности перед своим передним краем.

На рассвете в невысоком кустарнике собрались командиры рот. Командир батальона лейтенант Кузеванов еще раз уточнил боевую задачу стрелковым ротам и точно определил по рубежам и по времени, какими силами и кто должен решать те или иные задачи.

У лейтенанта Кузеванова сегодня было особенно приподнятое настроение. В каждом его движении и слове чувствовалась расчетливость и сосредоточенность. На это были свои причины.

Во-первых, командование оказало лейтенанту большое доверие, назначив его, комсомольца, командиром батальона. Вот он сейчас поведет стрелковый батальон в бой. Во-вторых, только что, уходя сюда, он подал заявление о вступлении в члены партии. Подавая заявление секретарю партийного бюро полка политруку Люшкину, Николай сказал: «Если погибну в бою, считайте меня коммунистом». Кроме того, Кузеванов час тому назад из уст самого командира полка майора Чернозерского услышал, что он представлен к награждению орденом Красного Знамени. Все это приподняло настроение лейтенанта, и он энергично готовился к предстоящему бою.

...Батальон скрытно выдвинулся на рубеж атаки и приготовился к броску. Батарея лейтенанта Германа Мальшакова открыла огонь по целям, представлявшим наибольшую опасность для пе-

хоты. Начали стрельбу минометчики. Позиция немцев заволоклась дымом, огнем.

Комбат приказал артиллерии перенести огонь в глубину. Стрелковые роты с криком «Ура! За Родину!» дружно поднялись в атаку. Они все ближе и ближе подходили к переднему краю обороны немцев. Вдруг ожили ранее молчавшие неприятельские пулеметы. Сила огня возрастала. Над полем боя появились фашистские самолеты. Они обрушили бомбовые удары на батальон. За первой группой самолетов показались вторая, третья, девятка атаковала артиллерийскую батарею. Снаряды, мины, бомбы врага перепаживали землю, смешивая ее со снегом. Атакующим воинам приходилось действовать искусно и бесстрашно, чтобы идти вперед.

Лейтенант Кузеванов приказал сосредоточить огонь артиллерии по вражеским пулеметам. Кое-где произошла заминка. Наступающие залегли.

Нельзя было медлить ни секунды. Бросившись вперед, Николай Петрович увлек за собой бойцов. Многие, обгоняя командира, старались прикрывать его собой от огня противника. Батальон ворвался в первую линию окопов неприятеля. Закипел горячий рукопашный бой. По трупам фашистов воины прокладывали себе путь вперед.

Развивая успех атаки, Кузеванов нацелил усилия воинов на захват следующей линии вражеских окопов. Но взять ее с ходу не удалось. Гитлеровцы сильным артиллерийским и минометным огнем преградили путь батальону. А севернее деревни Гущино первая стрелковая рота попала под пулеметный огонь из кустов. Командир батальона приказал командиру третьей роты выдвинуть станковые пулеметы на свой правый фланг и уничтожить вражеских пулеметчиков. Приказ был выполнен, и воины пошли вперед. Когда батальон стал подходить к деревне, немецкая пехота с тремя танками, при поддержке артиллерии и минометов, контратаковала.

Командир орудия сержант Василий Иванович Петухов под ураганным огнем немцев вывел свое орудие на открытую позицию и открыл огонь прямой наводкой. Расчет сержанта Ивана Ивано-

вича Гордеева из четвертой батареи 932-го артиллерийского полка на галопе примкнул к боевым порядкам батальона, с ходу развернул орудие и открыл огонь по танкам. Орудия Петухова и Гордеева подбили два танка. Пехоту врага отсекли пулеметчики, автоматчики. Петухов, раненный в руку, продолжал командовать расчетом. Когда вышел из строя наводчик, он сам занял его место. Замковый Георгий Петрович Шляхов, раненный осколками мин в руку и ногу, тоже не ушел с поля боя.

В расчете Гордеева свердловчанин Григорий Андреевич Кожевин не только четко выполнял свои обязанности, но и успевал подавать снаряды. Ящичный Василий Алексеевич Пелевин, тоже свердловчанин, под огнем противника, по глубокому снегу, подтаскивал снаряды, был ранен, но продолжал свое дело.

На помощь батальону Кузеванова подоспела полковая рота автоматчиков, посланная командиром полка Чернозерским, во главе со свердловчанином лейтенантом Серым и секретарем партийного бюро полка камышловцем политруком Люшкиным.

Когда обстановка усложнилась, плечом к плечу со стрелками, автоматчиками и артиллеристами вступила в бой группа бойцов из саперного батальона дивизии во главе с челябинцем младшим политруком Арсентием Чернышевым.

Командир батальона лейтенант Кузеванов ни на минуту не выпускал управление подразделениями.

Под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем, преодолевая снежные сугробы, воины-связисты во главе со свердловчанином сержантом Александром Кузьмичом Черкасовым налаживали бесперебойную связь. Они быстро тянули провода за командиром. Когда был ранен телефонист, Черкасов, переползая от повреждения к повреждению, сам устранял порывы на линии.

Бой ожесточался с каждым часом. Батальон дважды отбивал контратаки немцев. Противник вывел из строя немало наших воинов. Получил ранение командир полка майор Серафим Влади-

мирович Чернозерский. Он продолжал руководить боем, пока от потери крови не упал без сознания. Ранен был и секретарь партбюро полка политрук Степан Павлович Люшкин. Он вместе с автоматчиками отбивал контратаки противника и не ушел в санчасть до конца боя.

Но враг не унимался: подтянув резервы, возобновил контратаку в третий раз. Силы были неравными. Отдельные группы немцев подобрались к наблюдательному пункту командира батальона Николая Кузеванова так близко, что уже отчетливо были видны обросшие щетиной грязные лица фашистов, слышны их отрывистые крики. Наступил критический момент. Судьба позиции, захваченной ценою крови и многих жизней, висела на волоске. Казалось, еще несколько минут — и вражеская волна захлестнет, сметет наших бойцов и покатится дальше.

И вот в ту самую минуту, когда фашистская цепь нависла над окопами героев-уральцев, комсомолец Кузеванов поднялся во весь рост и с криком «За мной!» бросился на врага. Все, кто еще мог держать в руках оружие, устремились вперед в едином порыве. Немцы не ожидали такого оборота дела. Они уже считали участь защитников решенной.

От сокрушительного удара батальона Кузеванова, роты автоматчиков полка, саперов Чернышева, связистов Черкасова фашисты дрогнули и в замешательстве отступили. На поле боя они оставили более сотни трупов. Вместе с лейтенантом Кузевановым первыми ворвались в деревню Гушино саперы Исмагил Гильманович Исхаков и Александр Данилович Казанцев, автоматчик Сергей Степанович Кузин, стрелок Сергей Петрович Андреев, комсомолец сержант Мефодий Иванович Антонюк, за ними с катушкой через плечо бежал сержант Александр Кузьмич Черкасов, тянувший телефонный провод.



РЯДОВЫЕ

Степан Плотников

Мне хочется воскресить несколько боевых эпизодов и рассказать о рядовых бойцах...

Деревня называется Заднее Поле. Стоит она и сейчас недалеко от старинного русского города Старица. В декабрьскую ночь 1941 года по коротким улочкам ее торопливо сновали фашистские солдаты, обкладывали избы соломой, что-то орали...

А в нескольких километрах западнее деревни в эту ночь лейтенант Речин отдал боевой приказ отделению сержанта Шилова — выйти в разведку. Семь человек, натянув белые маскировочные халаты и обмотав стволы винтовок бинтами, ушли в темноту... Впереди, наваливаясь грудью на колючий ветер, шел бывший штукатур Степан Плотников. Замыкал группу сержант. Час, другой, третий... Вот уж и светать начало... Показалась деревня, та самая, Заднее Поле. Бойцы залегли в сугробы и стали совещаться. Было решено, что к деревне пойдет один Степан Плотников: он самый опытный разведчик, уже не раз ходил в тыл врага и добывал «языка».

В предрассветной белесой полумгле Степану удалось довольно близко подползти к крайнему дому... Но не успел он вскочить и сделать последний бросок, как из-за угла вывернулось шестеро гитлеровцев. Они заспанно переговаривались. Один щелкнул зажигалкой, поднес огонек к тому,

что Степан вначале принял за ружье, и конец «ствола» загорелся, треща и брызгая смолой. Факел!

Фашист сунул факел к соломе у стены, поднял к крыше. Остальные подожгли свои факелы от разгоревшейся соломы и пошли вокруг дома...

Фашисты, покидая деревню, решили ее сжечь: таков был приказ бесноватого фюрера!

И Степан, не раздумывая, приложился к винтовке, подвел мушку под первого факельщика. Выстрела боец не слышал. Видел только, как факел упал в снег, а немец рухнул лицом прямо в пламя. Второй выстрел... Степану на фоне горячей избы был отлично виден каждый. И второй подогнул колени...

Фашисты закричали и бросились от дома врасыпную. В деревне крик стал сильнее, а Плотников хладнокровно брал на мушку мечущиеся фигуры и стрелял. Еще три поджигателя уткнулись в снег...

Началась беспорядочная стрельба из автоматов, и вражеские солдаты покинули деревню, оставив на дороге еще двоих...

Враги опомнились быстро: их никто не преследовал. И тогда они перешли в наступление, даже не предполагая, что перед ними всего только один боец. Пришлось Степану «играть» за целое отделение. Он метался от дома к дому, стрелял с разных позиций, бросал гранаты... Еще пять фашистов осталось недвижимыми. Но остальные упорно ползли в деревню.

В магазине — последняя обойма, под рукой — последняя граната, и с места уже не сдвинуться — вражеская пуля пробила бок...

Вдруг по гитлеровцам ударили из автомата... Кто-то из жителей села, подхватив оружие убитого факельщика, вступил в бой. А тут подошло и все отделение. Но фашисты упорно шли вперед, потом поднялись и остервенело бросились на советских бойцов... Их встретили взрывы гранат и штыковая атака.

Двадцать домов в деревне Заднее Поле под Ржевом были спасены, а Степан Алексеевич Плотников награжден орденом Красного Знамени...

Степан Кузькин

А вот случай у другой деревни — Гушино. Здесь воевали братья Михаил и Степан Кузькины. Степан — рядовым сапером, Михаил командовал отделением. Вот что рассказал после боя Степан Семенович:

«Снял я тридцать противопехотных, десять противотанковых мин. Сделал проход, и пошли в него наши стрелки. Прошел линию со своим отделением и мой брат Михаил. А тут — сильный огонь. У наших сразу — убитые и раненые. Что делать? Мороз лютый! У здорового человека коченеют руки, а про раненого и говорить не приходится. Не подобрал вовремя — поминай как звали. Но и подобрать их тоже нелегко. Кругом рвутся снаряды, мины, свистят пули. Нашего-то санитаря тоже ранило. А раненым нужна помощь.

Вот и я пополз. Вынес одного, тащу другого. А в медпункте мне говорят:

— Степан! Там, впереди, твой брат ранен...

— Миша, брат Миша!

Я быстро пополз вперед.

Фриц-то стреляет. Пока я добрался до Михаила, меня самого чуть фашист на тот свет не отправил. Фашистский пулеметчик дал очередь, когда я через сугроб переползал. Пуля задела шинель, а тело не тронула — умница. Шинель, правда, жалко, она у меня почти новая.

Дополз до Михаила.

— Замерзаю, — говорит он мне, — помоги.

Посмотрел на него, на снег вокруг, залитый Мишиной кровью. Сердце сжалось. Родная кровь! Из раны у него она сильно текла. Я перевязал рану. С трудом навалил его на плащ-палатку и ползком потащил по глубокому снегу. Доставил его в медпункт.

На прощание Михаил мне говорит:

— Отомсти, Степа, фашистам за мои раны, за нашу родную кровь.

— Ладно, — ответил я. — Давай скорей поправляйся.

Михаила отправили в медсанбат. А я пошел вперед. В этот день я еще вынес с поля боя трех ране-

ных, ходил в атаку со стрелками и убил двух фашистов. Но это только начало».

Степан Семенович Кузькин сдержал свое слово. В последующих боях он не один раз отличился, и его счет по истреблению врага рос с каждым днем.

Иван Наймушин

И еще одна история, история человека, за которым больше двадцати лет смерть ходила буквально по пятам, а наступила не в бою — в мирные дни октября 1952 года...

Познакомился я с ним в августе 41-го года. Начальник строевого отдела штаба дивизии капитан Шубин, докладывая о прибывших для укомплектования 375-й дивизии, сообщил:

— В команде из Красноуральска есть один доброволец.— И поинтересовался: — Какие будут распоряжения?

— Как его фамилия?

— Наймушин. Парень, видать, с характером.

— Что значит с характером? Не подчиняется, что ли?

Шубин улыбнулся.

— Инвалид. Но об этом и слушать не хочет. Прикажете прислать?

И вот Наймушин, первый доброволец нашей дивизии, передо мной. Среднего роста, с удивительно большими, смелыми глазами, говор немного окающий, фигура крепкая, налита силой.

Заметив, как я ощупываю его взглядом, спросил:

— Уже донесли?

В глазах его метнулся упрямый огонек.

— Воевать мне не имеее права запретить...

Жизнь вела Ивана Наймушина не по столбовой дорожке, не за ручку. Работал пастухом в сельскохозяйственной коммуне. После смерти отца братья Яков и Георгий приехали на Урал, в Красноуральск. С ними вместе приехал и Иван. Пришлось батрачить, пока наконец, уже на шестнадцатом году жизни, не устроился на Красногвардейском

руднике каталем. Горное дело пришлось по душе. Он стал забойщиком. Потом на Ново-Левинском медном руднике — бурщиком. Три раза попадал в шахте под обвал.

Первый раз Иван Григорьевич, знатный бурщик Ново-Левинского медного рудника в Красноуральске, посмотрел смерти в глаза в 1929 году. Обрушилась кровля в забое, и друзья вытащили Ивана на поверхность контуженного, со сломанной правой ногой, с перебитыми ребрами... Отлежался, на молодом парне все зажило быстро. И снова — в забой. А через два года опять контузия, перелом левой руки... Ничего, и на этот раз отлежался. И пять лет ничего с ним не случилось, а в 1936 году обрушился огромный кусок породы, хрустнула левая нога...

Но все это не помешало ему 8 февраля 1937 года поставить первый тогда на Урале рекорд — пять норм за смену. Серго Орджоникидзе поздравил Ивана Наймушина с победой. В ноябре 40-го он шагнул еще дальше — выполнил свыше двенадцати норм за смену! Новый всесоюзный рекорд производительности на меднорудных шахтах! И кто знает, как сложилась бы судьба этого человека, если бы не война...

— А все же как вас направили в стрелковую часть, которая отправляется на фронт? — спросил я Наймушина.

Он наклонил голову. Кожа на лбу его натянулась, напряглись желваки.

— Райком партии помог. Все инвалидом считают. А какой я инвалид? Здоровья хватит бить фашистов.

До этого неторопливый, скупой на жесты, он вдруг нахмурился и стал быстро и горячо убеждать меня в том, что все задания и приказы, какими бы трудными они ни были, он выполнит не хуже любого здорового солдата.

— Какой обо мне может быть разговор, товарищ начальник политотдела, если немец к Москве уже рвется, — убеждал меня Наймушин.

Пока находились в лагерях, Наймушин мирился со своими обязанностями рядового во взводе охраны штаба дивизии. Но как только прибыли на

фронт, опять проявил характер: настоял, чтобы отправили на передовую — в стрелковую роту.

Первое время он особенно не отличался от своих товарищей по роте. Исправно нес службу, был дисциплинированным и исполнительным. Со всеми вместе ходил в атаки под Калинином, Старицей. Потом в нем стало более ярко проявляться то, что впоследствии получило название «наймушинского характера»: какое-то необыкновенное терпение, когда подстерегал врага в засаде, умение перехитрить окопавшегося противника. Было в нем что-то такое, что назовешь даже не храбростью, не смелостью, а только бесстрашием. Наверное, поэтому коммунисты роты и избрали его секретарем парт-организации.

Легенды об уральском горняке Иване Наймушине начали складываться после прорыва обороны врага под Ржевом.

И вот — тяжелый бой. Дивизия шла на прорыв обороны врага у железнодорожной линии. Фашисты отчаянно сопротивлялись, они стремились во что бы то ни стало задержать наступление наших частей. Это была предпоследняя линия обороны врага, прикрывавшая город Ржев... И вдруг от цепи наших бойцов бросилась вперед маленькая фигурка с ручным пулеметом. Секунда, другая... Пулеметчик залег, снова вскочил, запетлял, как заяц, уходя от пуль, прыгнул за бугорком и оттуда ударил из пулемета по вражескому окопу. Это был Наймушин. Тут поднялись бойцы, ворвались в неприятельскую траншею. Рукопашная, схватка — и переезд оказался в наших руках.

Настала тишина, красноармейцы хотели спокойно заняться оборудованием позиций, как вдруг один рухнул за смертью. Рядом — второй. Немецкие снайперы! Все залегли. Но фашисты нервничали и быстро раскрыли свои позиции в придорожных кустах. Две короткие очереди пулемета восстановили тишину.

Время шло, и тишина на переезде кончилась. Их было в начале боя шестнадцать. А фашистов — более ста. Они шли во весь рост, шатались...

— Пьяные, гады! — крикнул боец Слезкин.

— Ничего, — ответил Наймушин, — таких легче

бить. Не торопитесь только. Ближе подпускайте.—
И плотнее прижался к прикладу ручного пулемета.

Под плотным огнем фашисты протрезвели и, оставив десятка три трупов, откатились. А бойцы Слезкин и Пугин вместе с Наймушиным притащили в окоп два станковых, четыре ручных пулемета врага, несколько автоматов, сложили гору патронов. Наших осталось трое из шестнадцати... А помощи ожидать было неоткуда.

— Что ж, будем обороняться сами,— сказал Наймушин друзьям и установил рядом со своим ручным трофейный станковый пулемет.

Под вечер гитлеровцы снова пошли в атаку.

— Слезкин! — крикнул Наймушин соседу справа. — Слезкин, не торопись!

Тот молчал. Наймушин повернулся к нему и увидел, что голова Слезкина уткнулась в землю у приклада винтовки.

— Пугин! Не торопись!

Сто метров до них... Это чуть больше пятнадцати секунд, если побегут. Восемьдесят метров... Шестьдесят...

— Пугин! Не торопись!

Пятьдесят... Сорок...

— Огонь!

И трофейным пулеметом Наймушин повел слева направо по немцам. Пугина ранило в левую руку, но он продолжал стрелять. Фашисты откатились, но вскоре снова пошли в атаку. Пугина ранило второй раз, и теперь он не мог стрелять. Последняя лента, да и от нее остался лишь полуметровый кусок...

Помощь подоспела к ночи, и вместе с бойцами подразделения капитана Голубева Иван Наймушин бросился в контратаку и погнал фашистов к лесу. Его ранило, и разбило пулемет. Перевязав рану, Иван Григорьевич обнаружил на дне окопа чью-то снайперскую винтовку. И с ней продолжал бой.

Комиссар дивизии Н. Ряпосов так описал этот бой во фронтовой газете:

«...Вскоре взбешенные провалом пьяные фрицы пошли в контратаку, угрожая окружением. Бой достиг наивысшего напряжения. Тогда тов. Найму-

шин взял на себя командование и стал нещадно истреблять пьяную немчуру. Он успешно отразил контратаку, сам лично уничтожил 40 гитлеровцев, 2 вражеских пулеметных расчета, захватил при этом богатые трофеи. Будучи ранен, коммунист Наймушин еще два дня находился на передовой линии фронта и ушел в медсанбат лишь по приказанию командира».

Кто знает, может, начало этого боя на переезде у Грибеева, эта первая встреча с вражескими снайперами, гибель любимого командира от снайперской пули и определили военную профессию коммуниста Ивана Наймушина. Он стал снайпером — беспощадным истребителем врага.

Вот один из эпизодов снайперской службы Ивана Наймушина.

...За час до рассвета он со своим связным Мамоновым вышел на «охоту». Облюбовали дом на окраине Ржева. Предварительно осмотрев местность и выбрав запасную позицию, они подползли к дому на расстояние точного выстрела. Замаскировались и стали ждать.

Из дома вышло несколько гитлеровцев. Один из них, долговязый, показал рукой в нашу сторону, а двое вытянулись перед ним.

— Офицер,— заключил Наймушин и взял его на мушку.

Офицер был сбит с первого выстрела. Солдаты разбежались. Вскоре один из них пополз к лежавшему, видимо, намереваясь оттащить офицера. Но второй выстрел уложил и солдата.

— Иван Григорьевич, на крыше снайпер,— шепнул Мамонов.

На крыше дома блеснули в лучах восходящего солнца два стекла.

«Не ошибся связной,— подумал Наймушин. — Там — наблюдательный пункт».

Почти одновременно раздались два выстрела, и стереотрубы исчезли.

Фашистов это взбесило. Из амбразуры белого дома застрочил пулемет. Метким выстрелом Наймушин заставил его замолчать.

— Ну, теперь тикаем,— сказал он. — Они нам это не простят.

И верно. Немцы открыли яростный минометный огонь.

Наймушин снова пустил пулю в амбразуру белого дома, откуда на этот раз лихорадочно строчил автомат. И тот захлебнулся.

Они уже вернулись в расположение роты и с аппетитом завтракали, а там, где они «охотились», все еще неистовствовал минометный и пулеметный шквал.

Армейские, фронтовые газеты печатали портреты Ивана Наймушина, рассказывали о его боевых делах.

«Он убил 124 гитлеровца,— писала армейская газета.— Боевой путь этого славного снайпера можно проследить по горам вражеских трупов. Решительность и в то же время спокойствие, тщательное изучение противника — вот стиль действий младшего лейтенанта Наймушина».

Осенью 1942 года Иван Наймушин был в Москве на слете снайперов. Военный совет Западного фронта вручил ему, как лучшему снайперу, именную снайперскую винтовку. Президиум Верховного Совета СССР наградил славного воина орденом Красного Знамени. В то время в Москве находилась делегация Монгольской Народной Республики. Премьер-министр республики маршал Чойбалсан, присутствовавший на приеме снайперов, украсил грудь Ивана Григорьевича Наймушина орденом Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

Уралец Наймушин не мог не поделиться своей радостью с земляками — горняками Ново-Левинского медного рудника. Он писал им:

«Дорогие товарищи!

Шлю вам свой пламенный привет с фронта и желаю успехов в вашей трудовой деятельности.

Спешу поделиться с вами своей радостью. Правительство наградило меня орденом Красного Знамени. Будьте уверены за бывшего своего шахтера Ивана Наймушина, что он и впредь будет беспощадно громить гитлеровских бандитов.

Сообщаю вам, что с 10 августа по 25 сентября я истребил 103 фрица. Клянусь вам, что и даль-

ше, не жалея жизни, буду истреблять фашистских людоедов.

Но требую и от вас, дорогие товарищи, слаженной и четкой работы на трудовом посту. Только самоотверженный труд работников тыла поможет нам разгромить подлых захватчиков.

На нашем участке фронта враг бежит, неся большие потери. Но в то же время он яростно сопротивляется и подбрасывает новые резервы. Недалек тот час, когда его резервы иссякнут окончательно.

Но для того чтобы приблизить этот час, вы должны давать медной руды столько, сколько требует от вас Родина.

Пишите о ваших боевых делах, с большевистским приветом

Иван Наймушин.
27 сентября 1942 г.»

Горняки решили работать так, как бьет фашистов их земляк Иван Наймушин. Они писали на фронт:

«Здравствуй, дорогой Иван Григорьевич!

Твое письмо нас очень обрадовало. Поздравляем тебя с высокой наградой, которой ты удостоен за боевые подвиги в борьбе с кровавым фашизмом.

Коллектив новолевинских горняков, в котором ты много лет работал до ухода на фронт, знает тебя и надеется, что число уничтоженных тобою фрицев будет возрастать. Мы же, находясь в далеком тылу, удвоим и утроим наши силы, дадим много медной руды для наших заводов.

В дни Великой Отечественной войны лучшие товарищи с нашего рудника ушли защищать Родину. Условия работы изменились, но несмотря на трудности, которые породила война, коллектив наш самоотверженно работает на оборону страны.

Целый ряд наших товарищей за стахановскую работу отмечен наркомовскими наградами. Знатный буричник Григорий Антонович Баукин награжден орденом Трудового Красного Знамени. Все

это обязывает нас работать еще больше и лучше, чтобы приблизить день расплаты с ненавистным врагом. Желаем дальнейших успехов в твоей боевой жизни.

С товарищеским приветом: Кулышев, Постников, Шагисламов и другие».

Наказ своих земляков Иван Григорьевич выполнил с честью.

Наймушин прошел с дивизией весь ее боевой путь. Он остался жив, хотя получил шесть пулевых и пятнадцать осколочных ранений. Сам же истребил 217 фашистов. С 1943 года Иван Григорьевич стал обучать своему искусству других. Сто двадцать три его ученика уничтожили больше четырех тысяч гитлеровцев. Это было как бы продолжением личного счета Ивана Наймушина.

Как-то под Будапештом, уже в январе 1945-го, я спросил Наймушина, почему у него только семь нашивок за ранение. Он ответил:

— Не люблю бахвалиться. За пулевые ношу, а за осколочные — не хочу. Незачем выставлять напоказ каждую царапину. — И пошутил: — Да и награды вешать будет некуда.

К концу войны грудь Ивана Наймушина украшали семь правительственных наград, а на погонах сверкали звездочки старшего лейтенанта.

Отгремела война. Иван Наймушин вернулся домой, в свой родной Красноуральск. Он хотел работать, как и прежде, в забое. Но врачи не разрешили. Назначили ему пенсию. И он опять проявил свой характер, отказался от пенсии. Стал работать начальником охраны шахты.

Смерть настигла Ивана Григорьевича Наймушина через семь лет после войны... Летом 1951 года он поехал в деревню: надо было помочь колхозу на сенокосе. Правда, врачи запретили ему тяжелую работу. Но разве это тяжелая работа — кидать легонькие навильнички на вершину стога! Кинул раз с оглядкой, другой... Ничего. И увлекся, вошел в азарт. Вот тут и вонзилось что-то ему в сердце, резануло его. Чуть не упал Иван Григорьевич. Работать не смог, вернулся домой. Долго

болел, все еще надеялся встать в строй, но не довелось больше.

Врачи обнаружили у самого сердца Ивана Григорьевича маленький зазубренный осколок, крохотное эхо войны, которое носил в себе боец десять лет. Это была одна из многих «царапин», нашивки за которые он не носил.

Вот какими они были — воины нашей дивизии.

* * *

Дорогой читатель! Если Вам доведется быть в Красноуральске и проходить по улице Ивана Наймушина, задержитесь на мгновение: вспомните об отважном уральце. Когда водитель автобуса объявит остановку Ивана Наймушина, знайте: это имя мужественного солдата 375-й Уральской стрелковой дивизии.

В 1969 году на всесоюзный экран вышел документальный фильм «Память о солдате», посвященный снайперу Наймушину. Посмотрите!

Борьба за жизнь

Три недели инструктор политотдела дивизии Малютин лежал в медсанбате, залечивал рану, полученную в бою под деревней Воробьево. Не совсем, правда, вылечился, но упросил санбатовскую медицину отпустить его в часть.

Получив документы, он пошел попрощаться с врачами и сестрами, которые его оперировали и лечили. У дверей перевязочной Ивана Алексеевича обогнали санитары, которые несли тяжело раненого. Взглянув на носилки, Малютин узнал сержанта Сергея Петрова. Славным разведчиком был сержант, выходил невредимым из многих переделок. Больно было смотреть на его бледное, осунувшееся лицо. Видимо, крови много потерял.

Пока Малютин предавался грустным размышлениям, раненого положили на операционный стол, и хирург Анна Антоновна Шамарина, отдав сестрам какие-то распоряжения, торопливо шагнула к тазам для мытья рук.

Иван Алексеевич понял, что сейчас не до него, но уходить, не простившись, не хотелось, и он решил ждать конца операции, невольно став свидетелем мужества комсомолок медсанбата.

Привычными движениями сестры разматывали окровавленные бинты, обработали рану. Наложили белую простыню с «окном» на месте ранения.

Операция началась. Малютина отделяла от операционной легкая перегородка из простыней. Затаив дыхание, он прислушивался к позвякиванию инструмента, отрывистым фразам хирурга, редким стонам раненого.

Внезапно сосредоточенную тишину операционной нарушил голос дежурного медсанбата, закричавшего в окно: «Воздух! Воздух!»

Малютин выскочил на улицу. Там комбат Блинов и комиссар Копылов разгоняли машины, повозки. Слышались команды: «Раненых в щель! Давай не задерживай... Быстро в щель! Убрать лошадей!..»

В стороне с домов было вырыто множество узких щелей. К ним бросились повозочные, шоферы, санитары. Они тащили туда тяжелораненых, полуодетых и тех, кого только что сняли с саней. Им помогали врачи, сестры и легкораненые в окровавленных повязках.

Стал помогать и Малютин.

Гул моторов нарастал. Иван Алексеевич побежал обратно в перевязочную, чтобы помочь тащить в щель Петрова. Но, к его удивлению, там все оставалось по-прежнему. За операционным столом продолжала операцию Шамарина. Ее быстрые, точные и гибкие пальцы накладывали зажимы на концы сосудов. На лице Анны Антоновны ни тени тревоги. В каждом движении спокойная уверенность.

Приоткрыв дверь, Малютин сказал:

— Фашистские самолеты приближаются, могут бомбить медсанбат.

— Слышала, сейчас не до них,— спокойно, но сердитым тоном ответила Шамарина.— Закройте дверь!..

Ее спокойствие передалось и тем, кто вместе с ней боролся за жизнь человека. Малютин не пошел в щель, а остался здесь: вдруг понадобится

помощь. Кроме хирурга и двух сестер, в доме никого.

— Уходите, товарищ врач, переждите, пока кончится бомбежка,— еле слышным, слабым голосом просил раненый,— я потерплю...

— Тише, не разговаривать!..— перебила его Шамарина.— Вам нельзя!..

Через несколько минут совсем рядом в воздухе послышалось гудение чужих моторов. Фашистские самолеты кружились, выискивая место, куда бы сбросить свой смертоносный груз, чтобы уничтожить побольше жизней. Один из них с ревом, чуть не задевая крыльями крыши, пролетел над домом. А у операционного стола упорно боролись за жизнь человека девушки-комсомолки.

Вражеские самолеты развернулись, сделали заход и пошли в пике на беззащитных, как дети, раненых. Раздался пронзительный свист падающих бомб. Ухнуло несколько взрывов. В доме, где размещалась перевязочная, затрещал потолок, затрянутый белыми простынями. Затрясся под ногами пол. Но девушки не прекращали операцию.

Еще взрыв. Еще. Со звоном посыпались оконные стекла. Запах гари и удушливый дым ворвались через окно.

Анна Антоновна быстрым движением прикрыла Петрова белой простыней, оберегая рану от пыли и осколков стекла. У Малютина создалось впечатление, будто Шамарина своим телом прикрыла раненого, защищая его от беды. Ася Первушина быстро закрыла стол с инструментами, стерильность которых сейчас имела немаловажное значение для спасения жизни Петрова. Малютин рванул простыню, закрывавшую вход, и приблизился к ним. Все произошло мгновенно.

— Уберите стекла, закройте окно!..— приказала Шамарина.

Малютин машинально выполнил ее приказание. На противоположной стороне улицы вспыхнул пожар. Стоявшие в упряжке лошади взвились на дыбы, рвали упряжь, тащили разбитые сани. Потом они шарахнулись через щели над головами раненых и с диким ржанием понеслись в поле, проваливаясь по самое брюхо в сугробы.

— Ася, прижми! — коротко говорит хирург. — Каждую каплю беречь надо.

Девушка прижимает тампоном кровоточащее место, врач выбирает на столике подходящий зажим.

Прошло несколько томительных минут. Взрывы не повторялись. Лишь с разных сторон доносились стоны и проклятья. Люди тушили пожар. Санитары несли раненых в операционную и перевязочную. В небе стало тихо.

Операция продолжалась. На лбу, вокруг глаз Шамариной капелькам пота стало тесно. Их время от времени снимала Аня Усикова.

А тут еще выяснилось, что пуля не только пробила грудную клетку, но и ранила правое легкое. Организм Петрова уже не мог сопротивляться. Наступали моменты, когда смерть начинала брать верх. Тогда Анна Антоновна вводила возбуждающие лекарства и консервированную кровь, заставляя смерть отступать. Более часа длился этот поединок. Хирург победил. Санитары Александр Панов и Петр Васильев унесли Петрова в послеоперационную палату. Поднесли нового раненого с разможенной выше колена ногой, положили на операционный стол. Малютин наконец выбрал момент и поблагодарил наших комсомолок за стойкость, храбрость и мужество. Потом попрощался с ними и вернулся в политотдел дивизии. Тогда и рассказал он нам эту историю.

Политотдел дивизии постоянно интересовался состоянием здоровья Петрова. В послеоперационной палате несколько дней и ночей у постели Петрова дежурили врачи Роман Николаевич Рапопорт, Виталий Иванович Муратов, и большой коллектив медиков выходил разведчика.

Я встретился с Петровым в феврале 1945 года на Гронском плацдарме под Будапештом. Петров уже был лейтенантом, командовал ротой в соседней с нами дивизии. А где он сейчас, не знаю. Может быть, прочитав эти строки, откликнется.

Медсанбат! Сколько славных подвигов было совершено фронтовой медицинской службой в труд-

ные военные годы. И не только скальпель хирурга — добрые, заботливые руки возвращали к жизни самых безнадежных; теплые, задушевные слова участия помогали раненым переносить боль и страдания.

Мне хочется вспомнить здесь медсестру эвакуационного отделения комсомолку Зинаиду Николаевну Тутынину, которая, отправляя раненых в армейские госпитали, всегда внимательно, с материнской теплотой укладывала и укрывала каждого из них. Зина заботилась, чтобы в пути следования раненым было по возможности удобно. Подбадривала, поднимала их настроение ласковыми словами. Заботливо встречала каждого раненого военфельдшер сортировочного отделения Екатерина Дмитриевна Гушина. Пока врач Владимир Георгиевич Слепынин осматривал одного, она успевала поправить другим повязки, проверить шины, предлагала горячий чай, выполняла назначения врача.

По несколько суток подряд, без отдыха и сна, не отходяли от операционного стола Павел Константинович Андрафагин, Георгий Антонович Попов, Леонид Васильевич Леонидов и многие другие врачи и медицинские сестры. И никто из них никогда не говорил «Не могу!», не терял самообладания под вражескими артобстрелами и бомбежками, не раз рискуя своей жизнью.

Помню такой случай. В 1942 году под Ржевом в медсанбат привезли тяжелораненого. Хирург Георгий Антонович Попов, осматривая раненого, обнаружил, что большой кусок металла застрял глубоко в теле. Попов стал оперировать бойца и вытащил, как тогда подумал Георгий Антонович, «большую пулю». Такую он держал в руках впервые. Вытащил и положил под операционный стол в таз. После операции решил эту «диковину» показать другим.

По счастливому случаю первым встретился ему офицер-артиллерист. Офицер осторожно взял «большую пулю» и сказал: «Это не пуля, а невзорвавшийся малокалиберный снаряд!»

Когда взорвали снаряд, артиллерист испытующе посмотрел на Попова и сказал:

— Вот так, дорогой доктор, это ваше счастье

и счастье сестер Антонины Алексеевны и Раисы Павловны, что он не разорвался во время операции или когда лежал под вашим столом.

Письма к живым

А теперь хочу вернуться к прерванному рассказу об Иване Алексеевиче Малютине, вернее, познакомиться читателя с его письмами, адресованными родным и близким. Около 40 лет, как дорогие реликвии, бережет их Павла Семеновна — жена Малютина. Письма пожелтели, протерлись на сгибах, в иных местах не разобрать слов. Сколько раз эти письма держали руки жены и дочери Ивана Алексеевича! Сколько раз за эти годы пробегали по строчкам их глаза, полные слез.

Не только родные и близкие, но и каждый фронтовик бережно хранит в своем сердце память о тех, кто шагал с ним рядом по полям сражений.

Кто же такой Иван Малютин, чье имя запало в сердца однополчан? За какие дела чтит его стар и млад в Нижней Салде?

Иван Алексеевич родился в 1904 году в семье рабочего. С четырех лет он остался без отца, воспитывался у бабушки. Когда ему минуло 11, он поступил рассыльным на Нижнесалдинский металлургический завод, где работал его отец, Алексей Ильич. Через год Иван — ученик слесаря, потом помощник машиниста. В пятнадцать лет он стал комсомольцем, в семнадцать — секретарем ячейки, в двадцать — членом бюро райкома комсомола, пропагандистом. Шестую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции Иван встретил коммунистом. Потом к его послужному списку прибавилось: студент Уральского политехнического института, учитель, директор педтехникума, слушатель университета марксизма-ленинизма, заведующий отделом агитации и пропаганды, секретарь райкома партии.

Менялись должности, но неизменными оставались верность своему долгу, чуткость и любовь к людям, его твердость и принципиальность в работе.

Наступили тяжелые для Родины дни. Война ото-

рвала Ивана Алексеевича от партийной работы в родном городе и заставила взяться за оружие.

В августе 1941 года добровольца Малютина назначили старшим инструктором политотдела. И с тех пор он всегда был там, где жарко, где кипел бой.

Батальонный комиссар Иван Алексеевич Малютин погиб 19 августа 1942 года в бою за освобождение города Ржева.

Хочется предложить вниманию читателей замечательные документы — личные письма коммуниста Ивана Малютина.

Они не только к родным. Они адресованы и нам. Вчитаемся в эти подлинники истории, в эту исповедь поколения.

* * *

Здравствуйте, мои милые, дорогие Пяня и Рида!

Я знаю, что пишу для вас тяжелые строки, но, что сделаешь, лучше откровенность, чем хитрость и неясность в таком важном вопросе. Война — суровая штука. Но надо воевать и громить до конца фашистскую гадину, чтобы не только не было ее у нас, на нашей территории, но и вообще на земле любой страны.

Враг будет уничтожен. Это точно. Жизнь моей дочери Риде и многим миллионам других дочерей и сыновей будет обеспечена радостной, живой, энергичной...

...Сам имею хорошее настроение, такое же и у всех моих друзей. Обо мне не беспокойтесь. Вернусь с победой, и все будет в порядке, вернусь именно в Салду, в наш дом, в семью.

Мой наказ тебе, Пяня! Живи хорошо, честно работай, помогай всем, чем можешь.

Рида! Первое — учись на «отлично», а я буду воевать на «отлично» — вот наше соревнование.

Второе — будь хорошей общественницей и активной комсомолкой.

Третье — помогай маме, слушайся ее, у тебя еще нет жизненного опыта, у мамы есть, ее совет для тебя — школа...

Крепко, крепко перецелуйтесь за меня. Я ведь потом все равно проверю.

Ваш папань.

8. 11. 41 г.

* * *

Пишу немного. Жив, здоров, и даже очень. Хотя только что дали семидесятивосьмикилометровый марш. Я проверил себя, сколько же могу пройти, и, оказывается, прошел полностью. Хорошо себя чувствую. Так что в такие дни и сердце стало лучше, и сил больше. Вот как лечит злость и ненависть к фашистам...

4. 12. 41 г.

* * *

Вот уже десятый день я нахожусь на временном излечении. Ранен был в руку, пониже локтя. Осколок, видимо, маленький, но ушел глубоко. Сначала не работали пальцы, а сейчас уже я свободно пишу, беру чашку и обедаю правой рукой. Ничего особенного нет.

4. 3. 42 г.

* * *

Недавно была операция. Даже и не слышал, как разрежали. На другой день увидел размеры разреза. Пальцы работают прекрасно, а сначала совсем не работали, как будто бы их не было. Сейчас только остается заживить разрез, и будет все в порядке.

Сообщают, что наши захватывают деревню за деревней. Кроют их дзоты. Вышибают фашистов из блиндажей. Гонят по лесу. Забирают пленных...

Пишите подробнее о жизни Салды и знакомых.

Вот что еще напишите: как там обеспечены дровами, питанием, как там вообще помогают семьям красноармейцев, таким, как Настюша Соснова, и другим. Получил письмо от Фролова. Хорошее письмо. В нем рассказано о работе для фронта коллектива рабочих. Я им написал большой ответ, призывающий к продолжению их продуктивной работы. Описал некоторые эпизоды нашей борьбы с фашистами.

...Ну а насчет моего поступка в бою во время контратаки немцев и захвата после этого деревни и трофеев писать нечего, я сделал не больше, чем другие.

17. 3. 42 г.

* * *

Иван Алексеевич очень скромно пишет о своих боевых делах. Фронтовая газета «Вперед, на врага!» об этом случае писала так:

«...Рано утром батальон пошел в наступление. Инструктор политотдела Малютин шел с батальоном. Мелкими группами бойцы устремились вперед. Застрочили пулеметы. Начался бой. Немцы упорно не хотели уступать деревню В. (Воробьево) и перешли в контратаку.

На опушке леса отчетливо выделились немецкие автоматчики, устремившиеся к сараю, в котором была расположена наша огневая точка. Надо было опередить врага, и инструктор политотдела с группой бойцов сделали это, достигнув сарая раньше немцев. В сарае находились орудие и два ручных пулемета, за одним из которых действовал политрук Алексеенко. Он не переставая косил фашистов меткими очередями. Частая пулеметная дробь перемежалась орудийными выстрелами.

Немцы лезли вперед. Среди осажденных появились раненые. Когда гитлеровцы приблизились на 20 метров, из сарая с новой силой ударили вместе с орудием все винтовки, автоматы, пулеметы.

— Умрем, но не сдадимся,— повторял инструктор политотдела. Не замечая своего ранения, он

продолжал поливать немцев пулеметными очередями. В самый напряженный момент боя слева показала группа красноармейцев. Это капитан Третьяков шел на помощь. Враг дрогнул, повернул обратно, но уходить было некуда. Взятые в клещи фашисты были поголовно истреблены.

Стихли пулеметные очереди. Инструктор вздохнул полной грудью, с гордостью оглядывая своих боевых друзей. Затем достал лист бумаги и написал:

«Начальнику политотдела. Рапорт. Ваше приказание выполнено. Перед боем проведены индивидуальные и групповые беседы. Моральный дух бойцов высокий».

* * *

Рида!

Тебе еще раз мое самое благое пожелание — учись на «отлично». Крепко работай в комсомоле. Будь организатором молодежи в помощь фронту. Пишите красноармейцам письма, посылайте посылки. Понятно? Повтори!

Твой папаны Иван.

22. 3. 42 г.

* * *

В отношении молодой нашей фронтовой «Катюши» я вам уже рассказывал, что она у нас самая любимая. Когда мы готовимся к атаке, она, чтобы нас воодушевить, выходит «на бережок, улыбается», да так, что от ее горячей «улыбочки» сотни «гансов» и «фрицев» со своей техникой летят вверх или зарываются в землю.

23. 3. 42 г.

* * *

Немцы сопротивляются. Но их сопротивление разбивается о наши упрямые и последовательные

удары, которые изо дня в день падают на фашистов. В одном из боев батарея Фирсова отбила крупную танковую атаку врага. Наводчик Предеин вступил в бой с шестью танками. Подбил два из них, уничтожил много пехоты, идущей за танками. Фашисты не выдержали, повернули обратно.

...После окончания войны мы возьмем себе в дети кого-нибудь из малышей, оставшихся без родителей. Какую-нибудь маленькую, маленькую...

Всего хорошего. Пока, целую.

Иван.

15. 4. 42 г.

* * *

Сейчас пришел с передовой готовиться к докладу о Первом Мае. Ведь скоро праздник. В эти дни наша задача так вдарить, чтоб навеки запомнил гад, что такое Первое Мая для нас и как мы его празднуем на фронте. А праздновать будем по-настоящему, будет салют пушек, автоматов, винтовок и, конечно, нашей любимой «Катюши». А наш снайпер Федор Охлопков давно готовит свой подарок к празднику — ежедневно по несколько фашистов отправляет на тот свет. Хочет до мая счет довести до пятидесяти.

Целую. Иван.

23.4.42 г.

* * *

Здравствуй, Паня!

Ну, как ты там живешь в своем хозяйстве? Наверное, хлопчешь, как и всегда.

Уже 7 месяцев, как мы не виделись, а хотелось бы хоть денек побывать вместе. Правда, мы уже много прожили и как будто бы не совсем молодые, а все охота еще пожить общей жизнью, не различа-

ясь. Но что сделаешь — война, она ведь не считается с индивидуальностями, а требует отбросить все личное и посвятить общественному. Война — это такая вещь, что требует и жертв, и материальных затрат. Другого выхода нет. Никто рабами быть не хочет, а посему все и вся для фронта, все на разгром врага.

Скоро фашистам будет капут. Время течет быстро, так что не заметишь, как пройдет и этот год. Ты сейчас сади больше цветов. Когда я приеду, будем вместе с тобой разбираться, почему растут синие, красные, лиловые... А потом снова работа, работа и работа, ее будет много, больше, чем было до войны.

Ну, пока все. Пиши, Паня, чаще, ибо письма как бы разговаривают, и все время чувствуешь себя ближе к вам...

Крепко целую. Иван.

23. 5. 42 г.

* * *

Нахожусь на поле боевых действий. Очень хорошо и приятно на душе, так как воздух гудит от наших самолетов.

Целую. Иван.

3. 8. 42 г.

Письмо друга, написанное после гибели Ивана Алексеевича Малютина, адресованное его жене 22 октября 1942 года.

Здравствуй, Паня!

На днях Зина известила меня, что Иван Алексеевич погиб в бою с подлыми фашистами. Не могу не выразить тебе соболезнования, не могу не разделить с тобой той горечи, которую сейчас переживаешь.

Я часто видел его в семейном кругу желанным мужем, заботливым хозяином, ласковым отцом, гостеприимным человеком, весельчаком в компании, уважаемым гостем.

Часто видел на работе вдумчивым, серьезным, деловитым работником, хорошим организатором. Часто видел на партийных собраниях, заседаниях, слышал его убедительные, подкрепленные юмором, страстные и часто резкие выступления. Он был принципиальным в борьбе за генеральную линию партии.

Я видел его порой несправедливо обиженным, но о том, что он обиделся, можно было только догадаться больше по переживанию, чем по жалобе. Он не любил жаловаться. Не раз мне приходилось с ним работать, и по работе, и запросто часто беседовать. Всех бесед нельзя припомнить, да и нет к этому надобности, но одно можно сказать, что он был прекрасным собеседником. Он любил и умел любить по-настоящему жизнь, уважать и понимать людей. Вот почему я понимаю всю глубину твоей горечи, Паня. Вот почему с тех пор, как я получил известие о его гибели, не проходит дня, чтобы я не вспомнил его. Я потерял в бою брата, я потерял лучшего друга, и если мне удастся пойти в бой, в чем я не сомневаюсь, то буду мстить не только за брата, но и за друга Ивана Алексевиича.

Сухоруков.

22. 10. 42 г.

* * *

Эти письма говорят сами за себя. Только хочется добавить: наказы отца Рида выполняла с честью. Она в 1943 году окончила среднюю школу, а в 1948 году — Свердловский мединститут, стала врачом-педиатром.

Память об Иване Алексевииче живет в сердцах людей.

По просьбе его однополчан в 1963 году Нижне-салдинский горсовет назвал одну из улиц города

именем Ивана Малютина. Сейчас каждый год, в июле — в день рождения Ивана Алексеевича, — там проводится праздник улицы. Над накрытым столом, в центре улицы, висит огромный портрет Ивана Малютина. Приветливо встречает гостей Павла Семёнова — вдова Малютина и председатель уличного комитета.

Два вершка до Волги

«375-я стрелковая дивизия, действуя в составе 30-й армии, в борьбе с немецкими оккупантами показала исключительное мужество и героизм. Военный Совет 30-й армии особо отмечает исключительные заслуги всего личного состава дивизии в период особо напряженных боев (февраль — март 1942 г.), где 375-я стрелковая дивизия играла ведущую роль и не раз обращала в паническое бегство фашистские орды.

Особенно отмечаю личные заслуги командира дивизии генерал-майора Соколова, военкома дивизии полкового комиссара тов. Ряпосова...»

Из приказа командующего 30-й армией генерал-лейтенанта Героя Советского Союза Д. Д. Лелюшенко.

Генерал Соколов простым глазом, без бинокля, смотрел на простершуюся перед ним лощину. Когда-то здесь клепенинские р-бятишки, наверное, ставили петли на зайцев. А сейчас на снегу никаких следов, никаких признаков жизни. Полтора километра белой пустыни. Но они страшнее, чем сто в Каракумах. Справа — Клепенино. Слева — Тимонцево. Впереди, на взгорье — роща. Везде противник. Долина простреливалась с флангов и в лоб. Удобнее для врага позицию трудно придумать. Уральская дивизия должна была взять рощу, опрокинуть фашистов и выйти к Волге.

Легко сказать: выйти к Волге. До этого целая армия прорвала здесь фронт, а немцы, пропустив ее, сомкнули разорванные части, и наши войска оказались отрезанными.

Бьются уже который день, но толку никакого: ни назад, ни вперед, как клин в чурбаке. Этот чур-

бак и нужно было сейчас расколоть с фронта и соединиться с отрезанными частями. А потом окружить Ржев.

Таков был приказ по 30-й армии.

На 375-ю Уральскую дивизию ложилась основная тяжесть: она стояла на главном, наиболее сильно укрепленном направлении.

Генерал сощурился и попросил карту.

Падал снежок, мороз хватал за уши. Было тихо, как до войны. После почти двух недель тяжелых оборонительных боев, когда неприятель наступал, не считаясь с потерями, от установившейся тишины звенело в ушах.

А может быть, от нервного напряжения.

Генерал сверил карту с местностью. До Волги было два вершка, но на этих двух вершках стояли отборные полки дивизии «Райх» и «Дойчланд», дивизии СС. Танки, минометы, дзоты. После декабрьского удара Красной Армии под Москвой гитлеровцы, отчаянно сопротивляясь, пятились к Волге и собирались тут зимовать, чтобы весной окружить и взять Москву. Полки их были пополнены, хорошо врыты в землю, оснащены танками, самолетами. А потом — сама позиция: непроходимая долина и шоссе Ржев — Селижарово, по которому от Ржева день и ночь подходили свежие силы.

«Долина смерти» — называли солдаты эту лощину, когда им зачитали приказ командарма о наступлении. Солдат к войне относится реально. Раз надо идти по этому гиблому месту — значит, надо.

Сидели солдаты в своих снежных землянках, ждали, когда поспеет ужин, и писали домой письма. В письмах так и ставили: «Долина смерти». И на всякий случай, как и положено перед боем, просили кланяться всем родным и знакомым.

Генерал стряхнул снег с планшета, свободной рукой потер ухо. Потом, задерживаясь на каждом, обвел взглядом командиров и сказал:

— Полк Девашенко останется на месте. (И все поняли: на случай, если враг попытается отрезать атакующие полки.) Штаб дивизии тоже. А мы пойдем в общем строю. (Он сказал: «мы». Это значи-

ло, что он, Соколов, лично сам поведет дивизию в бой.)

В полках проходили заседания партийных бюро: принимали в партию. Люди хотели идти в бой коммунистами.

Дело предстояло серьезное: нужно было двум полкам без звука проползти «Долину смерти» и неожиданно ворваться в рощу. Без звука. К этому надо подготовить людей, подогнать снаряжение.

Комиссар полка свердловчанин Васяев, смахнув с воротника и ушанки снег, взялся за край плащ-палатки, закрывавшей вход в землянку, и невольно остановился. Солдаты не спали. Слышно было, как кто-то со смаком прихлебывал чай. Неторопливо щелкали патроны в диске. На самых низких нотах, почти шепотом, но до слез душевно, выводил баян «Катюшу». «Мой земляк артмастер Чудинов размечтался», — подумал Николай Михайлович Васяев.

Не заходя в землянку, можно по одним только звукам понять, чем заняты солдаты.

Вот хлопнула крепко встряхнутая материя — видимо, солдат достал из вещмешка сухие портянки. Неизвестно, когда еще переобуешься.

Ударила варежка о варежку. Все в порядке: подшопаны, подогнаны, можно и закурить. И верно: секунду спустя оторвалась полоска бумаги, зашуршали по ней крошки табака.

Лязгали металлические части винтовок. Хоть и безотказная трехлинейка, а с нечищенным оружием солдат в бой не пойдет.

Откуда-то из глубины землянки доносился голос замполитрука Павла Мезенцева:

— Один на один, если изловчиться, то и руками фрица свалишь. А тут их сто, а наших и двадцати не наберется. А они прямо в окопы вскакивают. Ну натурально на штыки. Комбата Мешина окружило шестеро. Куда побежишь? Назад? Пристрелят. Вперед? Тоже. Мешин в единственном числе занял круговую оборону да как начал контратаковать! Бить фрицу очерредью нельзя — своих же порешишь. А одиночным — не изловчишься. Не успели сговориться, как лейтенант двоих штыком проткнул.

А сам весь в крови. Руку перебило, щеку задело. Он кубарем в сторону, пистолет выхватил и опять вооружен. Одного еще хлопнул. Потом бросился к здоровенному фрицу в обнимку — тот зубами его, а он по зубам-то пистолетом. Упал нарочно, когда другие подскочили, и фрица на себя. Ну никак не возьмешь его. Фашисты психанули. А у психованного какая ориентировка? А тут подоспели бойцы и на штыках выкинули фрицев из окопа...

«О петелинском бое рассказывает», — подумал Васяев и, стукнув валенком о валенок, откинул плащ-палатку.

Все встали. Васяев поздоровался и попросил заниматься своими делами. У раскаленной печки тотчас освободили место. Комиссар протянул над жаром руки, потер их.

— Мезенцев верно вам говорит: психует враг, когда так вот, лицо в лицо с нашим солдатом встречается. Он не привычен к рукопашному бою. — Васяев тронул печку, посмотрел на палец и добавил: — Сегодня как раз такой бой ему навяжем.

Васяева любили в полку. Он был душевный, доступный каждому. Умел послушать солдата, умел сказать нужное слово. В дивизии он со дня организации. Все постоянно видели комиссара рядом: в походе, в бою, в часы затишья. Был он всегда спокоен, приветлив.

Васяев взял чью-то винтовку, вынул затвор и посмотрел сквозь ствол на чадный огонек коптилки.

— Да у нас, товарищ комиссар, в три следа уже все проверили, — сказал солдат.

— Обиделся?

— Нет, отчего. Я цену винтовки знаю.

Комиссар проверил подсумки, вещмешки, насутился, когда у одного из солдат не оказалось в кармане личного номера. Неудобно об этих номерах спрашивать. Но Васяев умел и о смерти говорить какими-то особыми, заботливыми словами.

Потом завел разговор о Москве, о переломе в войне. Вспомнил Урал, Свердловск. Где-то стоит он, родной город, заснеженный и бессонный, кует оружие. Жены собираются на завод. Для всех испытание на прочность: для тех, кто в тылу, дома, и для тех, кто сейчас пойдет в бой.

Васяев разъяснил приказ командарма, познакомил с обстановкой, с соседями слева и справа (справа, кстати, тоже шла уральская дивизия, 363-я).

Так их застала команда — выходить строиться. Откуда-то прибежал Иванов, ординарец Васяева, черный, как цыган, с вещмешком за спиной, обвешанный гранатами, с двумя автоматами. С этой минуты он не отходил от комиссара ни на шаг.

Дивизия сосредоточилась у кромки леса, в снежных окопах. Некоторое время стояла полнейшая тишина. Потом слева закрипел снег и послышался знакомый генеральский голос:

— А ну выпрыгни. Еще, еще попрыгай. Добре. Крышку-то котелка что — с тряпочкой закрыл?

Генерал Соколов шел вдоль окопов и проверял, хорошо ли подготовилась дивизия к бою, достаточно ли запас боепитания, не гремят ли котелки. Его сопровождали ординарцы, разведчики. Был он в маскхалате, с автоматом.

В два часа ночи армия пошла в наступление. Без артподготовки. Без выстрелов. Ползком.

Ползли и два уральских полка по «Долине смерти». В боевых порядках — командиры полков майоры Савенко и Румянцев, комиссары, политруки, работники политотдела, начальник артиллерии дивизии полковник Георгибиани, раненый начальник оперативного отдела штаба дивизии капитан Чернозерский, не захотевший идти в медсанбат и оставаться в резерве. Вместе со всеми полз и генерал Николай Александрович Соколов.

Снег был глубокий, местами достигал полутора метров. По долине глухо, точно поземка, стелился шорох разрезаемого снега, тяжелого, прерывистого дыхания тысяч людей.

Впереди время от времени взвивались осветительные ракеты. Противник не любит темноты. Но беспокойства он не выказывал. Да и кто подумает, что мы осмелимся идти по этому открытому месту, обрекая себя на смерть.

— Перевозный!

— Я, товарищ генерал.

— Не отстают?

Верхотурец Григорий Перевозный, командир

взвода разведки, мгновенно пропал из виду, потом так же, словно из снега, появился рядом и шепотом доложил:

— Не отстают, товарищ генерал. Все равно как на глухаря идем...

— А ты что такой веселый?

— В партию, товарищ генерал, приняли.

Соколов мазнул его мокрой рукавицей по лицу, заметно было, что улыбнулся.

— Поздравляю.

— Спасибо, Николай Александрович.

А Соколов пожаловался мне:

— Тяжел я стал, Сережа. Задыхаюсь. Пот глаза заливает.

Перевозный опять отстал. Через минуту Соколов увидел, как два разведчика, Борцов и Плотников, уползли вперед и начали телами расталкивать размешанный снег, оставляя после себя что-то вроде канавы. Генерал пополз по ней.

Почти два часа продолжался этот поединок со снегом. С флангов уже завязалась перестрелка. Это насторожило фашистов в роще. Чаше стали взлетать ракеты. Но, видимо, противник все еще не подозревал, что по долине прямо на рошу пробиваемся мы. И только когда с флангов — в Клепенино и восточнее Тимонцево — начался бой, фашисты обнаружили нас уже в ста метрах от себя. И тотчас открыли автоматный огонь. По плотности его можно было понять, что неприятель все еще не догадывается, что перед ним целых два стрелковых полка, а не взвод разведчиков. Долина зловеще молчала. Бойцы ползли, с головой зарываясь в снег. Вражеский огонь усилился. В роще забеспокоились не на шутку. По долине начали бить пулеметы и минометы.

Кто-то крикнул:

— Немцы обходят!

Трудно было понять, какая сила подняла в этот миг полки. То ли наша дивизионная артиллерия, которая открыла по роще огонь, заставила вскочить на ноги, то ли вдруг выросшая знаковая бойцам фигура комиссара Васяева, решительно крикнувшего:

— Вперед!

Долина тотчас стала черной от поднявшихся тел, наполнилась криком, судорожно замигала жалами выстрелов. Это всполошило гитлеровцев. Они не ожидали, что долина уже занята, что непрерывное «Ура!» по всей опушке рощи значит для них самое страшное — рукопашную схватку.

Группа Васяева забросала траншеи врага гранатами, ворвалась в рощу и фланговым огнем обратила столкнувшихся с ней гитлеровцев в бегство.

Полки прорвались в рощу. Началась рукопашная.

На лесном клочке, размером полтора на два километра, скопилось несколько тысяч человек. Первое время невозможно было понять, кто руководит солдатами и как складывается обстановка. Возбуждение мешало ориентироваться, находить главное, избегать ненужных жертв. Но наших солдат нельзя уже было остановить, а фашисты, застигнутые врасплох, не могли как следует обороняться, и это определило исход боя.

На рассвете роща была очищена. Но идти дальше, к Волге, сил уже не было. Ранены командиры полков. Погиб комиссар Васяев, любимец солдат. Погибли многие политработники. Полки были слиты, и ими командовал капитан Чернозерский.

Утром оказалось, что в роще скопились подразделения других дивизий. Генерал Соколов объединил их со своей дивизией, в которой едва насчитывался полнокровный полк, и выслал разведчиков. Ни из Клепенино, ни из Тимонцево враг не был выбит. Связисты, посланные установить связь со штабом дивизии и полком Деващенко, погибли в «Долине смерти». Сквозным фланговым огнем по долине фашисты отрезали рощу и стали готовиться к уничтожению засевших в ней русских.

Эти трое суток невозможно расчленить на дни и ночи. Был сплошной бой, почти непрерывный рев самолетов, забрасывавших рощу бомбами. За эти трое суток враг десятки раз сжимал рощу танковым кольцом, десятки раз атаковал со всех сторон сразу. От яростных арналетов, разрывов гранат, автоматных и пулеметных очередей роща преврати-

лась в бурелом. Нельзя было найти дерева, которое бы не имело страшных следов войны. А уральцы стояли.

Наблюдательный пункт генерала Соколова находился в воронке, не закрытой сверху даже маскировочной сеткой. Над головой проносились самолеты. Чуть поодаль, а иногда и рядом, расщепленные снарядами, взлетали деревья. Генерал словно не замечал этого. Был он внешне спокоен, неторопливыми движениями смахивал с карты снежные и земляные крошки. Связисты и разведчики, то и дело подползавшие к нему с донесениями, скатывались в воронку и докладывали о делах в подразделениях, о потерях, об участках, где складывалось особенно напряженное положение. Генерал передвигал туда резерв. А когда некого было передвигать, посылал разведчиков под командованием Перезовного и Чертовского.

Иногда мимо наблюдательного пункта (НП), припадая к изрытой земле, бежали солдаты.

Увидев генерала, поворачивали назад и ползли отбивать захваченные врагом окопы. Иногда фашисты вытесняли уральцев с одного края рощи или довольно глубоко вклинивались в нее, вплотную подходя к НП. И когда их отбрасывали назад, генерал возвращался в свою воронку, протирая воспаленные глаза и говорил:

— Вот нервничают, а! Роща им эта ох как нужна! Самый узел обороны.

Потом подозвал Перезовного и, указав на убитого немецкого офицера, сказал:

— Прикажи убраться. Ему уже ни к чему в воронке прятаться...

Три дня и три ночи... Наконец пятого февраля резервная дивизия армии соединилась с уральской, и лощина, названная перед наступлением «Долиной смерти», действительно стала местом гибели для тысяч вражеских солдат.

Три дня и три ночи боев. Кто знал тогда, что после них нас ждет труднейший путь на Ржев?..

Танки над окопом

В этой главе речь пойдет о том, как воспитывается в боях мужество, презрение к смерти. Я не верю в бесшабашную храбрость. Храбрость начинается там, где сознание человека преодолевает страх. А если не преодолевает, тогда...

Чрезвычайные обстоятельства заставили меня в марте 1942 года отправиться в 1245-й стрелковый полк. Когда накануне мой помощник по комсомольской работе Петр Александрович Репьев доложил о случившемся, я воскликнул:

— Этого не может быть!

Репьев пожал плечами, отвел глаза и сказал:

— Горько слышать, но это факт. Я только что вернулся из батальона Ивана Мороза...

И вот я в полку. Туда уже приехал и Николай Иванович Клинов — следователь прокуратуры дивизии. Зашел я в избу, где велся допрос, и увидел бойца Семенова. Он стоял перед столиком следователя без ремня, голова опущена, а пальцы правой руки то гладили нижнюю пуговицу гимнастерки, то ощупывали пустой карман на груди.

Я хорошо знал Семенова. Он недавно был в коммандантском взводе штаба дивизии. Там он получил известие, что его младшего брата убили на фронте, и потребовал отправить на передовую. И вдруг — такое!..

Из неторопливого допроса Н. И. Клинова, ответов самого Семенова, рассказов свидетелей вырисовывалась следующая картина.

...На полях и лесных опушках лежал жухлый мартовский снег. Днем он таял, и из окопов приходилось вычерпывать грязную воду. Пустыми консервными банками загребали жижу целый день, а к вечеру она покрывалась бугристым похрустывающим ледком. Этот окоп бойцы заняли недавно, когда прорывали кольцо окружения вокруг нашей 29-й армии. Фашисты решили подрезать под корень наступающую уральскую дивизию и бросили нам во фланг два пехотных полка и подразделения танковой армии с запада. А с юго-востока им навстречу ринулись более сорока танков и пехотный полк.

Ранним утром 20 марта на окопы обрушился

огненный шквал. Бойцы, среди которых находился и Иван Семенов, распластались на дне окопов, прижимались к ребристому грязному льду... Над головой ревели «юнкеры» и методично бомбили каждый метр земли... И вдруг неожиданно появились приземистые танки с белыми крестами на броне.

В предутренней дымке Ивану Семенову почудилось, что они рядом, протяни руку и почувствуешь броню!.. А у него — всего лишь винтовка!.. За танками шли фашисты... Иван видит каждую пуговку на их шинелях, чернеют круглые дырки на дулах автоматов, прищурены злобно глаза... Сейчас этот танк навалится на окоп, а из автоматов хлестнет по нему очередь!..

Справа от Ивана вздрагивала при каждом близком разрыве обтянутая шинелью спица новичка. Слева, прикрыв затылок растопыренными пальцами, лежал другой боец... Ивану вдруг показалось, что их только трое против сорока танков. Внутри что-то оборвалось, и Иван бросил винтовку, выскочил из окопа и кинулся в тыл. Вслед за ним побежали еще несколько бойцов из тех, что прибыли только вчера прямо из эшелона...

Лейтенант Иван Никифорович Мороз не поверил своим глазам: на него бежали красноармейцы! Махнув рукой автоматчикам, он прыгнул навстречу:

— Стой! Назад!

Бегущие сразу же рухнули в снег.

— Встать! Вперед! За мной! — властно закричал Мороз, и бойцы, мгновенно придя в себя, бросились на врага, не отставая от лейтенанта.

А тут на место прорыва подошло резервное подразделение во главе с челябинцем Григорием Николаевичем Дунаевым. Ураганный огонь по гитлеровцам обрушили минометчики камышловца Владимира Георгиевича Курчанина. Орудия наводчиков — свердловчан Федора Дмитриевича Предеина и Алексея Даниловича Спицына — ударили в упор по немецким танкам. А те, поднимая фонтанчики подмерзшего за ночь снега, шли на предельной скорости. Но вот дернулся и замер один танк, второй, третий... Стальные коробки все ближе и ближе. Взялся за автомат Александр Чистяков... А где-то

рядом один за другим посылала в небо снаряды зенитная пушка наводчика Александра Лобаева. Загорелся «юнкерс», рухнул на землю «мессершмитт».

В этом бою не принимал участия только Иван Семенов. Он не поднялся, когда бойцы с лейтенантом Морозом бросились к оставленным окопам. Он очнулся лишь тогда, когда его кто-то швырнул на землю в километре от передовой возле минометной батареи Константина Девятова. Иван Семенов трясся как в лихорадке. Винтовки у него не было, шапка осталась в окопе, ремень где-то потерялся.

— Гад! — сказал кто-то и плюнул.

Бойцы бросились к минометам: фашисты наседали. Им в тот день удалось пробить брешь между нашей и соседней дивизией. И в эту брешь мы бросили истребительно-противотанковый дивизион: там яростно отстреливалась от нападавших фашистов батарея старшего лейтенанта Александра Моторина.

Врага мы остановили, но очень дорогой ценой: в батарее А. Моторина не осталось ни одной пушки, под гусеницами танка погиб Алексей Спицын, смертельно ранило командира полка Серафима Владимировича Чернозерского, и он скончался в медсанбате. Ранены были комиссар полка Петр Иванович Усачев, командир батальона Иван Никифорович Мороз...

Да, у нас не было никаких доводов, чтобы оправдать Ивана Семенова. Почему он не повернул обратно, когда остальные бойцы бросились на танки? Почему не вернулся, когда его остановили минометчики? Просто он трус.

Семенов стоял бледный, прерывисто дышал. Его руки то поднимались к лицу, то буквально падали по швам.

— Не губите! — просил он. — Пойду снова в бой!.. Двое детей у меня...

— А у Спицына, у Чернозерского, у всех, кто погиб из-за тебя, нет семей?! — взорвался Николай Иванович Клинов.

Семенов опустил голову, на лбу выступили крупные капли пота. Он несколько минут молчал, пока Клинов писал протокол, потом сердито спросил меня:

— Что ж, товарищ комиссар, значит, в трибунал?

— Это решит командир дивизии...

На опушке рощи выстроились бойцы нового пополнения. Перед строем — Иван Семенов. Председатель военного трибунала дивизии Григорий Васильевич Воробьев развернул папку и усталым, простуженным голосом стал читать:

— Приговор военного трибунала... Семенов Иван Терентьевич осужден и направляется в штрафную роту. — Григорий Васильевич вздохнул и добавил от себя: — А штрафная рота направляется туда, где опаснее всего. Если Семенов отличится в бою, судимость мы с него снимем. Если ранят, тоже снимем. Если погибнет, сама смерть снимет с него преступление перед Родиной. Струсит — ответит по закону.

Я смотрел на Ивана Семенова и думал о том, что произошло. Не могло быть это просто так, ни с того ни с сего! И, пожалуй, мы виноваты, хоть и косвенно, в его трусости. Вот дивизию «обкатывали» танками, а комендантский взвод отсиживался в землянке и посмеивался:

— Да, попали, ребята! На морозе — не здесь!..

Знал об этом я, а вот не потребовал послать взвод и вместе с ним Ивана Семенова в окопы, под танки, чтоб не боялись грохота и пальбы!.. Это была первая ошибка. И исправлять ее надо с того, чтобы пришедших с пополнением не посылать сразу в бой, а вначале излечить от «танкобоязни».

Перед притихшими бойцами стоял понурившийся Иван Семенов и слушал Воробьева...

Жаркий июньский день. Палило солнце, шелетели листья на березах, смеялись бойцы: в дивизии был праздник. За весенние бои 188 человек награждены орденами и медалями. Вот они четким, радостным шагом подходят к столу и получают скромные квадратные коробочки. И вдруг мелькнуло знакомое лицо. Неужели Семенов? Да, он!

Командир дивизии, генерал-майор Александр Николаевич Соколов, протянул ему коробочку и сказал:

— Поздравляю вас, Иван Терентьевич, с орденом Красной Звезды. Действуйте так же!..

Полтора месяца назад штрафную роту перебросили на участок, где предполагался прорыв гитлеровцев. Вместе с остальными бойцами Иван Семенов забрался в окопы и стал напряженно ждать. Все было похоже на тот окоп, что занимал он в марте. Только на дне не бугрился ледок да солнце светило ярко. На бруствере пробилась первая травка.

Когда ударили немецкие пушки, соседи Ивана не распластались на грязном дне окопа, а просто опустились вдоль стенки и зажали винтовки между колен. Иван сделал так же. Но знакомое чувство страха медленно накатывалось на него, руки перебирали пуговицы, без нужды он щупал затвор, передвигал прицельную рамку.

Сосед справа внешне небрежно вытащил черный кисет, лениво оторвал полоску от газеты и стал свертывать сигарку... Только почему-то свертывал он ее дольше обычного, и спички никак не загорались, а все вспыхивали и гасли. Сосед слева при каждом близком разрыве кивал головой и прутником проводил линию по рыжей глинистой стенке окопа. И никто не укрывал растопыренными пальцами свою голову. Все ждали — кончится артиллерийская подготовка, и полезут под прикрытием танков гитлеровцы, надо их встретить огнем.

Все ждали. Ждал и Иван Семенов, все продолжая ощупывать затвор своей винтовки. Вчера, когда они пробрались к этим окопам, увидел Иван убитого красноармейца. Похоронная команда еще не прибрала бойца. Иван вспомнил о своем убитом брате. И представилось ему, что младший братишка лежал, вот так же раскинув руки, и смотрел невидящими уже глазами в зимнее небо.

Вспомнились и тысячи других мертвых бойцов, которые лежали по обочинам дорог зимнего наступления. И почудилось Ивану, что не только брат его, а все эти безымянные солдаты требуют отмщения врагу.

А немецкие пушки молотили и молотили. Вот один снаряд попал в окоп метрах в двадцати, и осколки брызнули на стенку их секции. Но бойцы

рядом только спокойно повернули головы и притушили самокрутки.

Артиллерийская подготовка смолкла внезапно, и Семенов вдруг поднялся и выглянул за бруствер, туда, в сторону врага. Там шли строем ромба пятнадцать танков... Почему пятнадцать, Иван не смог бы ответить, но они так и остались в его памяти — закамуфлированные, с белыми крестами. Но сейчас уже не казалось, что они рядом, что протяни руку — и достанешь. И автоматчики, видневшиеся за танками как силуэты, не вызывали прежнего ужаса.

Вновь вспомнился Ивану боец с раскинутыми руками, погибший брат, и тут же пронзила мысль: «А я ведь тоже могу быть убит!» Семенов оглянулся на соседа. Тот поправлял бутылку с зажигательной смесью. И Иван вдруг буднично расставил перед собой три гранаты. Расставил и посмотрел вперед, пригнулся, когда пулемет с правого танка бил по их окопу.

Танки шли ромбом. Головной уже где-то справа переваливал через окоп и стал яростно танцевать на бруствере, а потом рванулся вперед. Но его, Ивана, танк еще был метрах в двадцати. И Семенов взял первую гранату, ойкнул и бросил ее. Граната не долетела, разорвалась в молодой траве. А танк шел, поплеывая огнем из пулемета и пушки. Иван пригнулся, швырнул вторую гранату. Она попала под гусеницу и... танк повернулся бортом к окопу.

— Есть один, — неожиданно спокойно сказал себе Иван.

Но третьей гранаты не было: то ли он смахнул ее, то ли еще что. Справа на него двигался другой танк. А у него опять только одна винтовка! Чувствуя, как слабость новой волной заливаает тело, Иван оглянулся: сосед справа, что перед этим долго вертел самокрутку, лежал без движения, зажав в правой руке бутылку с зажигательной смесью. Левый сосед неторопливо стрелял по немецким солдатам.

Семенов согнулся и кинулся по траншее вправо, вырвал бутылку из занемевших уже пальцев товарища, хотел бросить ее на танк, но не успел. Танк

на окопе, от его тяжести обрушилась земля, чуть не придавив Семенова.

Иван чиркнул теркой по огромной спичке на бутылке и бросил ее на моторную часть танка... Семенов услышал звон разбивающегося стекла и опустился на дно раздавленного окопа...

Бой кончился на вечерней заре. Наши не отступили, но и не продвинулись вперед. Зато перед окопами и за ними стояло девять неподвижных танков. Два из них подбил он, Иван Семенов...

Но главное было не в этих танках, не в убитых им врагах, а в том, что он подавил в себе внутреннего врага — свой страх и почувствовал себя частью огромной силы, которая может выстоять в любом трудном бою.

Кисет

Он лежит сейчас под стеклом витрины, черный сатиновый кисет с двумя боковыми кармашками для спичек и бумаги. Детская неумелая рука красными нитками вышила слова: «Дорогому защитнику Родины». А рядом — пара добротных рукавиц... Немудрящие на первый взгляд вещи, но сколько за ними видится мне людей и событий далеких военных лет!..

В конце апреля 1942 года измотанная в последних боях дивизия закрепилась на позициях и переждала оттепель. Снег уже стаял, но молодая трава еще не успела проклюнуться, на деревьях только-только набухали почки. Все мы ждали весны, ждали лета, ждали еще чего-то... Словом, было то удивительное настроение, когда, несмотря на кровь и страдания, вдруг замечаешь и первую травинку у дороги, и голубизну неба между низко несущимися облаками...

И вот в такой день по дивизии разнеслась весть: «Шефы с Урала приехали!» Им не дали отдохнуть, а потащили прямо на огневые позиции, в блиндажи и землянки. Усаживали на самые сухие и теплые места и все спрашивали:

- Ну как там, в Свердловске?
- А в Тагиле?

— Мне бы что-нибудь о Серове услышать!..

— Нет ли среди вас красноуфимских?..

А возле одной из хат стояли двое растерянных, совсем не похожих друг на друга мужчин и невпопад повторяли:

— Отец?

— Сынок?..

— Отец?

— Сынок?..

— Никита Петрович?!

— Мухаметушка?!

Это была удивительная встреча. Из далекого от фронта Асбеста приехал инструментальщик обогатительной фабрики Никита Петрович Бадовский и встретил здесь перетянутого командирскими ремнями Мухамета Ахтомовича Ахметзянова, своего приемного сына. И потом, куда бы ни отправлялся Никита Петрович, следом за ним шел Мухамет. Так и видели их эти три коротких дня все время вместе.

Плотным кольцом окружили бойцы рабочего Уралмаша Н. И. Иванова. Бледноватое лицо — не густо, видно, кормят. Крепкие, мозолистые руки — навечно ввевшейся черной металлической пылью — уходит ли этот человек из цеха домой? А Иванов все достает из мешка пачки печенья, кисеты, рукавицы и говорит:

— Это приклад к уральским танкам да пушкам...

Малая вещь кисет, а возьмешь в руки, и словно солнце над тобой светит ярче, и дышится легче, и сквозь кровавую сутолоку боев чувствуешь за своей спиной тех, кто помогает драться, тех, кого защищаешь.

В конце концов делегатов так замучили, что командир дивизии генерал Соколов распорядился собрать представителей частей и подразделений. И вот на едва обсохшей полянке под деревней Воскресенской выстроились лучшие из лучших, герои из героев. Рядом, в нескольких километрах, слышны разрывы снарядов, пулеметные очереди: война шла своим чередом. Но, заглушая голос войны, Никита Петрович Бадовский читает наказ уральцев своей дивизии:

— Освобождайте родную землю от фашистских

захватчиков. Крепче бейтесь за наше правое дело. А мы, уральцы, обещаем вам давать больше танков, пушек и всего другого, без чего в бою не обойтись!..

Говорили после Никиты Петровича и другие делегаты, рассказывали, как живут, как работают, как привечают тех, кто приехал с земель, оккупированных врагом...

Незаметно подошло время расставания. Простился отец с приемным сыном, простилась тагильчанка П. П. Петрова с земляками, уехал на восток уралмашевец Н. И. Иванов. Но осталось главное: фронт и тыл — едины. С этой мыслью и уходили бойцы навстречу новым сражениям.

На фронте порой и маленькая вещица скажет человеческому сердцу куда больше иных длинных и правильных статей. Придет, к примеру, посылка с парой носков, цветастым платочком и аккуратно сложенным листком бумаги: «Лучшему бойцу». Вот и решается по чести и совести, кому отдать подарок. Или принесет связист письмо из дома, и пойдет оно гулять по рукам, зачитывается до дыр. Каждый делает поправки на свою семью, на своих соседей. Смотришь, в редкое затишье говорят люди не о смерти, не о боях, а о делах мирных, о семьях и любимых, что остались на Урале, о станках и автомашинах, о школах и лесных делянках...

И мне в тот весенний день подарили простой кисет и пару рукавиц. Через все бои, через все сражения пронес я их, храня как частицу земли, давшей мне силу. А когда война закончилась, передал и кисет и рукавицы в местный музей. Пусть видят их все. Когда я прихожу к этой витрине сам, мне думается порой: «Хорошо бы встретить ту, чьи слабые детские руки вышили эту неровную строчку «Дорогому защитнику Родины», чтобы поклониться и сказать солдатское спасибо».

На главном направлении

Есть в городе Ржеве улица имени Николая Соколова. С этим именем связан боевой путь 375-й Уральской стрелковой дивизии. Именно здесь мы

потеряли своего командира — генерала Николая Александровича Соколова, но он остался в памяти ветеранов дивизии и в памяти тех, кто ходит сейчас по этой улице, кто живет в поднявшихся из руин домах, кто бывает на площади имени Ленина города Калинина, где покоится прах Соколова и золотыми буквами высечено на мраморе его имя.

Много других имен и событий той боевой поры навсегда осталось с нами, воинами, сражавшимися под Ржевом.

После освобождения города Старица в январе сорок второго мы сражались на Ржевском направлении, дошли тогда до Крупцово, Гущино, Иружа, Собакино, потом нанесли удар по врагу западнее Ржева. Мы бились здесь насмерть днем и ночью в феврале, марте и апреле, освободили деревни Бахмутово, Клепенино, Тимонцево, Петелино, Ножкино, Кокошкино, Воробьево, Ванеево, Усово, Самойлово, Овсянниково, Тарутино, Решиталово и многие другие села Ржевского района.

В соответствии с приказом командующего Калининским фронтом генерала И. С. Конева в начале мая наша дивизия была выведена в резерв фронта. После марша она сосредоточилась в лесах Старицкого района близ деревень Налеткино, Кушниково, Климово. Наступил перерыв между боями. Здесь мы подводили итоги зимних боев. Командиры, офицеры штабов изучали опыт минувших сражений, а мы, политработники, — опыт партийно-политической работы. Пополнялись поредевшие подразделения. Особо отличившимся в боях вручали награды. Было вручено более трехсот орденов и медалей. Командиры частей и подразделений продолжали представлять в штаб дивизии реляции на награждения. Их количество превысило тысячу.

Командир полка А. В. Бабчук писал:

«Предеин Федор Дмитриевич, наводчик орудия, вступил в бой с шестью танками и до взвода пехоты противника. Получил ранение, но не покинул свое место, продолжал бой. Подбил два танка. Получил второе ранение, которое оказалось смертельным. Атака была отбита».

Капитан Муравцев писал:

«Политрук Девятов Константин Миронович при

отражении контратаки врага, когда командир батареи был ранен, взял руководство батареей на себя. Под его командованием батарея отразила три атаки фашистов. Перед позицией осталась до 100 трупов врагов. Сам тов. Девятков из винтовки уничтожил четырех гитлеровцев. Атака была отбита».

«Комсомолец Пучельников под сильным огнем противника вышел на устранение обрыва линии связи. Устранил пять обрывов. Был тяжело ранен, но продолжал работать. Еще устранил три обрыва. Вражеская пуля сразила смелого связиста, но связь продолжала работать. Пучельников был найден держащим в зубах концы провода».

«Сергеев Иван Петрович, красноармеец, член ВКП(б), во время рукопашного боя уничтожил более десяти фашистов. Заменял выбывшего из строя командира взвода, повел взвод вперед, занял траншею врага».

Невозможно перечислить имена всех героев. Коммунисты, комсомольцы были истинными вожаками масс, своим личным примером, героизмом увлекали воинов на подвиг.

Мы отдыхали от боев, настойчиво совершенствовали воинское мастерство, повышали боеспособность частей и подразделений, упорно, терпеливо обучали новое пополнение.

После почти трехмесячного пребывания в резерве в начале августа мы получили приказ снова войти в состав 30-й армии.

И вот мы в новом районе, в лесах южнее деревни Мячино.

Военный совет армии, зная 375-ю Уральскую дивизию по прошедшим боям, решил ввести ее в бой на направлении главного удара армии. Наша дивизия стала сосредоточиваться для наступления на Ржев в районе Дубровки, Коршуново, Полунино.

День и ночь шли проливные дожди. Дороги стали непроходимыми. Кроме того, нужно было преодолеть открытую болотистую местность между урочищем Крюково и населенными пунктами Дешевка, Дубровка. Никакой вид транспорта не мог одолеть бездорожье. Лошади тонули в грязи по брюхо. Артиллерия застряла. Вражеские самолеты, выби-

рая время, когда видимость улучшалась, появлялись над этим районом и бомбили скопление наших войск. Дальнобойная артиллерия фашистов была сюда же.

Но люди не считались ни с чем. В грязи по колено перекачивали руками пушки, переносили минометы. На плечах таскали снаряды, мины, патроны, продукты питания — словом, все, что требовалось для боя.

...Мы собрались в блиндаже командира дивизии. Начальник штаба полковник П. Д. Говоруненко докладывал боевой приказ на наступление:

— Наша дивизия со 143-й танковой бригадой, действуя на главном направлении удара армии, прорывает оборону противника на участке между Галаховом и Жеребцовом, овладевает отметкой «195,9», железной дорогой Ржев — Торжок у Грибеева. В дальнейшем наступает на Апоки, Ржев. Наступление дивизии поддерживает 1098-й пушечный артиллерийский полк и 281-й гвардейский минометный дивизион. Правее нас наступает 52-я, левее — 274-я стрелковые дивизии. Во втором эшелоне армии наступает 2-я гвардейская стрелковая дивизия, готовая развивать успех на стыке нашей и 274-й дивизий...

Генерал Соколов, слушая своего начальника штаба, смотрел на карту, старался отчетливо представить грядущий бой. Но чем глубже генерал оценивал обстановку, тем тревожнее становилось у него на душе: мало артиллерии и снарядов, местность заболоченная, танки не пройдут, пути подвоза скверные.

Соколов никогда не был в Ржеве, но знал, что это древний русский город на Волге с хорошо развитой промышленностью, с 50-тысячным населением. И вот Ржев превращен врагом в крупный узел сопротивления, которым надо овладеть. Соколов искал слабое место в неприятельской обороне.

Перед наступлением проделана большая, кропотливая работа. Штабные офицеры подготовили документацию, нанесли на карты направления ударов частей и подразделений, составили схемы, таблицы артиллерийского огня, расчеты боепитания, планы материального обеспечения частей. Разведчики

детально изучили особенности обороны противника. Всей этой работой руководил начальник штаба дивизии П. Д. Говоруненко.

Говоруненко был из тех штабных работников, которые умеют не только писать бумаги. Он был человеком мысли, широкого кругозора. Закончив Академию бронетанковых войск, начал войну комиссаром танковой дивизии. В начале марта 1942 года стал начальником штаба уральской дивизии.

...Утро 10 августа. Густые, черные тучи ушли за горизонт. Над полями разгуливал свежий ветер. Генерал Соколов — на своем наблюдательном пункте, на небольшой высоте невдалеке от переднего края.

К рубежу, предназначенному для развертывания атаки, подтягивались танки 143-й бригады. В 5.45 началась артиллерийская подготовка. Но она была не такой, какой планировалась и какой ожидала ее изготовившаяся к атаке пехота. Плотность огня оказалась небольшой, хотя артподготовка продолжалась около часа.

И вот в небо взвилась красная ракета. Началась атака. Танки и пехота устремились вперед, на Ржев. Клубы пыли и дыма заволокли небо и поле боя.

Атакующие ворвались в первую линию окопов неприятеля, вышли ко второй. Противник неоднократно контратаками, поддержанными танками и авиацией, старался остановить наше наступление. И тут случилась беда. Болото и минное поле остановили наши танки. Они отстали от пехоты, стали поддерживать пехоту огнем с места. Но налетели бомбардировщики врага и начали бомбить. Танки вынуждены были отойти на исходные позиции.

Произошло то, чего опасался Соколов: вся тяжесть боя легла на пехоту. Сражение шло уже в глубине обороны противника. В это время командир полка майор А. С. Ратников обнаружил подготовившуюся к контратаке группу врага. Поступила команда батальонам, артиллеристам — уничтожить противника.

Пехота залегла. Политрук второй пулеметной роты полка Беленький под ураганным огнем противника выкатил вперед станковый пулемет и стал в упор расстреливать гитлеровцев.

Батальон во главе с командиром, старшим лейтенантом Ситниковым, вступил в рукопашный бой. Немцы не выдержали штыкового удара, откатились назад. На плечах отступающих бойцы ворвались в окопы противника.

Правофланговую роту, которой командовал комсомолец лейтенант Аркадий Гаврилович Валенда, окружили фашисты. Тогда комиссар батальона, политрук Петр Алексеевич Орлов, поднял в атаку другую стрелковую роту. Бойцы ринулись за своим комиссаром.

Вражеское кольцо было разорвано. Вскоре на помощь стрелковым подразделениям пришли артиллеристы, минометчики.

Метко бил из миномета Спириин. Он один продолжал вести огонь, когда из строя вышел почти весь расчет. Из противотанкового ружья бил по танкам врага красноармеец Тимирязян Хоматкуров. Из 120-миллиметрового миномета мину за миной посылал по контратакующим немцам младший сержант Хомутов.

Во второй половине дня вступили в бой новые части противника, и гитлеровцам на некоторых участках удалось остановить наше продвижение.

Напряженный бой к вечеру затих. Было решено в течение ночи подготовить новую атаку.

...В темноте, толкая перед собой ящики со взрывчаткой, по-пластунски двигалась группа саперов к железнодорожной насыпи у Грибеева. Впереди полз коммунист сержант Смертин, за ним красноармейцы Мясников, Краснов, Турченков, Виноградов. Вскоре они приблизились к минному полю, прикрывавшему полотно железной дороги. Смертин и Мясников быстро проделали узкий проход и заложили большой заряд тротила. Осторожно вставив взрыватель, они привязали к чеке длинный шнур телефонного провода и стали отползать обратно. Но в это время появились гитлеровцы, открыли по саперам огонь.

Тут уж некогда было думать об осторожности. Красноармеец Мясников рванул шнур. Сильный взрыв потряс землю. Взметнулось пламя. Вместе с землей, шпалами, рельсами взлетели в воздух фашистские солдаты.

За полчаса до взрыва вторая группа саперов под командованием комсомольца старшего лейтенанта Моисеева закончила разминирование минного поля. Отважно действовали заместитель политрука Кузьмин, бойцы Ярошко, Бондарчук, командиры отделений сержант Лайков и Агеев. За ночь они извлекли более 400 мин, сделали проходы для танков и пехоты.

Взрыв на полотне послужил сигналом для атаки. Ринулись вперед наши танки и пехота. Батальон капитана А. В. Николаева захватил насыпь железной дороги, уничтожил пять дзотов и несколько блиндажей, окружил до роты автоматчиков и почти полностью истребил их. Капитан Алексей Васильевич Николаев в этом бою был дважды ранен, но не ушел с поля боя. Батальон в течение дня восемь раз был контратакован, но все контратаки врага отбил. Когда расчет станкового пулемета выбыл из строя и в горячке боя нечем было его заменить, комбат Николаев сам лег за пулемет.

Во второй половине дня 11 августа немцы атаковали позиции 1243-го стрелкового полка. Несколько вражеских танков прорвались через боевые порядки и подошли к наблюдательному пункту командира полка майора А. С. Ратникова. В бой с танками вступили все, кто был здесь. Подбили две машины. Вражеские автоматчики, прорвавшиеся за танками, были полностью уничтожены, но и мы понесли немалые потери. Смертью храбрых пал командир полка Алексей Спиридонович Ратников, был ранен комиссар полка Поликарп Петрович Хабаров.

Полк возглавил и вновь повел в атаку капитан Алексей Николаев. Дорогой ценой заплатили фашисты за гибель героев-уральцев. Оставив на поле боя 6 танков и свыше 300 трупов, они откатились назад.

Из-за левого крыла 1243-го стрелкового полка развернулся 1245-й полк под командованием майора Ивана Александровича Девашенко и батальонного комиссара Петра Ивановича Усачева — второй эшелон дивизии. Он разгромил немцев в районе Грибеево и полностью овладел деревней.

Хотя в Грибеево из 33 домов не осталось ни одного — все было сметено огнем, — немцы не хотели

терять выгодный для них рубеж и перешли в контратаку. Батальон К. А. Кайгородова отбил три контратаки врага. Бойцы выдержали натиск, но в этом бою погибли комбат коммунист Константин Афанасьевич Кайгородов и многие воины батальона.

К вечеру 14 августа части дивизии завязали бой у опушки рощи северо-восточнее Ржева. Противник встретил нас сильным огнем из дзотов. Перед нами оказались отборные немецкие части.

...Как сейчас вижу коптилку на столе. Она бросает красноватый свет на стены блиндажа. Его днем отбили у противника, когда шли к железной дороге Ржев — Торжок. У карты — командиры рот. Они еще не остыли от боя, а впереди — новый. В центре — В. Г. Ведерников, молодой политраблотник. По тому, как он характеризует сильные и слабые стороны вражеской обороны, называет пункты возможных контратак, можно заключить: этот человек всесторонне знает обстановку.

На фронте он с августа 1941 года. 13 августа 1942 года Ведерников, комиссар батальона, занял место выбывшего из строя командира и сейчас готовил батальон к наступлению. Отдав боевой приказ командирам рот, он собрал коммунистов и комсомольцев, посоветовался с ними, как лучше выполнить боевое задание.

Сигнал. Батальон двинулся в темноте. Высланные вперед саперы всю ночь расчищали путь от мин. До укреплений неприятеля оставалось каких-нибудь 150 метров, когда фашисты пустили осветительные ракеты, открыли ружейно-пулеметный огонь.

Наши заранее расставленные станковые пулеметы, минометы и орудия обрушили огонь на врага. Взвод лейтенанта Лаптева поднялся, броском ворвался в расположение противника и стал в упор расстреливать расчеты вражеских пулеметов. Проникла в лес и стрелковая рота Барновалова и уничтожила два дзота.

Бой на опушке длился недолго. Четыре дзота и десятки огневых точек врага, расположенных на переднем крае обороны, взлетели в воздух. Воины батальона углубились в лес. С группой бойцов Ведерников перебежал от дерева к дереву и тут заме-

тил, что строчивший из вражеского дзота на противоположной стороне полянки пулемет заставил залечь нашу стрелковую роту. Политрук со своей группой быстро достиг дзота. Полетели гранаты, пулемет замолчал. Но почти тотчас же откуда-то справа открыл огонь другой немецкий пулемет. Пехота опять залегла. Тогда Ведерников приказал своему связному красноармейцу Д. А. Прыткову уничтожить эту огневую точку.

Даниилу Прыткову удалось подползти к дзоту на близкое расстояние, и он расстрелял пулеметный расчет. Но тут целая дюжина гитлеровцев окружила Прыткова. Даниил Алексеевич решил дорого отдать свою жизнь. Огнем из автомата и тремя гранатами он уничтожил пятерых фашистов и, приняв рукопашный бой, заколол еще двоих. Подоспевших на помощь Прыткову бойцы взвода добились остальных. Позднее за бой под Ржевом ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Прорыв обороны немцев севернее Ржева, выход ударных сил 30-й армии к окраине города с северо-востока и развернувшиеся ожесточенные бои 31-й армии Калининского фронта и 20-й армии Западного фронта в районе Погорелого Городища создали реальную возможность удара во фланг и тыл вражеской группировки восточнее Ржева, в частности по ее войскам, занимавшим плацдарм на левом берегу Волги. Войска Западного фронта, прорвав оборону девятой немецкой армии, вышли к железной дороге Ржев — Вязьма и охватили ржевскую группировку врага с юга.

Противник прилагал все усилия к тому, чтобы удерживать за собой весь район Ржева, не допустить прорыва частей 30-й армии в город. Гитлеровское командование приняло решение отвести свои войска с левого на правый берег Волги, сократить фронт обороны, высвободившиеся войска бросить для усиления обороны города с северо-востока. Но и это не помогло. Фашистское командование вынуждено было спешно перебросить к Ржеву свежие дивизии, предназначенные для развития наступления на Сталинградском и Кавказском направлениях. Так мы оттянули на себя часть сил врага, оказав тем самым помощь сталинградцам.

Противник сопротивлялся ожесточенно. Не было счета его контратакам. Но полки нашей дивизии продвигались вперед и утром 16 августа подошли к Ржеву. Отдельные подразделения ворвались в военный городок, захватили несколько казарм. Но дальше продвинуться не смогли. Враг превратил каждый каменный дом, каждую казарму в крепость. В подвалах и нижних этажах были расставлены минометы и орудия для стрельбы прямой наводкой, на крышах и вышках — пулеметы. Все кругом заминировано и обнесено проволочными заграждениями в три-четыре ряда. Все огневые точки, здания, приспособленные к обороне, были связаны между собой траншеями полного профиля.

Бои в районе военного городка приняли затяжной характер. Подобраться к дзотам и зданиям скрытно было нельзя: кустарник кончался метров за четырехста до вражеских позиций, дальше шла открытая поляна, каждый метр которой простреливался. И все-таки пехота должна была двигаться вперед, обойти проволочное заграждение и ударить по противнику с фланга.

Группа бойцов во главе с младшим лейтенантом Прохором Яковлевичем Квашниным, бывшим рабочим из Невьянска, стала короткими перебежками преодолевать открытую местность. Первым бежал Квашнин. Когда младший лейтенант достиг намеченного рубежа, он увидел рядом с собой всего четырех бойцов: Баранова, Гилева, Основина и Иванова. Остальных прижал к земле огонь вражеских пулеметов.

Что же делать? Бойцы возле Квашнина оказались из числа самых смелых. Он видел во вчерашнем бою, как они дрались. Когда выбыл командир отделения, Василий Баранов взял командование на себя, и отделение, блокировав вражеский дзот, уничтожило его. Сегодня Баранов был назначен командиром отделения. Он лежал недалеко от Квашнина и стрелял из ручного пулемета. Маскировочный халат Баранова был в крови.

— Сильно ранен? — спросил у Василия командир.

— Да нет, не сильно, воевать можно.

Квашнин и сам был ранен. Рана горела. Но ду-

мать о ней сейчас не оставалось времени. Надо спастись товарищей, батальон, попавший под ураганный огонь противника.

Голова Основина тоже перевязана. Кровь просачивалась через бинт и стекала на глаза. Он часто стирал ее с лица, ругался, словно кровь была винувата, что мешала вести огонь по фашистам. Ранены были Иванов и Гилев, но они так же, как Квашнин, Баранов и Основин, не обращали на раны внимания и продолжали стрелять по врагу.

Когда Квашнин оглянулся назад, на батальон, лежавший под огнем противника, он заметил, что к его группе подползают еще несколько человек. Одного он сразу узнал: это был санитар Бетев, решивший добраться до группы смельчаков, перевязать их раны. В отваге он не уступал никому.

Теперь уже рядом с Квашниным восемь человек вели меткий огонь по фашистам. Они старались отвлекать внимание неприятеля на себя, чтобы дать возможность батальону окопаться, и добились своего: батальон, которым командовал Григорий Иванович Покатаев, закрепился. С этих позиций полк и атаковал фашистов, ворвался в военный городок, освободил несколько казарм, захватил склад боеприпасов и 24 автомашины.

...Полковник Говоруненко вызвал к себе разведчиков старшего лейтенанта Макарова и замполитрука А. Рогозина и приказал достать «языка». Два дня разведчики наблюдали за противником, изучали его передний край, определяли, где надо сделать проходы в проволочном заграждении и в минном поле.

В темную сентябрьскую ночь они вышли на боевую операцию. Вокруг не видно ни зги. Изредка доносился грохот рвущихся мин да треск пулеметов. Настороженно всматриваясь в темень пасмурной ночи, разведчики шли вперед. На пути — открытая поляна с редкими кустами. Время от времени противник обстреливал ее из пулеметов. Поляну проползли по-пластунски. Не успели отойти и десяти шагов от кустарника, как Рогозин бросился на землю. Бойцы Кретенин и Мешков мгновенно уткнулись лицом в сухую, колючую траву. Яркий желтый свет ракеты осветил все кругом. Воины при-

таились, стараясь ничем, даже дыханием, не выдать себя.

Ракета погасла. Опять темнота. Разведчики двинулись дальше. Осторожно прошли минное поле, ощупывая руками колышки, поставленные саперами. Через головы разведчиков летели трассирующие пули. Пробираясь к намеченному месту становилось все труднее и труднее.

Вот и линия обороны противника. Траншеи, окопы с пулеметными расчетами, немецкий блиндаж. Здесь и предстояло взять «языка».

Разведчики прислушались к разговору в блиндаже. Вдруг дверь открылась, стало слышно, как кто-то в блиндаже отрывисто и зло заговорил, начал ругаться. Гитлеровцы торопливо выходили из блиндажа и по траншее направлялись в тыл. Рука Рогозина потянулась к поясу, где висели несколько противотанковых гранат и кинжал.

Как будто угадав его мысли, разведчик Новиков шепнул:

— Обнаружили нас. Давайте гранатами...

— Нельзя. Подождем,— ответил Рогозин.

Опыт разведчика подсказал ему, что фашисты вышли из блиндажа не по тревоге. Но что делать? Если они уйдут — все планы насмарку. Может, действительно Новиков прав? Надо забросать гранатами и отойти? А как же «язык»? Не может быть, чтобы фашисты оставили блиндаж без охраны. Значит, немного терпения.

Малейшая неосторожность, торопливость могли погубить разведчиков. Голоса гитлеровцев отдалились. Рогозин подполз ближе и прислушался. Там словно крыса скреблась в ларе с мукой. «Это фриц очищает котелок»,— догадался Рогозин. Медлить нельзя. Дал знак Новикову. Прыжок. Сильный удар прикладом. Гитлеровец упал. Рогозин забил ему в рот кляп, а подоспевший Кретенин связал руки. Рогозин взвалил фашиста на себя.

Казалось, все шло хорошо. Но когда пробирались через минное поле, в суматохе перестали следить за пленным. Тот пришел в себя, выплюнул кляп и заорал. Гитлеровцы услышали. Одна за другой взлетели в небо несколько ракет, ударили пулеметы. Рогозин дал сигнал: поддержите огнем.

Заработали наши пушки, минометы и пулеметы.

Лишь на заре вернулись разведчики в полк. Двое были ранены. Тяжело ранен был и пленный. Он только на следующий день пришел в сознание и дал ценные показания. Это был десятый «язык», взятый Анатолием Рогозиным. А первого он взял в конце января 1942 года.

...По указанию командующего армией командир дивизии произвел перегруппировку сил. Часть батальона должна была сковывать противника со стороны военного городка, а основные силы — штурмовать восточные кварталы Ржева. Генерал Соколов уточнил на местности задачи полкам, организовал взаимодействие и лично проверил их готовность к наступлению.

После артиллерийской подготовки часть дивизии перешла в атаку. Завязался ожесточенный бой. Одновременно перешли в атаку соседи справа и слева.

Полк, которым командовал капитан Иван Трофимович Селенкович, выбил противника из нескольких домов и ворвался в траншеи, идущие по восточной окраине города, потом овладел целым кварталом. Дальнейшее движение полка приостановил фланговый огонь орудий и пулеметов из соседних кварталов.

Полк майора Фролова атаковал противника левее полка Селенковича и, продвинувшись на 300—400 метров, тоже попал под сильный фланговый огонь.

Одновременно противник обрушил на боевые порядки полка огонь артиллерии и минометов. Наша пехота, понеся значительные потери, закрепилась во вражеских траншеях восточнее города.

Противник, подтянув в полосу действий дивизии несколько батальонов, в течение дня предпринял не одну контратаку, пытаясь вернуть потерянные позиции. Бой длился до ночи, но попытки врага восстановить утраченное положение так и не увенчались успехом.

Выяснились некоторые особенности обороны противника. Враг выбирал прочные здания и оставлял в них сильные гарнизоны. Все мелкие и непрочные дома оборонялись небольшими группами. На первых

и вторых этажах домов стояли пулеметы. Вражеские снайперы с чердаков и крыш прикрывали огнем подходы.

Уличные бои в Ржеве показали, что лучших успехов в борьбе с врагом добиваются не крупные подразделения, а немногочисленные, хорошо подобранные штурмовые группы. Учитывая это, командир дивизии генерал Соколов приказал создать в стрелковых полках и батальонах штурмовые группы с саперами и одиночными орудиями для стрельбы прямой наводкой.

В полках было организовано по несколько штурмовых групп. В состав каждой включались автоматчики, саперы с запасом взрывчатки, придавались орудия, противотанковые ружья, ранцевые огнеметы. Вся полковая артиллерия, пушки отдельного истребительного противотанкового дивизиона использовались для стрельбы прямой наводкой.

В октябре 1942 года части дивизии возобновили наступление. Штурмуя дом за домом, двигались вперед. За несколько дней войны дивизии очистили четыре квартала Ржева. Сопrotивление противника усиливалось. Для подкрепления своих частей, действовавших в полосе наступления соединений 30-й армии, враг подтягивал свежие силы.

Применялись и коварные приемы. В 32-м квартале в окнах одного из зданий появились женские фигуры. Наши бойцы сразу прекратили огонь. Не стрелял и противник. Как только красноармейцы подошли к зданию, на них посыпались гранаты. Но и мы не остались в долгу. Дом был разрушен огнем противотанкового орудия. В развалинах наши воины обнаружили шесть трупов фашистских солдат в женской одежде.

...Темная ночь. Штурмовой отряд лейтенанта Леонтия Дмитриевича Москаленко продвигался ощупью. Кирпичная стена служила единственным ориентиром. Лейтенант полз первым, настороженно прислушивался.

Отряд в течение целого дня не мог овладеть кирпичным домом, где засели гитлеровцы. Из окон и проделанных в стенах амбразур фашисты поливали штурмовую группу сильным пулеметным и автоматным огнем. Бойцы Москаленко дважды робо-

вали подползти к дому, но безрезультатно: сплошной смертоносный огонь прижимал отряд к земле.

Тогда лейтенант решил обмануть фашистов. Оставив против кирпичного дома несколько бойцов и приказав им вести по окнам и амбразурам отвлекающий огонь, Москаленко повел основную группу к задворкам дома.

Воины бесшумно переползли через улицу, проскочили вражескую траншею и перебрались на другую сторону невысокого кирпичного забора. Послышались приглушенные шаги и невнятный говор. Фашистский патруль прошел совсем рядом. Бойцы лежали у забора затаив дыхание.

Москаленко уверенно вывел бойцов к той части двора, где валялись дрова, груды битого кирпича и всякая рухлядь. Этот хлам мог укрыть от глаз неприятеля и защитить от пуль. Группа подползла к дому. В стене здания лейтенант нащупал большую пробоину. Прислушался. В доме тихо. К лейтенанту подполз коммунист Ахметгареев, шепнул:

— Я пойду первым.

Лейтенант пожал ему руку, и Ахметгареев скрылся в проломе. Спустя несколько минут за ним последовал и Москаленко, потом Сычев, Волобуев и еще четверо бойцов. Остальные притаились во дворе.

Ахметгареев осторожно открыл дверь в комнату, откуда стрелял пулемет, и включил карманный фонарик. Вдоль кирпичной стены лежали гитлеровцы и, видимо, отдыхали. Только пулеметчик, примостившийся у окна, стрелял по невидимой Ахметгарееву цели. Одна за другой полетели гранаты. Тотчас на другом конце дома взорвались гранаты, брошенные лейтенантом. Удар был неожиданным и быстрым. В кромешной тьме сошлись врукопашную. Фашисты сопротивлялись отчаянно.

А когда в предрассветных сумерках большая группа противника попробовала пробиться на помощь своим, ее встретил заградительный огонь автоматчиков, оставшихся во дворе. Фашистское подкрепление не пробилось. Штурмовой отряд лейтенанта Москаленко закрепился. Лейтенант в этой схватке был тяжело ранен.

После контратаки гитлеровцы отошли. Среди разрушенных стен, остатков печей и труб валя-

лось несколько десятков убитых гитлеровских вояк. Один из них лежал на открытом ровном месте нейтральной зоны, но ближе к нашим позициям. Не затихли еще звуки боя, как солдаты противника стали подползать к трупу. Снайпер И. Г. Наймушин укрылся за развалинами здания и спокойно уничтожал каждого, кто пытался подобраться к убитому.

Однако упорство, с которым гитлеровцы повторяли свои попытки, заинтересовало наших разведчиков. Они решили притащить труп на свою сторону. А как это сделать? Фашисты простреливали все подступы. Один из разведчиков пополз к убитому, но был ранен и вернулся. Тогда, взяв в руку конец телефонного кабеля, пополз 18-летний разведчик П. Г. Кретенин. Ему удалось под градом пуль подобраться к убитому фашисту и крепко привязать кабель к его ноге. Потом он отполз в безопасное место и натянул кабель. Кретенину помог сержант Белов. Фашисты открыли сильный огонь, но опоздали: разведчики находились уже за укрытием. Осмотрев убитого, они нашли важные схемы, раскрывающие систему вражеской обороны в военном городке.

За смелость, мужество и отвагу красноармеец Петр Григорьевич Кретенин был награжден медалью «За отвагу».

...В этих наступательных боях полностью освободить город Ржев не удалось.

Часть вторая
НА ОГНЕННОЙ ДУГЕ





НАКАНУНЕ

Первое утро на южном флесе

Больше суток, не утихая ни на час, шел дождь вперемежку со снегом. Лишь вечером непогода улеглась. Но к ночи поле застелила мгла, будто осели на землю мутные облака. Все утонуло в ней.

Потом густой предрассветный туман мелкой моросью оседал на лица, на шинели, на раскисшие под дождем полушубки. Капли воды падали с голых деревьев. Под ногами чавкала снеговая каша и липкое месиво чернозема.

Шестьсот с лишним километров, от Ельца до Орла и от Орла до Белгорода, без усталости, день и ночь, месяа весеннюю грязь, шла дивизия на помощь частям, которые, сдерживая крупные танковые силы врага, отходили от Харькова к Северному Донцу, к Белгороду. Переходы были стремительные, а привалы коротки...

И все же, как ни трудно приходилось, настроение было бодрое, приподнятое: шли ведь вперед, на запад.

Позади остались Курск, Обоянь и многочисленные деревни. Перелески чередовались с чистыми полями.

Полковник Говоруненко резко остановил своего коня, перекинул из-под плащ-палатки на холку лошади планшетку и, осветив ее карманным фонариком, вынул карту. Эти поросшие кустарниками высоты очень выгодны для обороны, нужно только опередить противника. Отдать врагу эти высоты

и прилегающие к ним скаты — значит отдать и магистральное Обоянское шоссе, и железную дорогу, открыть путь, по которому он ринется на Курск.

Говоруненко тронул поводья. Приходилось спешить. Полкам дивизии предстояло до рассвета занять рубеж обороны, указанный командующим 21-й армией Воронежского фронта генералом И. М. Чистяковым.

В состав этой армии наша дивизия вошла 17 февраля 1943 года. Спешная переброска 21-й армии из состава Центрального фронта в направлении Белгорода была связана с ухудшением положения войск Воронежского фронта, ведущих тяжелые бои в районе Харькова. В это время 21-я армия только начала выгружаться у города Ельца.

После овладения Харьковом гитлеровское командование двинуло крупные танковые соединения на Белгородское направление. Одновременно оно готовило удар по нашим войскам южнее Орла. Враг рассчитывал окружить и уничтожить западнее Курска крупную группировку советских войск.

Ставка Верховного Главнокомандования решила срочно перебросить 1-ю танковую, 21-ю и 64-ю армии в полосу Воронежского фронта для ликвидации опасности, нависшей над войсками Воронежского и Центрального фронтов.

21-й армии было приказано не позднее тринадцатого марта перехватить магистральное шоссе южнее Курска и начать ускоренное движение в сторону Обоянь — Белгород¹. С этого момента 21-я армия вошла в состав Воронежского фронта (с апреля она стала 6-й гвардейской).

И вот наша дивизия форсированным маршем шла на сближение с врагом, стремившимся расширить фронт наступления.

...Комдив поехал крупной рысью. Боясь забрызгать его вылетающей из-под копыт коней грязью, чуть на расстоянии скакали за ним ординарец Миша Гончаренко, коновод Косырев и несколько разведчиков.

После Обояни дивизия свернула с большака и пошла проселочными дорогами между Липовым

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. III. М.: Воениздат, 1961, с. 122.

и Северным Донцом. Весна вступила в свои права. Земля раскисла. В низинах стояла непролазная грязь. Артиллерийские упряжки, повозки с боеприпасами застревали.

— К орудию! — то и дело раздавались команды. Бойцы, облепив пушки, повозки, упираясь всем телом, вытаскивали их из раскисшего месива. Людские голоса перекрывал надрывный шум моторов напрочь засевших автомашин.

В колонне артиллерии остановился «ЗИС-5» с пушкой на прицепе, преградил дорогу. Полковник прислушался к резким перебоям мотора, подъехал к машине. Там копошилось несколько человек.

— Что случилось? — спросил он у водителя.

— Не пойму, что-то барахлит мотор, товарищ полковник.

Говоруненко слез с коня:

— Давай посмотрим, что там стряслось со «старушкой».

Вспыхнул фонарик. Несколько раз хлопнула дверца кабины.

— Все в порядке! Можно ехать.

— Спасибо, товарищ полковник!

Миша Гончаренко наклонился к Косыреву, зашептал:

— Он же танкист. Академию бронетанковых войск окончил. Неисправность мотора определяет на слух. Он и своему шоферу сержанту Сизову часто помогает.

— Почему же полковник командует пехотой, а не танкистами? — спросил Косырев.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — увильнул Миша от прямого ответа. Он и сам толком не знал, почему в марте 1942 года Говоруненко прибыл в стрелковую дивизию, хотя вначале был комиссаром танковой.

Колонну второго стрелкового батальона 1243-го стрелкового полка Говоруненко догнал у поворота дороги на Вислое. Люди шагали молча. В поредшем тумане чуть виднелись над головами солдат штыки, а кое-где — лежащие на их плечах противотанковые ружья. На сутулых от тяжести спинах покачивались в такт шагам трубы ротных минометов и катки станковых пулеметов.

Полковник стал осторожно обгонять колонну. На обочину дороги выскочил человек в плащ-палатке и пошел навстречу всадникам.

— Товарищ полковник, батальон третий рубеж прошел в срок, потерь и отстающих нет! — доложил командир батальона капитан Покатаев.

— Задача батальона вам ясна? — спросил полковник, слезая с коня и разминая затекшие ноги.

— Ясна, товарищ полковник.

Командир дивизии отвел Покатаева в сторону.

— Слушай, Покатаев, — сказал он, — надо максимально ускорить движение батальона и до рассвета оседлать шоссе.

Оказалось, вечером 18 марта части 69-й армии оставили Белгород, не исключалась возможность, что на рассвете враг двинется на Обоянь. На участке батальона Покатаева также должны были занять оборону армейский истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион и артдивизион 932-го арtpолка капитана Белова.

— Установите связь с артиллеристами, — приказал комдив комбату. — Шоссе удержать любой ценой. Оборона автомагистрали возложена на нашу дивизию.

— Есть удержать шоссе! — ответил Покатаев.

Полковник пожал капитану руку и пожелал успехов.

— Надеюсь на вас, — сказал он на прощание.

Комдив верил этому командиру как самому себе. Решителен, инициативен, в любой обстановке не растеряется, найдет правильный выход. Не случайно Покатаев, начав службу в сентябре 1941 года командиром взвода, уже в боях под Ржевом водил в атаку стрелковый батальон.

Поравнявшись с подразделением старшего лейтенанта Волкова, Говоруненко заметил человека, как-то особенно споро шагавшего по раскисшей дорожке. Комдив узнал в нем парторга роты Петра Чупрова.

— Как дела, тезка?

— Шагаем, товарищ полковник! — Голос Чупрова оказался неожиданно бодрым. Это порадовало полковника, и он вспомнил недавний подвиг этого человека.

...Бой тогда возник внезапно. Стрелковая рота вышла из роши и едва достигла гребня безымянной высоты, как с противоположных скатов фашисты открыли по ней огонь. Вскоре показались танки с десантом. Развернувшись на широком поле, они пошли прямо на роту, то и дело окутываясь темно-серым дымком орудийных выстрелов. Десантники рассыпались по полю, побежали вперед под прикрытием танков.

Вражеской пулей был убит первый номер пулеметного расчета. Чупров лег за пулемет и стал почти в упор расстреливать гитлеровцев. Но противник все наседавал. Вот по виску сержанта побегала алая струйка крови, заливая воротник гимнастерки. Вдруг совсем рядом послышалось:

— Рус, сдавайся, капут!

В ответ Чупров бросил несколько гранат и снова открыл огонь из пулемета.

Убит командир. Петр Чупров принимает командование. Бой продолжается несколько часов. В сумерках он поднял в контратаку остатки роты и очистил высоту от немцев.

Полковник с уважением смотрел на парторга.

— Да, Петр Устинович, надо шагать. Возможно, утром опять придется встретиться с врагом.

На одном из привалов собралась группа беседующих солдат. Один из них получил из дома письмо.

— О чем пишут, если не секрет? — спросил я.

— Секрета нет, товарищ начподив. Жена пишет, что многие рабочие Уралмаша, где она работает, подали заявление о приеме в какую-то добровольческую часть. На заводе сейчас день и ночь делают танки для новой части.

— Здорово, — вставил другой солдат, — уральцы на своих танках! Сюда бы их!

— Да, хорошо было бы — уральская пехота и танки вместе, — поддержал я бойца.

— Если мы так будем двигаться вперед, добровольцы придут на фронт только к шапошному разбору, — заметил сидевший недалеко от меня боец.

Пришлось поправить его: враг еще силен, а до

конца далековато. Так что уральские добровольцы успеют встретиться с фашистами...

Команда «Строиться!» прервала наш разговор. Позже мы узнали, что на Урале началось формирование 30-го Уральского добровольческого механизированного корпуса, на фронте переименованного в 30-й танковый. В боях он стал 10-м гвардейским танковым.

Легкий пар валил от мокрых шинелей и полушубков. Ружейные ремни и ляжки вещевых мешков резали плечи. Даже противогаз, поначалу казавшийся легким, сейчас словно камень тянул вниз. Хочется лечь прямо на мокрый снег и лежать, лежать не шевелясь.

— Привал! — раздается команда.

— Малость отдохнем,— сказал Иван Казанцев и, выбрав посуше бугорок, сел. Теперь он еще сильнее почувствовал, как гудят от усталости ноги, ноет натертое ремнем ручного пулемета плечо. И, немного помолчав, добавил: — Вот это марш! К Москве и то, кажись, не так спешили.

— Это ничего, Иван Васильевич. Не возражал бы я совершать такие марши почаще — скорее в Берлине будем,— устало улыбнувшись, вставил красноармеец Васильев, второй номер пулемета.

— Ишь какой пряткий! Нет, братец, до Берлина еще киселя хлебать да хлебать.

— Все равно дойдем. Мы еще с вами пошагаем по площади Маркса-Энгельса.

— Откуда там такая площадь взялась?

— А как же, фашистов разобьем, и площадь появится. — И засмеялся: — Я уже научился по-немецки спрашивать, как пройти на площадь Маркса-Энгельса.

— Не бреши, Петя!

— Честное слово, Иван Васильевич. Пожалуйста! Ви комт ман цум Маркс-Энгельс платц?

— Молодец! — похвалил его Казанцев, хотя, кроме слов Маркс-Энгельс, ничего не понял.

— А с девушкой поговорить сумеешь?

— Это тоже можно, но у меня девушка в Свердловске. Так что немки пусть на меня не рассчитывают.

— Все это хорошо,— перейдя на серьезный

гон, сказал Казанцев,— а вот комдив говорил, что немцы в Белгороде...

Сразу исчезли улыбки с лиц бойцов. Стало тихо.

— Значит, опять ползут гады?

— Скоро Второй фронт откроется,— прервал паузу молодой боец Султанов,— тогда они не будут знать, каким боком поворачиваться.

— Обязательно,— с ухмылкой поддержал Васильев,— может быть, даже сегодня, если командир взвода разрешит.

На усталых лицах многих отразилась улыбка: солдаты «вторым фронтом» называли американские консервы, которые сейчас лежали в вещевых мешках как ИЗ.

— Командиров взводов к командирам рот! — послышалась команда.

Лейтенант Гусев моментально вскочил, побежал вперед. Вернувшись, объявил, что батальон получил приказ занять оборону.

— Рыть окопы, строго соблюдать маскировку, завтрак доставят на передовую,— скомандовал Андрей Гусев.

— Вот тебе и дневка. Никакой заботы о бойцах,— заворчал кто-то.

— Зачем окапываться, скоро ведь вперед,— поддержал его другой голос.

— Эй, что вы там бубните,— недовольно прервал их Казанцев.— «Забота, забота...» Еще пороха не нюхали, поэтому и не знаете что к чему. Командир велит окопаться потому, что ему жаль твою же башку, которую гитлеровец пока не снял.

Подразделения двинулись на отведенные им рубежи. В руках у солдат появились лопаты, и по всему фронту от хутора Ерика до деревни Черная Поляна, севернее Белгорода, замелькала свежая, смешанная со снегом, мокрая земля.

...На высоте, недалеко от Обоянского шоссе, появился командир дивизии, едущий верхом с правого фланга.

— Ну, как на левом? — спросил он.

— Полк вышел на указанный рубеж,— доложил я и сказал о своем беспокойстве за судьбы жителей Черной Поляны и Шопино: — Если здесь прием бой, то фашисты не пощадят эти деревни,

будут напрасные жертвы. Жалко детей и женщин, что-то надо предпринять.

— Может, известить жителей о предстоящем бое?

— Да, об этом надо подумать,— согласился со мной Петр Дмитриевич.

Еще стояла тишина, когда мы с Говоруненко ехали вдоль фронта. Начал рассеиваться туман, и сквозь просветы в облаках пробивались первые лучи солнца. Пробуждалась весна. С гребня высоты внизу, в долине, виднелись по обоим берегам Липового Донца то прячущиеся в долине, то избегающие на пригорки длинные ряды белых хат.

С самой вершины высоты мы видели Белгород, где сейчас притаился враг. Левее железной дороги Белгород — Курск деревня Черная Поляна, наш левый фланг, справа от деревни — роща. За рощей в глубокой дымке виднелись купола белгородских церквей. На том берегу Северного Донца с юга на север тянулся старый город. По данным разведки, там фашисты. И оттого старый город казался черным, холодным и чужим.

Едва полки вышли к своим районам и бойцы успели отрыть окопы, из которых можно было стрелять только лежа, высланная вперед разведка сообщила: замечено движение немцев в районе Белгорода. Раздались команды на позициях батальона:

— Замаскировать окопы, приготовиться к бою! Мерзлая земля на дне сырых окопов заставляла разгоряченных работой солдат ежиться.

— Фашисты! — слышался голос наблюдателя.

— Не стрелять! — передавали солдаты друг другу приказ командира. — Подпустить поближе, огонь по сигналу.

На возвышенности, у опушки, где держал оборону взвод лейтенанта Гусева, все замерло. Тишина прерывалась только шелканьем затворов винтовок и пулеметов. Вскоре и этот звук замер. Бойцы ничем не выдавали своего присутствия. Тишина давила тревожным ожиданием. Даже жаворонок, который высоко над головами солдат только что напевал свою веселую песенку, вдруг замолчал.

словно тоже приготовился с солдатами к смертному бою.

Лейтенант Гусев лежал рядом с Казанцевым и, приставив к глазам полевой бинокль, следил за приближающимися гитлеровцами. Казанцев позабывал хладнокровию своего командира, хоть и считал себя бывалым солдатом.

Фашисты почти рядом — 350—300 метров... Бойцы готовы стрелять, но нет сигнала. Расстояние между гитлеровцами и взводом с каждой минутой сокращалось.

— Разрешите, товарищ командир, — шепчет пулеметчик.

— Спокойно, спокойно, Иван Васильевич. Еще чуть-чуть.

Плотная фигура Казанцева слилась с пулеметом, пальцы — на гашетке. Ему казалось, что он слышит, как хлюпает под ногами гитлеровцев талая вода, чавкает грязь.

— Огонь! — подал команду лейтенант.

Длинная очередь пулемета Казанцева раздалась вместе с командой, как сигнал. Ударили автоматы, винтовки, их выстрелы слились с дробным стуком ручных и станковых пулеметов.

Гитлеровцы бросались из стороны в сторону, но их косил огонь. Они залегли, потом отползли к ложине.

Первая атака отбита...

Еще строчили пулеметы, рвались мины и снаряды, а бойцы взвода снабжения стрелкового батальона со своим командиром Калугиным подползли к передовой. Вскоре уже позвякивали котелки, стучали ложки, раздатчик ловко орудовал черпаком. Над термосами вился душистый пар борща.

Люди ели торопливо: враг мог возобновить атаку. И он действительно не заставил себя долго ждать. Еще не опустели котелки, а гитлеровцы уже обрушили на оборону дивизии орудийный огонь. После артиллерийской подготовки вражеская пехота, на этот раз поддержанная танками, перешла в наступление. Фашисты яростно устремились вперед. Земля содрогалась от разрывов снарядов.

Четко действовали наши артиллеристы. От огня дивизиона капитана Александра Белова один из

вражеских танков загорелся, не дойдя до переднего края обороны стрелкового батальона капитана Григория Покатаева, другой подбила батарея капитана Николая Ковтуна. Третий задымился перед обороной взвода противотанковых ружей лейтенанта Алексея Наумова.

Но танки и автоматчики, ведя бешеный огонь по нашим позициям, приближались к переднему краю обороны стрелковых батальонов. Окопы стал доставать огонь фашистских автоматчиков. Несколько танков, стреляя на ходу с коротких остановок, подходили к линии окопов стрелковой роты старшего лейтенанта Волкова. Не отставая от танков, оперев автоматы в животы и беспорядочно стреляя, шли за ними автоматчики.

Станковые пулеметы роты бывшего электрика Ревдинского метизно-металлургического завода Константина Краснова поливали свинцовым дождем вражеских автоматчиков, отсекая их от танков.

Вражеская пехота залегла, но танки прошли над окопами воинов Волкова. Некоторые молодые красноармейцы из пополнения, не сумев преодолеть страха, выскочили из окопов и бросились назад. Их скосил огонь вражеских танковых пулеметов. Но из ячеек бывалых солдат — их было в роте большинство — полетели гранаты и бутылки с горючей смесью. Один танк загорелся, другой завертелся на месте с подорванной гусеницей.

Парторг роты Петр Чупров, зажав в обеих руках противотанковые гранаты, выбрался из своего окопа. Под свист пуль и разрывы снарядов он быстро пополз к танку, который шел прямо на пулемет Казанцева. Нашел удобное место для броска, приподнялся и метнул одну за другой две гранаты. И тут что-то сильно обожгло плечо парторга. Танк остановился, из него вырвался огромный столб дыма. Но последняя вражеская очередь ранила и Казанцева. Пулемет его умолк, фашисты поднялись в рост. Они бежали прямо на пулемет, считая, что успех обеспечен.

— Ах вы... — ругнулся Чупров. Плечо у него горело, малейшее движение вызывало острую боль. А пулемет Казанцева продолжал молчать. Собрав все силы, парторг пополз к нему. Фашисты были

уже в 60—70 метрах от пулемета, когда Чупров дал очередь. Он бил метко. Гитлеровцы падали.

Неподалеку от него сильными взмахами швырял одну за другой «лимонки» и бил из автомата друг Чупрова сержант Аркадий Коношинский.

Заместитель командира пулеметной роты лейтенант Павел Золотухин, заменив раненого пулеметчика, непрерывно строчил из станкового пулемета. В самый напряженный момент на правом фланге заговорил пулемет братьев Ружевых.

Серо-зеленая масса рассеялась по ложине, гитлеровцы то поднимались, то ложились, но вперед не шли: их прижимали к земле пулеметы и автоматы. В гущу врага непрерывно рвались мины, посылаемые минометчиками взвода Анатолия Зайцева.

Справа грянуло многоголосое «Ура!». Это в контратаку пошел батальон Григория Покатаева. Фашисты не выдержали удара, отстреливаясь, стали отходить.

До самого вечера 19 марта гремела автоматная и пулеметная стрельба, ухали разрывы снарядов и мин, ревели танковые моторы. Но все попытки врага прорваться через оборону дивизии потерпели неудачу. Фашисты понесли большой урон и отошли к Белгороду. Нелегко досталась и нам эта победа. Многих недосчитались командиры.

На землю опустилась ночь. Командир 1243-го стрелкового полка подполковник Василий Фролов докладывал командиру дивизии, что враг остановлен. На поле битвы пять подбитых танков и более двухсот вражеских трупов.

Василий Максимович приказал начальнику штаба составить схему для круговой обороны полка.

Так в туманной дымке в марте 1943 года рождалось первое для Уральской дивизии утро на южном фланге так называемой Курской дуги.

Подземный город

Вот и май — месяц чудесного цветения земли. Тихо и ласково шелестят густые листья деревьев. Лучи яркого солнца согревают землю. С дуга.

что за хутором Ерик, ветер приносит запах зеленой травы и полевых цветов. Где-то весело звенят трели жаворонка. Кругом все наполнено жаждой жизни.

Но весеннее дыхание природы, ее спокойствие не рассеивали тревогу в душе комбата Покатаева. В этой установившейся на фронте тишине даже зуммер телефона кажется ревом сирены.

Комбат по очереди поговорил с командирами рот. Все было в порядке — создавалась противотанковая и противопехотная оборона. Люди, пулеметы, пушки, кухни и повозки — все это погрузилось в землю, все исчезло из глаз.

Но так все выглядело только на поверхности, а в земле билась жизнь, там-то и шла подготовка сокрушительного удара по ненавистному врагу.

День и ночь люди рыли траншеи со стрелковыми ячейками, противотанковые рвы, эскарпы, тянули проволочные заграждения, ставили минные поля.

С каждым днем расширялся подземный город со своими дзотами, блиндажами, землянками, связанными между собой ходами сообщения.

Как будто комбату не о чем было беспокоиться, но его одолевала тревога за стык с правым соседом — с батальоном старшего лейтенанта Анатолия Павловича Игнатенко, который занимал оборону у разграничительной линии между нашей и 52-й гвардейской стрелковой дивизией. Покатаев хорошо знал тактику врага — наносить удары по стыкам. Хотя Григорий Иванович поставил туда орудия, взвод станковых пулеметов, более сотни противотанковых, противопехотных мин и там имелись противотанковый ров, проволока в два кола, но при наличии у врага танков с противоминным оборудованием, достаточного количества саперов обезвредить мины и сделать проходы в проволочном заграждении не так уж трудно. «Обороняемый батальоном участок — автомагистраль — уж очень важен, — размышлял капитан, — и враг не оставит его в покое». В мыслях комбат один за другим «прокручивал» варианты действий своего батальона в случае удара противника на стыке, но все они привели его к одному решению:

просить у командира полка для обеспечения стыка еще одну батарею.

Батальон Покатаева должен был не допустить прорыва танков и пехоты вдоль автомагистрали Белгород — Обоянь и во взаимодействии с другими батальонами полка и с поддерживающими подразделениями уничтожить пехоту и танки на подступах к обороне.

Комбат надел каску, проверил свой пистолет, вышел из блиндажа и быстро пошел на передний край обороны батальона. Он на ходу отдавал распоряжения, в двух-трех словах объяснял что к чему. Все его понимали, как говорится, с полуслова. Узкий, извилистый, словно кривые улицы старого Белгорода, замаскированный сверху ход сообщения привел комбата к дзоту, построенному на скате безымянной высоты севернее хутора Ерик для кинжального и фланкирующего огня. Из амбразур дзота хорошо просматривалась лежащая впереди местность вдоль автомагистрали Белгород — Обоянь.

Комбат подошел к амбразуре и внимательно, через прицел пулемета, посмотрел сначала прямо, потом налево и направо. Там — не раз виденные и перевиденные за два месяца обороны на этом участке шоссе, сарай у дороги, ярко-зеленая молодая роща за рекой. Там — боевое охранение батальона. Вокруг тихо, только нет-нет да вспорхнут недалеко от дзота птицы.

Капитан задумался. В его памяти ожили летние дни, проведенные вместе с женой накануне войны. Они бродили по таким же усыпанным цветами полям, слушали пение птиц, составляли планы на будущее, ожидая своего первенца.

— Вот тебе и птицы, — сказал он вслух.

— Что, товарищ комбат? — спросил удивленный пулеметчик.

— Ничего, я так.

Капитан оборвал воспоминания и, повернувшись к пулеметчикам, сказал:

— Вот сейчас хорошо видно не только шоссе и Ерик, но даже и Заготскот, а то совсем обросли бурьяном...

— Бурьян у нас, товарищ капитан, был для

маскировки,— сказал командир пулеметного расчета Леонов.

Покатаев улыбнулся, довольный смекалистым сержантом. Он проверил, как расчет знает ориентиры, поинтересовался организацией взаимозаменяемости, наличием индивидуальных пакетов, запасом патронов. Потом спросил, довольны ли они качеством пищи, получают ли из дома письма, ежедневно ли им приносят газеты.

— Смотрите в оба, гитлеровцы вот-вот перейдут в наступление, будьте готовы их встретить.

— Не беспокойтесь, товарищ комбат, здесь фашисты не пройдут. Умрем, но не пропустим через нашу оборону,— заверил сержант Леонов.

— Зачем умирать, нас дома ждут. Надо живыми не пропустить врага. Пулемет отлично работает в руках живого, смелого человека.

— Оно, конечно, так,— согласился сержант.

— Может быть, они начнут наступать, как собирались — 10 мая? — спросил пулеметчик Иванов.

— Все возможно, нам всегда надо быть начеку. Фашисты все равно перейдут в наступление, это уж обязательно. Не для парада же они подтягивают сюда крупные танковые и пехотные силы.

— Товарищ комбат, а почему мы не переходим в наступление?

— Видно, время не настало. Нужно сначала их поколотить, обескровить в оборонительном бою, а потом добить в наступательном.

— Выходит, готовим оборону для наступления? — допытывался пулеметчик.

Такой вопрос возникал не только у солдат, но и у нас, офицеров. Хотя мы в какой-то степени догадывались, почему, имея такие крупные силы в этом районе, перешли к прочной обороне, но плана Ставки Верховного Главнокомандования мы не знали. Известно было лишь одно: бои предстоят тяжелые, силы врага велики. Надо готовиться к трудной борьбе. Наши пушки и танки, конечно, главная сила в борьбе с вражескими танками, но в бою под удар фашистских машин может попасть любой воин.

— Вот что,— сказал комбат.— Хорошо запомните уязвимые места «тигра». — Он вытащил из кармана дивизионную газету «На защиту Родины»,

где был нарисован танк с указанием, куда лучше бить, и передал ее пулеметчикам.

Вскоре капитан, попросившись с бойцами, ушел к артиллеристам. После ухода Покатаева бойцы разговорились о командире.

— Вот это комбат! Душа человек. С таким не пропадешь, с ним ничего не страшно. Я его знаю еще по боям под Москвой,— сказал сержант.

— Душа у него добрая.

— Доброта его строгая, он никому спуска не дает,— вставил Уткин.

— Душа добрая, а рука твердая,— немного помолчав, добавил Леонов.— Иначе нельзя.

— Нужно еще немного углубить траншею и увеличить «лисью нору»,— прервал разговор старший сержант.

Капитан побывал еще во взводе лейтенанта Гусева, на артиллерийских позициях батареи старшего лейтенанта Николаева и капитана Ковтуна. Еще и еще раз он придирчиво проверял готовность людей к отражению вражеских ударов. Советовал командирам, как лучше сочетать работу по усовершенствованию оборонительных сооружений с учебкой личного состава, еще и еще раз рассказывал бойцам, как лучше бороться с «тиграми».

— Легкие и средние танки мы умеем бить, а что, если на нас пойдут «тигры» и «пантеры»? — спрашивал комбат.

Бывалый воин Худайбердиев, на счету которого имелось два подожженных танка, в шутку ответил:

— Они гореть будут дольше, чем средние.

Все засмеялись. Беседу комбата прервал нарастающий гул появившегося на большой высоте «костыля» — фашистского самолета-разведчика.

— Повадился, проклятый,— со злобой проговорил командир взвода противотанковых пушек лейтенант Путинцев.— В день по нескольку раз летает. Вынюхивает.

То тут, то там гремели винтовочные выстрелы. резко захлопали противотанковые ружья. Где-то недалеко часто била зенитная пушка.

— Теперь жди, скоро пролетит стая «музыкантов».

Со стороны Ячнева Колодезя то и дело стали раздаваться орудийные выстрелы врага. Снаряды рвались в районе деревни Беломестной на участке обороны 1241-го стрелкового полка.

— Фашисты что-то замышляют,— сказал комбат и подал команду: «По местам!», а сам быстро направился на свой наблюдательный пункт.

Перед решающими сражениями

В период подготовки к решающим боям на Курской дуге Центральный Комитет нашей партии принял ряд решений по совершенствованию структуры политаппарата, партийных и комсомольских организаций в Красной Армии. Эти решения в основном сводились к следующему: должность заместителя командира соединения по политчасти объединялась с должностью начальника политотдела; упразднялись заместители командиров рот и батарей по политчасти; вводился институт назначаемых партторгов и комсorghов в ротах, батальонах и полках; создавались первичные партийные и комсомольские организации в батальонах и дивизионах; полковое бюро приравнивалось в правах к партийному комитету.

Новая структура с первых дней своего существования показала, что она более гибка и оперативна в решении задач, стоявших тогда перед Красной Армией.

В результате проведенной перестройки у нас в дивизии образовались 82 первичные партийные и комсомольские организации, а количество ротных и им равных организаций до начала боев достигло 195¹. Заметно активизировалась работа ротных и батарейных организаций. Коммунисты и комсомольцы чувствовали больше ответственности за состояние своих подразделений и частей. Они оказали большую помощь командирам в решении боевых задач.

Широко развернувшаяся после реорганизации

¹ См.: Архив МО СССР, ф. ПО—69А, д. 17, оп. 10761, л. 17.

партийно-политическая работа в дивизии способствовала повышению стойкости частей и подразделений в обороне.

Практика подтвердила разумность новой структуры. Забегая вперед, приведу из сотни примеров один. За пять дней (2—6 августа) во время боев за Белгород в 1241-м стрелковом полку было принято в партию 84 человека, в 932-м артиллерийском полку—78, почти по столько же—в других полках¹. Разве при старой структуре, во время наступательного боя, возможно было рассмотреть такое количество заявлений о приеме в партию? Конечно, нет.

Новая структура позволяла быстро заменять выбывших из строя парторгов и комсоров, работа шла беспрерывно.

Перед бурей

Неторопливо разгорался спокойный рассвет на Курской дуге. Медленно выплывал огромный огненный шар солнца. Вокруг царила необычная для фронта тишина. Даже листва деревьев не колыхалась.

Пулеметчики, стрелки, пэтээровцы замерли на своих боевых позициях. Артиллеристы и минометчики ждали только команды «Огонь!». Все приготовились встретить врага. Ни на секунду не отходя от своих наблюдательных пунктов, не отрывая от глаз биноклей, напряженно всматривались в сторону врага командиры всех степеней.

— Ах, какое сегодня на редкость хорошее утро,— сказал сержант Шишкин.

— Да, прямо благодать. Тишина, как будто война кончилась,— поддержал его солдат Борисов.

С этой позиции хорошо просматривался наш передний край, высоты, уходящие к Белгороду, на которых чуть виднелись извилистые нити ходов сообщения врага. Яркие утренние лучи солнца словно специально для нас освещали вражеские позиции, чтобы их хорошо видели наши наблюдатели.

¹ См.: Архив МО СССР, ф. ПО—69А, д. 17, оп. 10761, л. 23.

Сержант, внимательно рассматривая расположение противника, произнес:

— Вымерли, что ли, гитлеровцы? Никакого призна жизни. А ведь каждое утро в это время, точно по расписанию, огонь открывали. Вторые сутки молчат.

— Они усыпляют нашу бдительность, товарищ сержант.

— Думаешь, хитрят?

— Так точно, а что же другое?

— Мы тоже не лыком шиты, трудновато хитрить с хитрым...

Солнце поднималось все выше и выше. Наступил жаркий четвертый июльский день. Проходил час за часом, вокруг по-прежнему стояла безмятежная тишина. Такая тишина, что слышно, как травинки шуршат под ветром. Даже наши радисты, которые до боли в ушах вслушивались в безмолвный эфир, ничего не могли услышать подозрительного.

Но тишина была обманчивой. Мы хорошо знали, что враг, как хищник, затаился для прыжка.

О том, что гитлеровские войска перейдут в наступление 3—6 июля, нас предупредил штаб шестой гвардейской армии в ночь на 3 июля. Позже мы узнали, что вышестоящему командованию почти точно было известно, какими силами, средствами и где фашисты начнут наносить удары. Исходя из этого были детально продуманы и подготовлены ответные удары по наступающим вражеским войскам.

В дополнение к тому, что мы уже знали о противнике и его планах, ценные сведения были получены от ефрейтора разведотряда 168-й пехотной дивизии немцев, перебежавшего к нам на рассвете 4 июля. Перебежчик показал, что наступление гитлеровцев начнется с 4 на 5 июля. «Теперь, когда я точно узнал о готовящемся наступлении немецкой армии, — говорил ефрейтор, — решил, что это удобное время, чтобы предупредить Красную Армию и тем самым доказать, что я искренен. Хотел перейти еще раньше, но переход в другое время вызвал бы по отношению ко мне подозрение...

Ночью, со 2 на 3 июля, — продолжал перебежчик, — саперы танковой дивизии СС «Мертвая го-

лова» всю ночь разминировали минные поля... В Белгороде выгружались прибывшие из Харькова пехотные части, пушки и шестиствольные минометы...»¹.

Показание перебежчика еще раз подтвердило известный уже день наступления гитлеровцев...

...Сержант, не отводя глаз, все смотрел вперед. От напряжения рябило в глазах. Томительно тянулось время. С наших передовых позиций, давно уже накормив обедом личный состав, отъехали последние походные кухни. Время подходило к 16 часам. Редкие облака, бросая тени на землю, плыли на запад. Ничем и никем не нарушаемая тишина все еще сковывала всю изрытую, густо заполненную людьми и военной техникой полосу оборонной дивизии, от Гремучей до Черной Поляны.

Вдруг ухо сержанта поймало глухой, нарастающий гул моторов с направления Белгорода. Шишкин, насторожась, прислушался.

Хотя ни в воздухе, ни на земле ничего не было видно, но Алексей всем своим существом почувствовал, понял: идут вражеские самолеты. Он поднес бинокль к глазам, хотел убедиться, но этого уже не требовалось. Тревожные сигналы «Воздух!», «Воздух!», идущие с передовых наблюдательных пунктов, прокатились по траншеям и по огневым позициям артиллерии.

— Воздух! — подал команду сержант и своему расчету.

Самолетов еще не было видно, но по гулу моторов бывалые воины определили, что это не «костыль», не отдельная группа самолетов, а что-то новое, до сих пор небывалое.

— Начинается, товарищ сержант!

— Не отвлекаться, — оборвал наблюдателя Шишкин и скомандовал:

— Расчет, в укрытие!

— Ах, мать честная, сколько их!

— Десять... двадцать... — подсчитывал солдат.

— Да вон еще стая, более тридцати подходят к Яхонтову, — добавил другой. А на горизонте по-

¹ Архив МО СССР, ф. 6 Гв. А, д. 250, оп. 5113, л. 6.

казалось еще множество черных точек: вторая волна самолетов.

Такого количества вражеских самолетов, одновременно идущих на бомбежку, сержант еще никогда не видел. Эти черные стаи как будто своими крыльями со свастикой хотели закрыть солнце. Они шли двумя ярусами. Наверху, как коршуны, кружились несколько десятков «мессеров». Чуть пониже с тяжелым бомбовым грузом шли «юнкерсы».

Дружно открыли огонь наши зенитки. Небо испятнали белые шапки разрывов. Навстречу вражеским самолетам кинулись наши истребители. Завязался ожесточенный воздушный бой. Передний «юнкерс», не доходя до главной полосы нашей обороны, накренился, повернул вправо и резко пошел вниз. За ним, ревя моторами, вытянулись в цепочку, заходя в хвост друг другу, другие самолеты и выстроились в круг. Это было знакомое нам построение гитлеровцев для бомбежки.

— Что же наши медлят? — с беспокойством произнес сержант. — Сейчас же они сбросят бомбы.

Тот же боец, что подсчитывал самолеты, увидев, что один бомбардировщик, не успев встать в круг, густо задымил и стал падать, громко выкрикнул:

— Во, так его!..

Прижавшись к стенке траншеи, бойцы смотрели вверх, стараясь увидеть воздушный бой и определить, куда же пойдут бомбардировщики для нанесения удара.

Несколько наших истребителей через преграду «мессеров» прорвались к «юнкерсам». Бомбардировщик, который был в центре круга, вспыхнул и пошел вниз, вскоре задымил другой... Но остальные перешли в пике и начали сбрасывать бомбы на позиции нашего боевого охранения.

Капитан Покатаев напряженно наблюдал за стремительно идущим в пике головным бомбардировщиком.

Столбы земли взлетели вверх, поднятые взрывами бомб. За головным «юнкерсом» последовали другие. Вскоре позиция боевого охранения батальона, что южнее хутора Ерика, потонула в густой пыли и дыме. Оборвалась связь с боевым охранением.

нием. Покатаев в общем грохоте, по еле уловимым признакам, старался определить, какие потери несет сейчас боевое охранение. Комбат хорошо знал, что траншея и узкие щели с нишами надежно укрывают воинов от осколков, а вероятность прямого попадания в узкую щель не так велика, но когда он смотрел на беспрерывно падающие бомбы, на маленький участок обороны, его сердце разрывала мысль: «Неужели всех?» Он старался отогнать от себя эту мысль, но она возвращалась вновь с каждым новым заходом вражеских бомбардировщиков.

Комбат почти физически ощущал падающие бомбы, но он был бессилён помочь бойцам боевого охранения. Перед капитаном находился не тот враг, которого мог бы он уничтожить штыком и гранатой, как это делал под Ржевом, когда стрелковый взвод его роты попал в окружение. Григорий Иванович тогда с группой бойцов бросился на выручку. В рукопашной схватке его группа уничтожила врага, помогла воинам, попавшим в тяжелое положение.

Еще не скрылись за горизонт вражеские самолеты, как открыли сильный огонь артиллерия и минометы противника. Вновь взрывы начали кромсать землю. Но дыма и пыли сейчас было меньше, чем при бомбежке. Комбат мог видеть позицию боевого охранения, правый и левый фланги своего батальона. Недавно зеленое, усыпанное цветами поле было теперь черное.

Командир дивизии Говоруненко со своего передового наблюдательного пункта хорошо видел, как под прикрытием артиллерийского огня шли вражеские танки. Он приказал подполковнику Азарову дать заградительный огонь на пути движения танков. Сам сосредоточенно смотрел на оперативную карту, расстеленную перед ним.

Комдив старался предугадать маршрут танков, определить, куда они нанесут удар. Вскоре над блиндажом комдива с воем пролетели снаряды. Дым и огонь окутали фашистские танки.

Лейтенант Гусев, наблюдавший за продвижением танков, на какое-то время потерял их из виду.

Но вскоре танки прорвались сквозь заградительный огонь и направились прямо на позиции боевого охранения. Эти громадины с длинными стволами шли медленно, но лейтенанту казалось, что они идут с невероятной скоростью. Их снаряды, пущенные с коротких остановок, поднимали землю то впереди, то позади траншеи, где находился лейтенант.

Андрей Гусев пытался определить, сколько же пройдет времени, пока танки подойдут к его траншее. Но тут из-за бугра, правее автомагистрали, показалось еще несколько танков с десантом автоматчиков. От мысли, что вся эта лавина танков через несколько минут будет здесь, в груди лейтенанта на мгновение шевельнулось чувство страха. «А ведь они раздавят всех...» Он все больше и больше терялся, им овладела неуверенность. «Что делать? Какую команду подать?» Андрей не находил нужных слов, верного решения. Он побледнел. Если бы артиллерист старший лейтенант Александр Циркин, для которого сейчас, кроме идущих на них танков, ничего не существовало, посмотрел на лейтенанта, то сразу бы заметил, как мелкая дрожь бьет его плечи.

Гусев быстро опомнился. «Хорош командир, — упрекнул он себя, — как заяц дрожишь». Стыдясь минутной слабости, он украдкой глянул на старшего лейтенанта Циркина и, убедившись, что тот на него не обращает внимания, немного успокоился. Стараясь подавить дрожь в своем теле, лейтенант напряженно, с надеждой смотрел на узкую полоску земли впереди позиции боевого охранения.

— Только бы взорвались, сработали! — шептал он про себя. Вдруг лейтенант вспомнил, что он еще не подал команду боевому охранению.

— Гранаты, бутылки — к бою! — прокричал он что было сил. Его голос срывался. По лицу стекали капли пота. Громкий голос и мысль, что найдено нужное решение, вернули Гусеву уверенность. Когда осталось несколько сот метров до боевого охранения, танки резко увеличили скорость.

Младший сержант Андрей Трегубов, увидев в просвете амбразуры, как из ложины грузно выползли танки с десантом, воскликнул:

— Вот они, проклятые!

Он впился плечом в ложе пулемета и нажал на спусковой крючок. Длинная очередь, словно сильный ветер, сдула с переднего танка автоматчиков. Трегубов прицелился и дал очередь по второй группе десантников. Недалеко от Трегубова сотрясался пулемет младшего сержанта Казанцева, недавно вернувшегося из госпиталя. Танки, дойдя до минного поля, с ходу наскочили на мины, из-под гусениц переднего вырвалось пламя.

Другие машины, как по команде, разом замедлили ход. Только этого ждал старший лейтенант Циркин. Он крикнул в трубку телефона:

— Огонь!

Ударила одна, потом другая, третья замаскированные пушки прямой наводки. Сразу вспыхнуло два костра, а потом еще.

Десантники в зелено-коричневых маскировочных халатах рассыпались по обгорелой земле. Их косил огонь наших пулеметов. Не решаясь идти вперед без танков, они залегли перед минным полем. По танкам торопливо били и били бронбойщики взвода лейтенанта Алексея Наумова.

— Товарищ капитан, на проводе боевое охранение! — возбужденным голосом крикнул телефонист. Покатаев не глядя протянул руку и быстро взял трубку.

— Почему молчал, как там у тебя?

— Прямое попадание на линию, — торопливо говорил на другом конце провода лейтенант Гусев. — Атакуют десять танков с десантом автоматчиков, поддержите огоньком.

— Вижу... Поддержим... Держись крепко... Не вздумай отходить, пока такой необходимости нет. Будь жив, дорогой!

Спокойный, дружеский голос комбата прибавил лейтенанту уверенности.

— Герман Яковлевич, дружище, помогите Гусеву... — комбат снова прильнул к стереотрубе.

— По фашистским танкам — беглым! — кричал в трубку командир дивизиона Мальшаков.

Покатаев увидел: между танками рвались снаряды. Один танк стал кружиться на месте: сна-

ряд попал в гусеницу. Другой вспыхнул, и по ветру потянулся черный дым.

— Хорошо,— одобрил комбат артиллеристов.

В его черных блестящих глазах появились искорки радости — молодцы, так и надо...

Вражеская артиллерия с ожесточением била по боевому охранению. Сильный огонь вели и танки. Появились раненые и убитые. Первый номер пулемета Андрей Петрович Трегубов был ранен в ногу, но он не покинул поле боя, после перевязки продолжал бить по фашистам, которые подползали к траншее боевого охранения. В этот критический момент боя пулемет, который бил чуть правее лейтенанта Гусева, замолчал.

— Что случилось, почему не стреляешь? — крикнул лейтенант.

Потом бросился туда. Голова пулеметчика уткнулась в землю, струйка крови стекала со лба. Гусев быстро лег за пулемет, сам открыл огонь по приближающимся фашистам. Гитлеровцы не выдержали, залегли. Тогда Гусев передал пулемет своему ординарцу, а сам, переходя от бойца к бойцу по траншее, громко подавал команды, чтобы его увидели и услышали подчиненные. Лейтенант хорошо понимал, что присутствие командира в бою среди солдат всегда придает больше уверенности, их сила как бы удваивается.

— Ну, братцы... держитесь... молодцы!.. — подбадривал он солдат, стреляя из автомата по гитлеровцам.

Многие раненые, увидев своего командира рядом, преодолевая боль, взялись за автоматы и стали бить по наступающему врагу. Танки подошли уже совсем близко. Ведя огонь из пушек и пулеметов, они приближались к окопам боевого охранения.

Лейтенант Гусев выглянул за бруствер, и у него екнуло сердце: танк шел прямо на траншею. За ним, стреляя из автоматов, бежали гитлеровцы. Танк и фашисты казались неуязвимыми, будто заколдованные, проходили они сквозь разрывы снарядов и мин. Лейтенант, приложившись к автомату, одну за другой дал несколько очередей по

врагу. Танк все шел вперед. Гусев приказал пулеметчику стрелять по смотровым щелям танка.

— Гранаты к бою! — громко скомандовал лейтенант. Кто-то швырнул гранату. Она упала, не долетев до танка.

— Не торопиться, зря гранаты не бросать! — кричал Гусев. Он взял две противотанковые гранаты, притаился, потом швырнул их. Полетели еще десятки гранат, брошенные солдатами. С правого фланга по танку били несколько противотанковых ружей. Вдруг танк резко повернулся и стал кружиться на месте.

— Бейте, пока он крутится! — кричал Гусев. Бутылка с горючей жидкостью, брошенная Казанцевым, подожгла его.

Другие танки, не сумев преодолеть минное поле и огонь нашей артиллерии, отстреливаясь, медленно поползли назад.

Атака немцев захлебнулась. Перед позицией боевого охранения батальона Покатаева чадил два догорающих танка со свастикой на башне, один стоял на минном поле с опущенной пушкой. У траншеи тоже горел «костер». Тут и там валялись трупы фашистских вояк.

Полковник Говоруненко синим карандашом делал пометки на карте, уточнял подробности боя. Военный опыт научил полковника, что в таких условиях не нужно торопиться, делать поспешные выводы. Он по мельчайшим признакам боя пытался уловить главное в действиях противника, чтобы принять верное решение и на удар врага ответить двойным ударом.

— Вы предполагаете, что немцы подтягивают главные силы к исходным позициям для атаки? — спросил подполковник Азаров.

— А как думает «бог войны»? — на вопрос ответил вопросом комдив.

Телефонный зуммер прервал разговор. Комдив взял трубку. Докладывал командир полка Фролов:

— Атаку пока не возобновляют, но слышен шум моторов.

В это время в блиндаж вошел начальник штаба дивизии подполковник Ложко.

— Что нового, Константин Михайлович, как дела у правого соседа? — обратился к нему командир.

— Танки и пехота атаквали боевое охранение 52-й гвардейской стрелковой дивизии, но, не добившись успеха, прекратили атаки, — докладывал начальник штаба. — А вот на участке 67-й гвардейской стрелковой дивизии дело похуже. Гитлеровцы сбили боевое охранение, вплотную подошли к переднему краю обороны дивизии, сейчас ведут огневой бой. У нашего левого соседа пока все спокойно...

Офицеры политотдела были в сборе. Инструктор Ахмедзянов рассказывал какую-то забавную историю. Все делали вид, что они увлечены рассказом Мухамеда Ахтомьяновича. На самом деле это была только попытка скрыть за веселым рассказом свое волнение. Они сейчас думали совсем о другом — о предстоящем бое. Ведь не только офицеры политотдела, но и каждый солдат знал, что против нас враг сосредоточил огромную силу. Было известно, что только в районе Белгорода противник имеет одну мото-, около десяти танковых и семь пехотных дивизий. Непосредственно против нас находилась танковая дивизия «Мертвая голова» и 168-я пехотная дивизия, чуть западнее от них — «Адольф Гитлер».

Эти эсэсовские дивизии формировались из самых отъявленных головорезов и вооружались лучшей техникой, какая имелаась в фашистской армии. Гитлер бросал их всегда на главные направления. На рассвете нам предстояло встретиться с ними. Поэтому волнение офицеров политотдела было закономерным, и, как ни старались они скрыть его, это не совсем удавалось.

Каждого из них я знал очень хорошо. Ведь они были не просто моими подчиненными, но и самыми близкими друзьями, товарищами. Дружба эта была не один раз проверена за годы войны в сражениях и скреплена кровью. Конечно, волнуются, как же не волноваться — сегодня за какие-то три-

четыре часа боя дивизия потеряла более пятидесяти человек.

...За столом — Василий Федорович Опарин, ответственный секретарь дивизионной партийной комиссии. По годам, пожалуй, многим годится в отцы. Он сейчас готовит дела по приему в партию на заседание, которое должно было проводиться в стрелковом батальоне 45-го полка. На крупном лице секретаря, со светлыми, немного усталыми глазами, почти никак не отражается веселый рассказ Ахмедзянова.

За годы войны почти все заседания партийной комиссии Василий Федорович проводил на передовых позициях, в окопе, блиндаже, а то просто в траншее. На этих заседаниях было обсуждено около девяти тысяч заявлений. Бывало, когда он представлял на утверждение решение партийной комиссии о приеме в ряды партии, то с увлечением рассказывал о подвигах каждого из вступавших.

Рядом с Опариным сидел инструктор по пропаганде, высокий, широкоплечий — косая сажень в плечах, с крупными чертами лица, Николай Алексеевич Котов. Это неторопливый и расчетливый в движениях, бесстрашный человек. Будучи пропагандистом 1241-го полка, он вместе с бойцами участвовал в освобождении от оккупантов сел Калининской области, бывал всегда там, где труднее, где опаснее, увлекая за собой воинов. В одном из боев под Ржевом Котова ранило, но из дивизии он не ушел. Вылечился в медсанбате, и его назначили инструктором политотдела дивизии. Николай Алексеевич, слушая рассказчика, своими репликами старался сделать рассказ более смешным.

Небольшого роста, круглолицый — сам сгусток энергии, — Исаак Маркович Рабинович, инструктор по работе среди войск и населения противника, слушая рассказ Ахмедзянова, весело смеялся. Сегодня у него «свободный» день, передачи для солдат врага не намечалось, но он был готов хоть сейчас идти на передовую.

Павел Фалалеевич Клименов, инструктор по учету партийно-комсомольских документов, не терял зря времени: заполнял партийные билеты, кото-

рые нам с ним предстояло сегодня ночью вручить в стрелковых батальонах 43-го полка.

Редактор дивизионной газеты «На защиту Родины» Степан Николаевич Бекарев, прежде чем дать мне на просмотр, еще раз читал только что набранную листовку о подвигах героев сегодняшнего боя: сотрудники газеты уже успели побывать на передовой.

Долго совещаться не было времени. До начала нашей артиллерийской контрподготовки мы должны были быть в частях. Быстро договорились, что надо делать в подразделениях, кто в какой полк пойдет, и разошлись. Едва успели дойти до передовой, как на позициях поддерживающих нашу дивизию артиллерийских частей взвились десятки ракет, и сразу же дрогнула земля. Открыли беглый огонь по противнику более ста орудий и установок гвардейских минометов, участвующих в общей армейской контрподготовке. На позициях врага, в районе Белгорода, бушевал огненный смерч.

— Вот это силища! Жаль, мало, только пять минут,— сказал кто-то.

— Ничего. Еще будет. Вот вам и подкрепления наших слов. А то говорим бойцу, что мы не одни, за нами сила. А он не видит ее. Вот теперь видно,— радуясь, добавил Дмитрий Алексеевич Петровский, агитатор полка.

В своих воспоминаниях командующий нашей армии генерал И. М. Чистяков отмечает: «Я считаю, что наша артиллерийская контрподготовка дала неплохой результат... Как нам рассказывали потом жители Томаровки, гитлеровцы всю ночь возили раненых и убитых...»¹

Мы еще раз проверили готовность подразделений к предстоящему бою: все ли сделано, все ли на своих местах. Говорили с солдатами, командирами, всю ночь провели в окопах, в боевых охранениях, беседовали с коммунистами и комсомольцами. Все ждали вражеское наступление, но ни у кого мы не заметили уныния. Просто люди были готовы к бою.

¹ Военно-исторический журнал, 1963, № 7, с. 65.

В четвертой стрелковой роте мы с Петровским застали конец беседы, которую проводил с солдатами командир роты старший лейтенант Владимир Антонович Волков:

— Наша задача — не пропускать врага, сойтись с ним грудь с грудью. Остановить, измотать его силы, обескровить и уничтожить перед передним краем обороны.

Парторг Чупров добавил:

— Может, нас ждет смерть. Но фашисты через оборону нашей роты не пройдут.

И в других подразделениях наблюдалась та же картина. Воины не спали. Разве заснешь перед таким боем, какой ждали? Каждому хочется поговорить друг с другом, написать письма родным, близким, может, в последний раз. Это же мы увидели и в блиндаже взвода комсомольца лейтенанта Погорелова. Возле лампы, сделанной из снарядной гильзы, солдаты писали письма, некоторые вполголоса разговаривали. После нашей беседы с теми, кто находился в блиндаже, командир взвода Погорелов подошел к члену партийного бюро полка капитану Петровскому и передал ему несколько сложенных вдвое листов бумаги.

— Что это, Павел Александрович? — спросил капитан.

— Заявление с просьбой принять меня в ряды большевистской партии, автобиография и рекомендации...

— Хорошо, как вернусь, передам секретарю партбюро полка.

Капитан открыл свою сумку, положил туда заявление, где уже лежали пятнадцать переданных ему за сегодняшний вечер. «Прошу принять меня в партию. Хочу идти в бой коммунистом». Эти слова мне, начальнику политотдела дивизии, были очень близки. Их ежедневно писали воины, желая навсегда связать свою судьбу с партией, передать партии Ленина свое сердце, всего себя. Много раз приходилось читать их на измятых, иногда облитых кровью клочках бумаги, взятых из карманов павших в сражениях воинов. Не всегда удавалось вовремя собрать коммунистов и рассмотреть поданные заявления. А иногда не успевали закончить

собрание или заседание бюро: на подразделение неожиданно напал враг. Тогда коммунисты, прервав собрание, бросались в бой. Бывало и так, что в бою погибал тот, чье заявление обсуждалось. Так случилось и с лейтенантом Погореловым. На рассвете начался тяжелый бой, а к концу дня уже не стало среди нас комсомольца Погорелова, пал в бою смертью храбрых. Рассматривая заявление без него, партийное бюро полка в постановлении написало: «Считать лейтенанта комсомольца Павла Александровича Погорелова коммунистом, так как он беззаветно, как коммунист, бился с врагом в бою».

За годы войны более десяти тысяч заявлений со словами «Прошу принять меня в партию...» были поданы в партийные организации частей и подразделений нашей дивизии. Воины хотели в битве нести у сердца партийный билет.

Прошло около сорока лет с тех пор, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны, но я до сих пор помню слова, прочитанные тогда во фронтовой газете:

Всегда вперед идти в бою открытом!
Мы поклялись сражаться до конца
Над партбилетом, пулею пробитым,
Что был в бою на сердце у бойца.

В эту ночь долго коптели фитили в снарядных гильзах в блиндажах воинов передней линии. Извилистая глубокая траншея вывела нас к позициям роты, которой командовал Виктор Иванович Катаев. В кругу бойцов стоял помощник начальника политотдела по комсомольской работе капитан Андриянов и вручал комсомольские билеты тем, кого приняли сегодня в комсомол. Он, пожимая руку каждому из них, говорил: «Поздравляю с получением комсомольского билета. Надеюсь, что в бою оправдаете высокое звание члена Ленинского комсомола».

— Оправдаю доверие, товарищ капитан!— следовали ответы.

Михаил Флегонтович Андриянов, до войны первый секретарь Нижнетагильского горкома комсомола, с началом войны прибыл в уральскую дивизию.

зию, и его избрали секретарем бюро комсомольской организации 1245-го стрелкового полка. С первого дня боевых действий полка Михаил всегда находился там, где требовался комсомольский огонек. Когда тяжело ранило командира стрелковой роты и некому было заменить его, он взял командование на себя. Вскоре Михаил тоже получил рану, но до конца боя не ушел, продолжал управлять ротой. В медсанбат отправился только тогда, когда назначили нового командира роты.

В июне сорок второго года, после того как по болезни из дивизии выбыл помощник начальника политотдела дивизии по комсомольской работе Петр Александрович Репьев, вместо него назначили Михаила Андриянова. Он мало бывал в политотделе, а больше находился в подразделениях, среди солдат, в окопах, блиндажах. Михаил учил комсорогов полков, батальонов, рот, как лучше помочь командирам подготовить личный состав к боям, помогал организовать прием молодых воинов в ряды Ленинского комсомола. Там же он заполнял членские билеты, вручал их вновь принятым прямо в окопах передовой линии или боевого охранения. Миша тяжело переживал, когда инструктор политотдела по учету партийно-комсомольских билетов капитан Павел Клименов показывал ему возвращенный в политотдел им же выданный, недавно пробитый пулей и обогранный кровью комсомольский билет с отметкой «убит».

...Возвращаясь из района хутора Ерик, мы зашли в роту автоматчиков, которой командовал старший лейтенант Павел Георгиевич Золотухин. Был час ночи. Кроме часовых и дежурных, все спали: кто в блиндаже, кто, обняв автомат, у блиндажа.

Петр Критенин, мой ординарец, улыбнулся, показывая на спящих, сказал:

— Спят, как чапаевцы...

Была еще свежа у всех нас в памяти только что просмотренная кинокартина «Чапаев», показанная клубом политотдела во всех подразделениях дивизии. Реплика Петра и вид спящих солдат напомнили мне эпизод, описанный Фурмановым в книге «Чапаев».

Айнудинов С. Х., начальник политотдела дивизии



Минометный расчет сержанта Перегримова на огневой позиции
Агитатор Плотников М. И. у бойцов минометного расчета



Охлопков Ф. М., Герой Советского Союза, снайпер
Медработники 454-го медико-санитарного батальона



Партбилет Казанцева А. И., пробитый пулей

3 а 5 8 . 9 .
В СЕСОЮЗНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ)
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ
№ 2489375 *

Имя и отчество *Казанцев
Алексей Иванович*

Год рождения *1907*

Время вступления в партию *Сентябрь 1932г.*

Наименование организации, выдавшей билет *Финиш
Ташлыкский Т.К. Свердловская обл.*

Личная подпись *А.И. Казанцев*


Секретарь Райкома
Муромов
13 декабря 1938.

Чернозерский С. В., командир 1243-го стрелкового полка
Ольховиков А. И., инструктор по пропаганде стрелкового полка
Усачев П. И., комиссар полка (справа), Деващенко И. А.,
командир полка, Яцуба П. М., начальник штаба полка



Наймушин И. Г., снайпер
Малютин И. А., инструктор политотдела дивизии
Огнемётчики 1245-го стрелкового полка



Говоруненко П. Д., Герой Советского Союза, командир дивизии



Тульчинский И. Л., начальник разведки дивизии
Ратников А. С., командир 1243-го стрелкового полка
Курчанин В. Г., командир минометной батареи, затем нача-
ник артиллерии полка



Перед рассветом я вернулся на наблюдательный пункт командира дивизии. Комдив и оперативная группа штаба дивизии уже находились здесь. Петр Дмитриевич, стоя у своего походного стола, разговаривал по телефону. По его ответам было понятно, что на том конце провода командарм генерал Чистяков. Положив трубку, комдив произнес:

— Командующий сказал, что он уверен: дивизия и на этот раз покажет свой уральский характер, будет стойко стоять на занимаемом рубеже. Генерал предупредил, что скоро начнется повторная контрподготовка.

Комбат Покатаев еще раз обошел рубеж обороны батальона. Как хороший хозяин осматривает свой дом, ожидая ненастную погоду, так и он проверил готовность рубежа и людей к бою. Все извилины, холмы, сплошь изрытые траншеями и окопами, шоссе и вкопанные вокруг него в землю пушки, танки 96-й танковой бригады, ямки и даже отдельные кусты — все было ему хорошо известно. Он вернулся к своему наблюдательному пункту, на командный пункт не пошел.

Стояла тишина, только со стороны Белгорода нет-нет да и доходил едва уловимый рокот танковых моторов.

— Я сейчас немного прилягу, — сказал он своему ординарцу, — если усну, через час разбуди.

Расстегнув ворот гимнастерки и расслабив ремень, капитан лег на расстеленную ординарцем шинель. Но уснуть не смог. Поворочавшись с боку на бок, он зажег спичку и посмотрел на часы. Было десять минут второго. Капитан поднялся.

— Товарищ комбат, вас просит командир полка! — сказал телефонист, передавая телефонную трубку капитану.

— Что нового впереди?

— Пока тихо. Боевое охранение сообщает, что слышен говор и какие-то металлические звуки. Моторы перестали работать.

— Понятно. Затишье это, видимо, перед бурей. — Прощаясь с комбатом, Василий Максимович Фролов добавил: — Смотрите в оба.



ШЕСТНАДЦАТЬ ДНЕЙ И НОЧЕЙ В ОГНЕ

День первый, пятое июля

На востоке обозначилась золотистая, маленькая полоска зари. Пятое июля. Стрелки часов показывали 3.00. В чуткую тишину ворвался мощный грохот залпа артиллерии. Началась наша повторная контрподготовка.

Впереди, над исходными позициями врага, бушевало море огня. Канонада контрподготовки из 600 орудий и минометов Воронежского фронта продолжалась непрерывно в течение 30 минут. Это было незабываемое зрелище. Огонь, пыль и дым окутывали вражеские позиции.

Об этой контрподготовке маршал Г. К. Жуков пишет: «Мы слышали и ощущали ураганный огонь, и невольно в нашем воображении возникла страшная картина на исходном плацдарме противника, внезапно попавшего под ураганный удар контрподготовки. Застигнутые врасплох вражеские солдаты и офицеры наверняка уткнулись носом в землю, в первую попавшуюся яму, канаву, траншею, любую щель, лишь бы скрыться от ужасающей силы разрывов бомб, снарядов и мин...»¹.

Плененные пятого и шестого июля гитлеровские солдаты и офицеры рассказывали нам, что эта артиллерийская контрподготовка нанесла им боль-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1970, с. 482.

шой не только материальный, но и моральный ущерб. Солдаты пришли в замешательство. Один из пленных говорил:

— Мы думали, что русские опередили нас и не мы будем наступать, а русские.

Так думал не только он один. Внезапности удара у врага не получилось. Но, бросив в бой только на одном Белгородско-Курском направлении свыше тысячи танков и почти трехсоттысячную армию, противник уже не мог остановиться. Такова уж логика войны: пущенная машина работает порой и по инерции.

В 3.50 загремела вражеская артиллерия на левом фланге, на участке нашего 1241-го стрелкового полка.

Командир 1241-го стрелкового полка майор Карклин доложил комдиву, что пехота при поддержке до пятнадцати танков атакует батальон Безбородова. Артиллеристы встретили вражеские танки заградительным огнем, ударили и пушки прямой наводки. Они подбили несколько танков, прижали к земле пехоту противника.

Наступление немцев в районе Черной Поляны немного озадачило командира дивизии. Он спрашивал:

— Неужели гитлеровцы будут наносить главный удар через Северный Донец? — Сам же отвечал: — Это же невыгодно им.

— Зато нам выгодно, — сказал начальник оперативного отделения штаба дивизии Павел Яцуба, который пришел на НП, чтобы попрощаться с нами: его переводили в соседнюю дивизию.

— Возможно, они хотят ввести нас в заблуждение и пока скрывают свои цели? — заметил Павел.

— Об этом и я думаю. Не начали ли они наступление восточнее Белгорода с целью отвлечь внимание нашего командования от своего главного удара? Ну что же, немного подождем с выводами, — добавил комдив.

Ждать долго не пришлось. Пока мы вели бой на левом фланге дивизии, стрелки часов подошли к шести. Вдруг, приглушая звуки на участке 1241-го стрелкового полка, воздух наполнился гулом моторов многочисленных самолетов, надвигающихся

несколькими ярусами, поэшелонно, с направления Белгорода.

Около пятидесяти из них, отделившись от основной группы, стали приближаться к переднему краю 1243-го стрелкового полка нашей дивизии. Остальные как коршуны бросились на оборону нашего правого соседа — 52-й гвардейской стрелковой дивизии.

Зенитчики открыли заградительный огонь. «Юнкерсы», словно не замечая огня, построились в свой излюбленный круг и начали бомбить.

В воздухе завязался воздушный бой. «Яки» пытались прорваться к бомбардировщикам, а «мессеры» навязывали им бой и не пропускали к «юнкерсам». Вот на несколько минут мечущиеся точки исчезают в облаках, потом появляются снова, отмечая свой путь линиями разреженного воздуха. Сходятся в смертельной схватке, снова расходятся, пытаясь обмануть один другого на высоте. Раздаются пулеметные и пушечные очереди. Вот «як» в хвосте у «мессера». Фашист пытается оторваться от него, но не может. Сейчас наш новый «Як-7Б» не уступает фашистским истребителям ни по скорости, ни по маневренности. «Мессер» резко уходит вверх. «як» тоже «на горке». Вдруг видим: «мессер» закачался, появился черный дым, который хвостом потянулся за падающим на землю фашистским стервятником.

А на земле, на наших позициях, непрерывно рвались вражеские бомбы и снаряды, поднимая в воздух столбы земли, огня и дыма. Под прикрытием артиллерийского и минометного огня, стреляя с ходу, правее шоссе шли фашистские танки.

С наблюдательного пункта я хорошо видел колонну фашистских танков. Впереди шло до 20 «тигров». Непосредственно за ними, побольше по количеству, — самоходные пушки «фердинанд», а затем средние танки и бронетранспортеры с пехотой. Если бы не война, если бы это шли не вражеские машины, можно было бы любоваться четкостью их построения. Они двигались не торопясь, уверенные в своем могуществе и неуязвимости.

Полковник Говоруненко, обращаясь к командующему артиллерией, сказал:

— Ну, Николай Данилович, принимай парад.

Подполковник Азаров подал сигнал. Тут же ударили с закрытых позиций орудия артиллерийских полков. Многочисленные разрывы окутали строй танков. На какой-то миг боевые порядки врага расстроились. Несколько танков остановилось, в двух-трех местах показался дым. Но остальные, быстро заняв места выбывших из строя танков, ускорив ход, устремились к переднему краю нашей обороны. Чуть правее этой группы, против обороны 52-й гвардейской дивизии, показалась туча пыли, видимо, поднятая быстро идущими танками.

Петр Дмитриевич сидел с биноклем в руках, не поднимая его к глазам. Мохнатые, почти сросшиеся брови комдива сошлись в одну линию. Видно было, что он напряженно думает, так же как и все мы, находящиеся с ним рядом: «Что может произойти сейчас впереди? Идет сила невиданная... Выдержат ли вонны переднего края? А если эта орава прорвется? Что тогда?..» Эти тревожные мысли переворачивали все внутри. Комдив старался не выдавать своего волнения, сдерживал себя, терпеливо ждал первого сигнала с правого фланга дивизии, куда сейчас острием направлен удар врага. Мне показалось, что за эти несколько минут неясности он как будто даже осунулся.

На оборону батальона Покатаева неудержимой лавиной катились вражеские танки.

Коммунист Григорий Покатаев хорошо знал, если сейчас, в первые минуты боя, сдадут нервы, пошатнется уверенность в своей силе у сидящих в граншеях и окопах, то все будет кончено. Враг, как пушинку, сметет батальон с обороняемого рубежа. А ведь рубеж обороны его батальона — по существу, маленький щит на одной из точек Курского выступа, который любой ценой, во что бы то ни стало должен устоять, сдержать страшный удар озверелого врага. От стойкости таких точек сейчас зависит успех боя на огненной Курской дуге.

Комбат перестал считать танки, опустил бинокль. В телефонную трубку он отдавал отчетливым, требовательным голосом отрывистые приказания командирам рот и подразделений поддержи-

вающей батальон артиллерии. Во всех батареях у своих орудий застыли расчеты. Бронебойщики, пулеметчики и автоматчики как бы срослись со своим оружием.

Танки все ближе подходили к позициям батальона. Впереди и между машинами рвались снаряды наших гаубиц и тяжелых пушек. Но танки все катились вперед, словно не обращая внимания на разрывы снарядов. Они не убыстряли хода — шли плавно. Если один выходил из строя, остальные тут же смыкали ряды. Точно как в кинокартине «Чапаев» офицерский полк шел в «психическую» атаку.

Вскоре стал отчетливо доноситься до переднего края шум танковых моторов. Комбат опять взял бинокль. Было видно — за первой линией танков шло еще множество черных коробок. Несколько из них, выпуская черный дым, остановились, остальные продолжали движение. Вот пройдена линия боевого охранения. Замедлив ход, они разом открыли огонь по нашему переднему краю. После нескольких залпов, ускорив движение, стреляя без остановок, танки шли вперед. С ходу они наскочили на минное поле, три машины подорвались, стало заметно замешательство в боевых порядках врага.

— Огонь! — крикнул Покатаев и несколько раз выстрелил из ракетницы вверх. Разом загремела оборона батальона. Били противотанковые пушки прямой наводки. Застучали бронебойки, застрочили пулеметы, автоматы. Из рощи вела огонь минометная рота капитана Петра Шипицына. Бесчисленные разрывы снарядов и мин, звуки выстрелов подавили рев танковых моторов.

Над полем, еще час назад тихим, сейчас стоял сплошной грохот и лязг металла. Гулял огненный смерч. То там, то тут возникали багрово-оранжевые вспышки.

Позвонил Фролов. Он доложил комдиву, что в районе хутора Ерик на минных полях подорвалось четыре танка, в бой с танками вступили орудия прямой наводки 1240-го и 694-го иптапов¹, залпы

¹ Иптап — истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

«катюш» 79-го и 16-го гвардейских минометных полков накрыли пехоту.

С наблюдательного пункта комдива уже не видно, что делается перед передним краем обороны. Поле боя гудит от разрывов, черный дым и вихри пыли бушуют впереди и на позициях дивизии, заслоняя поднимающееся солнце. Небо стало серым, как будто надвигалась ночь. Казалось невероятным, что люди, находящиеся в окопах, смогут хоть на минуту остановить катившееся на них стальное чудовище.

Бой шел уже более часа. Воины уральской дивизии сдерживали гитлеровские танки по ту сторону противотанкового рва и минных полей. Ветер разносил во все стороны запах пороховых газов и раскаленного железа горящих танков. До десяти танков горят только перед обороной нашей дивизии. Что делалось на участках наших правого и левого соседей — уже не было видно. Все заволочло дымом и пылью.

Фашистские танки маневрировали, бросались из стороны в сторону, пытались нащупать слабое место в нашей обороне. Атака вражеских пехотинцев следовала за атакой. Они старались прорваться на передний край обороны батальона Покатаева. В одном месте танки подошли почти вплотную к траншее, к окопам стрелков и автоматчиков. Но они тут же попали под перекрестный огонь артиллерии и броневое. Воины стрелковых взводов, которыми командовали лейтенанты-комсомольцы, только утром подавшие заявления с просьбой принять их в партию, Яковлев и Осипов, осыпали их гранатами, бутылками с горючей жидкостью. Пулеметчики старшего лейтенанта Жукова стали поливать их свинцовым дождем. Они стреляли по смотровым щелям танков бронебойными патронами, давали длинные очереди по пехоте. От пулеметчиков не отставали бронебойщики лейтенанта Наумова. Сержант Кузнецов первым подбил танк.

— Бейте их гранатами... отобьем... больше смелости!.. — с силой швыряя гранаты и стреляя из автомата, кричал парторг роты Чупров.

Недалеко от него бесперывно бил пулемет Ла-

тыпова. Из автоматов, винтовок стреляли бойцы отделения сержанта Коношинского.

Из лощины, прямо на участок обороны, где находился дзот расчета старшего сержанта Леонова, поднялись в атаку фашисты. Их было около роты. Старший сержант слился с пулеметом. Он сейчас не видел ничего, кроме приближающегося к первому ориентиру врага. Вот он нажал на спусковой крючок. Огонь пулемета скошил гитлеровцев.

Потеряв до двух десятков убитыми и ранеными, фашисты залегли. Пулемет продолжал стрелять, не давая им подняться.

Вдруг тупые удары сотрясли бревенчатый накат дзота. Попавший в дзот через амбразуру едкий дым сдавливал дыхание пулеметчикам.

— Все равно будем бить!— крикнул Леонов и опять застрочил из пулемета, когда цепи фашистов вновь поднялись в атаку. Одной очередью он выпустил всю ленту. Гитлеровцев как будто ветром сдуло.

Снова разрывы вражеских снарядов вокруг дзота. «Засек, гад,— тревожился командир расчета Леонов.— Сейчас заровняет все».

— Быстро снять пулемет — и на запасный,— приказал он расчету.

Трое взялись за скаты пулемета, чтобы снять его с площадки. Но не успели поднять пулемет, как взрыв страшной силы потряс дзот. Пулемет грохнулся на пол. Леонова взрывная волна отбросила к стенке дзота. Второй номер пулемета был тяжело ранен, двое из расчета получили легкие ранения.

— Бегом за мной!— крикнул Леонов и, подняв тяжело раненного солдата на руки, бросился в ход сообщения. За ним, таща пулемет, спешил расчет. Едва они отбежали от дзота метров на тридцать, как вверх полетели бревна дзота.

Оказав помощь раненым, Леонов быстро установил пулемет на новом месте и открыл огонь по фашистам.

Приданная батальону капитана Покатаева артиллерия своим огнем преградила путь вражеским танкам и пехоте.

Комбат увидел, как один за другим окутались огнем два танка, а у третьего отлетела в сторону

сорванная снарядом башня. Такой случай капитан за два года войны видел впервые и не поверил своим глазам.

— Что, сволочи! Получили?!— кричали ободренные успехом артиллеристы расчета свердловчанина Шишкина, но их голоса тонули в реве орудий и разрывах снарядов.

Вскоре один «тигр», преодолев наш противотанковый ров, стал приближаться к переднему краю 2-го стрелкового батальона. Вот он на несколько секунд остановился, как бы присматриваясь, где лучше проскочить через ручеек, что бежал перед ним. Это были роковые секунды для «тигра». Сразу же несколько снарядов, выпущенных из орудий батареи капитана Ковтуна, ударили в него. Танк застыл на месте.

Враг не ослаблял обстрел переднего края батальона. Вышли из строя несколько наших орудий и пулеметов. То там, то здесь слышались стоны раненых, появились убитые.

Но упорство воинов батальона росло с каждой минутой. Легкораненые не уходили в санчасть и, наспех перевязавшись, продолжали бить врага.

Через час после начала атаки бой достиг такого накала, когда фашисты уже не могли идти вперед. Горели вражеские танки, пехота залегла. Мощный огонь нашей артиллерии, гвардейских минометов не давал ей возможности поднять голову.

Вскоре неприятель не выдержал огня уральцев, отошел назад.

...Первая, наиболее опасная и очень сильная танковая атака противника была отбита. Перед батальоном стояли четыре танка. Два из них, выпуская черный дым, догорали недалеко от первой траншеи.

— Для начала неплохо,— вытирая вспотевший лоб пилоткой, произнес старший сержант Шишкин.

— По этому случаю давайте закурим, товарищ старший сержант,— вытаскивая из кармана кисет с табаком, предложил наводчик. Этот кисет с надписью «Дорогому защитнику Родины» наводчик получил вместе с подарком под Ржевом, когда дивизию посетили делегаты Урала. Хранил он его как память о родном крае. Кисет как бы согревал

бойца, давал ему силы в тяжелые минуты боя.

Потянулись солдаты к табаку. Сидя у орудия, усталыми руками свернули «козьи ножки» и жадно вдохнули горьковатый дым махорки вместе с воздухом, густо насыщенным пороховым дымом.

Казалось, никогда еще не было у них таких приятных затыжек, как сейчас. Но передышка оказалась недолгой. Вновь стали рваться вражеские снаряды у огневых позиций артиллеристов.

Отбитая первая атака танков, где было много «тигров», имела огромное значение не только для батальона Покатаева. Она повлияла на ход и исход боя в целом на участке обороны дивизии. Она укрепила волю людей к победе и их уверенность в своих силах. До этого боя наши воины были знакомы с тяжелыми танками врага «тигр», «пантера», самоходной пушкой «фердинанд» только по рассказам и по схемам. А после того как они с ними встретились «с глазу на глаз» на поле боя, воочию убедились, что, несмотря на действительную их мощь, слухи об их неуязвимости были преувеличены. Несколько горящих «тигров» на участке обороны дивизии убедительно это доказывали. От артиллерийских снарядов, от броневоек «тигры» горят не хуже, чем танки, подбитые в обороне под Москвой.

Передышка длилась недолго. Около восьми часов утра пушки и минометы врага от методического огня, который они вели по нашим позициям после своей неудачной атаки, перешли к шквальному. Множество «юнкерсов» налетело на передний край нашей обороны. Они пытались бомбовыми ударами расчистить путь своим танкам. Из-за роши, что юго-западнее хутора Ерик, снова показались танки и пехота на бронетранспортерах. Вскоре вся эта лавина ринулась в атаку. Теперь танков шло гораздо больше, чем в первый раз, и атака была интенсивнее. Гитлеровцы действовали напористее. Очевидно, они хотели расквитаться за первую неудачу.

«Около сорока танков и пехота атакуют Игнатенко. Большая группа танков и пехоты наносит

удары по обороне правого соседа — 155-го гвардейского стрелкового полка в районе Березова», — докладывал комдиву командир 1243-го стрелкового полка.

Говоруненко, выслушав подполковника Фролова, более спокойным тоном, чем обычно, сказал:

— Василий Максимович, учти, на тебя жмет наша старая знакомая — «Мертвая голова». Ты ведь знаешь повадки ее командира еще по боям под Ржевом, не давай себя околпачить...

Поговорив с Фроловым, комдив соединился с командиром левофлангового полка майором Карклиным, где уже второй час шел ожесточенный бой с танками и пехотой врага. Атаки фашистов против 1241-го стрелкового полка с каждой минутой становились более яростными, но Говоруненко больше тревожился не за этот фланг дивизии, а за правый. Хотя на правом фланге бой только развертывался и уже успешно были отбиты первые атаки, но боевой опыт, знание тактики врага подсказывали комдиву, что главные события развернутся там.

После каждого разговора с командиром соседней дивизии полковником Некрасовым наш комдив все больше мрачнел. Около десяти часов, после очередного разговора с Некрасовым, комдив встревоженно сказал:

— Немцы прорвали оборону пятьдесят второй гвардейской дивизии, более пятидесяти танков и пехота ворвались на передний край в районе Березова. Дивизия ведет бой с прорвавшимися танками...

Полковник связался с командиром правофлангового полка подполковником Фроловым, вызвал к себе командующего артиллерией дивизии, командира 96-й танковой бригады и командира саперного батальона.

Вскоре нам стало известно, что на участке нашего правого соседа, где была прорвана оборона, танки и пехота противника стали распространяться во все стороны, нарушая оборону 52-й гвардейской дивизии. Ее поредевшие подразделения, сдерживая врага, отходили на север. Наш правый фланг стал оголяться.

Положение осложнилось.

— Перестрой свой боевой порядок по второму варианту,— приказал комдив подполковнику Фролову.— Держись крепко!

Второй вариант означал: продолжая бой с атакующим врагом с фронта, быть готовым отражать его удары с правого фланга.

К этому моменту обострился бой и на левом фланге дивизии. В районе Черной Поляны гитлеровцы ворвались на передний край обороны 1241-го полка. Завязалась ожесточенная схватка. Но быстро и решительно принятые командиром полка и комдивом меры не дали врагу воспользоваться этим прорывом. Воины стрелкового батальона капитана Григория Безбородова контратаковали прорвавшегося врага. Короткая рукопашная схватка ликвидировала опасность, гитлеровцы были отброшены назад. Приданная полку саперная рота, которой командовал капитан Николай Логачев, вновь быстро заминировала проходы, сделанные немцами в наших минных полях перед передним краем обороны полка. Воины роты под огнем противника за короткое время установили около двухсот мин. Особенно отличились своей смелостью саперы Алексей Елдашев, который установил тридцать мин, Афанасий Мазур — пятнадцать и воины взвода старшего сержанта Григория Колитенко — по восемь — десять мин. Сам сержант установил семнадцать штук, от своих саперов не отставал и капитан Логачев.

Исключительную смелость, героизм проявили одиннадцать разведчиков взвода коммуниста старшего сержанта Георгия Богданова. Они быстро выдвинулись вперед, маскируясь во ржи, подошли вплотную к атакующим гитлеровцам и открыли сильный огонь с фланга из ручных пулеметов, забросали врага гранатами.

Неожиданный удар ошеломил фашистов. Разведчики в упор расстреливали гитлеровцев. От меткого огня сотня фашистов полегла, а четверых захватили в плен. Особенно храбро действовали командир взвода старший сержант Богданов и разведчики Ефремов и Жуков.

А опасность на правом фланге с каждым часом

росла. Количество прорвавшихся вражеских танков и пехоты в полосе обороны 52-й гвардейской дивизии беспрерывно увеличивалось. Теперь стало ясно, что именно там разгорелись решающие бои. Сейчас от стойкости гвардейцев зависело многое.

С нашего наблюдательного пункта было видно, как большое пространство окуталось дымом и пылью в направлении Быкова и Журавлиного, и это густое облако пыли медленно двигалось на северо-восток, к Крапивинским Дворам. Прорыв противника в центре обороны 6-й гвардейской армии все больше и больше ухудшал положение нашей дивизии. Правда, пока дивизия крепко удерживала занимаемые позиции, хоть и вела тяжелый бой с танками и пехотой врага.

Гитлеровцы быстро воспользовались создавшимися благоприятными условиями для атаки нашей дивизии с оголенного фланга. Они усилили свой нажим на оборону дивизии с фронта и одновременно через Гремучий танками и пехотой нанесли удар справа в районе Гонки. Но эта хитрость им не удалась, нас не застигли врасплох. Возможность такого маневра предусматривалась, и наши войска были готовы на удар врага справа ответить двойным ударом.

Фашисты неистовствовали в воздухе и на земле, пытаясь-таки прорваться справа в центр обороны дивизии. Завязалась ожесточенная схватка. Наша артиллерия, корректируемая с высоты 225,9 старшим лейтенантом Марком Тульчинским, встретила фашистов заградительным огнем еще далеко до позиций стрелковых батальонов. Несколько танков загорелось, рухнул на землю вражеский самолет «Ю-88», сраженный метким выстрелом младшего сержанта Александра Соколова. Вражескую пехоту прижал к земле огонь «катюш», минометов роты капитанов Василия Букаева, Петра Шипицына. Пулеметный и автоматный огонь отсек гитлеровскую пехоту от танков.

После упорного боя более десяти танков ворвалось справа в расположение обороны батальона старшего лейтенанта Игнатенко. Враг уже думал, что успех обеспечен и советская пехота начнет отступать, но он просчитался. Уральцы не отступали.

держались в окопах, траншеях, стреляли по немецкой пехоте из пулеметов и автоматов, не давая ей поднять голову, бросали противотанковые гранаты, бутылки с горючей жидкостью, вели огонь из противотанковых орудий.

Перевалившие через траншею вражеские танки стали подрываться на минах, поставленных саперами. По бортам прорвавшихся машин били бронбойщики младшего лейтенанта Владимира Кононова, лейтенанта Алексея Наумова. Противотанковые пушки батареи Ивана Кривошеи, сержанта Зайцева, старшего сержанта Кислицына стреляли в упор. Фашистские танки металась по полю, подставляя свои борта орудиям прямой наводки дивизиона капитана Германа Мальшакова.

Несмотря на огромные потери, гитлеровская пехота шаг за шагом приближалась к переднему краю, стремясь соединиться со своими танками. На участке первой роты, где находился парторг батальона Исмагил Исхаков, группа автоматчиков врага ворвалась в траншею. Парторг быстро организовал бойцов и вместе с ними бросился врукопашную. Фашисты не выдержали, оставив в траншее десятки убитых, отскочили назад. Южнее Гонки группа танков пыталась прорваться в глубь обороны батальона Игнатенко, но ей преградила путь истребительная батарея капитана Николаева и иптаповские пушки.

В коротком бою перед огневыми позициями батареи капитана Николаева артиллеристы подожгли шесть танков. Правда, батарея тоже несла потери, одна за другой умолкали пушки, но артиллеристы продолжали биться. Один из танков вплотную подошел к орудию, и расчет не успел повернуть пушку. Тогда наводчик Цыбалеv встретил «тигра» бутылкой с горючей жидкостью. Танк вспыхнул. Горящий «тигр» наскочил на пушку Цыбалева и раздавил ее. Но и сам не успел далеко уйти — брошенные гранаты добились его.

Даже тогда, когда последняя пушка батареи вышла из строя, героин-артиллеристы во главе с капитаном продолжали бой с врагом.

Не сумев преодолеть сопротивление наших воинов, гитлеровцы вынуждены были прекратить

атаки южнее Гонки и отойти на исходные позиции.

Бой южнее Гонки дорого стоил и нам. Почти полностью погибла истребительно-противотанковая батарея капитана Николаева. Вышли из строя несколько иптаповских пушек, станковые и ручные пулеметы. Но враг не прошел. Воля наших воинов к победе не была сломлена, она еще больше укрепилась.

После упорного боя в полосе обороны 52-й гвардейской стрелковой дивизии (нашего правого соседа) несколько сот танков и пехотные полки противника достигли второго армейского оборонительного рубежа, который занимала 51-я гвардейская стрелковая дивизия. Примерно в 16.30 воины 51-й дивизии вступили в бой с прорвавшимися танками противника на рубеже Козьма — Демьяновка. Гвардейцы стойко обороняли свои позиции, однако остановить лавину танков они не смогли. Командование 51-й гвардейской стрелковой дивизии потеряло управление частями, локтевую и огневую связь со своими соседями. Неуправляемые войска дивизии под давлением превосходящих сил врага начали отходить на север¹. Создалась крайне напряженная обстановка в центре 6-й гвардейской армии. Угроза прорыва фронта крупными вражескими силами на Обоянском направлении возросла как никогда.

Отход 51-й гвардейской стрелковой дивизии создал благоприятные условия для удара врага по обороне 375-й стрелковой дивизии, так как теперь не только ее правый фланг, но и ее тыл был открыт. Над уральской дивизией нависла смертельная опасность окружения.

Чтобы остановить прорвавшегося врага и надежно прикрыть Обоянское направление, командование Воронежского фронта с согласия Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина приняло решение встретить дальнейшие удары гитлеровских бронированных полчищ огнем танковых соединений с места, о чем подробно пишет М. Е. Катуков, быв-

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 6 Гв. А, д. 250, оп. 5113, л. 30.

ший командующий 1-й танковой армией¹. Танки этой армии своими действиями хорошо помогли и нашей дивизии отстоять занимаемые позиции.

Но это произошло позже. А пока дивизия фактически осталась позади прорвавшихся вражеских войск, но вела упорный бой, прочно удерживая Обоянское шоссе в районе Шопино и Ерик. Враг с каждым часом бросал против дивизии новые силы, пытался очистить от нее шоссе. Группа гитлеровских автоматчиков, поддержанная танками, ворвалась в траншею стрелковой роты, которой командовал старший лейтенант Григорий Алферов. Рота вступила в рукопашный бой. Командир батальона старший лейтенант Павел Голубь ударил по вражеским автоматчикам силами своего резерва. Особенно дерзко дрались в рукопашной схватке воины взвода восьмой роты лейтенанта Александра Душина, пришедшие на помощь своему соседу. Храбро действовало отделение старшего сержанта Ефима Дубровина, которое приняло на штыки вражеских автоматчиков, бросившихся на его траншею. Красноармеец Дмитрий Лещенко в разгаре боя, увидев, что командир расчета, стрелявший из станкового пулемета, ранен, подбежал к пулемету, выкатил его на новую позицию и открыл огонь по атакующим. Не один десяток вражеских солдат poleg от его меткого огня. Красноармеец Трофим Котырев забросал гитлеровцев гранатами с фланга. Прорвавшимся танкам путь преградили пушки батареи Николая Ковтуна, стоящие на прямой наводке, и пушки второго дивизиона 263-го артполка. Неравный бой завязал с танками расчет противотанкового орудия комсомольца Ивана Андреенко, подбивший два танка. Когда орудие вышло из строя, расчет вступил в рукопашный бой с вражеской пехотой.

Враг не прошел. На участке третьего батальона 1243-го стрелкового полка совместными усилиями удалось восстановить прежнее положение. Но более тридцати танков и пехота нанесли удар по обороне этого же полка с тыла, а до пятидесяти танков —

¹ См.: Курская битва. Воспоминания участников. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1968, с. 65.

из района колхоза «Смело к труду». Неся большие потери, враг шаг за шагом углублялся в оборону полка.

Многими воинами овладело странное, непри-
вычное чувство. Даже бывалые из них с трепетом,
с тревогой оглядывались назад. Фронт оказался за
спиной.

Штаб полка переместился в глубь обороны, по-
ближе к переднему краю. Командир полка подпол-
ковник Фролов вынужден был оставить свой наблю-
дательный пункт, перейти на НП командира ба-
тальона старшего лейтенанта Голубя и оттуда
управлять боем. Связисты быстро восстановили
нарушенную связь с подразделениями с нового
наблюдательного пункта.

Враг нажимал на полк с фронта и с тыла. Пол-
ковнику Говоруненко по телефону, по радио бес-
прерывно докладывали о ходе боя командеры час-
тей и подразделений. Донесения были одно тре-
вожнее другого. Но комдив проявлял необычно-
высокую выдержку. Слушая сообщения командиров,
он давал им необходимые указания, приказывал,
требовал, принимал решения, отвечающие конкрет-
ной обстановке, не отходя ни на шаг от своего
наблюдательного пункта.

— Держаться на месте,—приказывал он,—унич-
тожать танки, отсекай пехоту, не отступать!..

Офицеры штаба помогали командирам выпол-
нять приказы комдива. Политотдельцы были в
подразделениях, отбивающих атаки превосходящих
сил врага. Время от времени о ходе боя в полосе
обороны дивизии Говоруненко лично докладывал
командующему армией генералу Чистякову.

У командарма сейчас было единственное тре-
бование к уральцам:

— Держаться! Держаться хотя бы до вечера!..

В течение дня по телефону со мной неоднократно
разговаривал член Военного совета армии гене-
рал Крайнов. Он интересовался ходом боя, спра-
шивал, выдержат ли воины дивизии напор врага,
как политотдел помогает командиру дивизии. Со-
ветовал, что еще необходимо предпринять.

Воины уральской дивизии и приданные ей
артиллерийские, минометные, огнеметные и тан-

ковые части держались. 1243-й стрелковый полк, как уже говорилось, отражал яростные атаки гитлеровцев «перевернутым» фронтом. Особенно в тяжелом положении оказались стрелковые батальоны старшего лейтенанта Игнатенко и капитана Покатаева. Их боевые порядки непрерывно атаковали вражеские танки с трех направлений.

Стрелковая рота, которой командовал старший лейтенант Волков, бросилась в контратаку против прорвавшего оборону батальона гитлеровских автоматчиков. Обстановка сложилась крайне напряженная. И тут, как много раз до этого, помог личный пример коммунистов и комсомольцев. В тех условиях это, пожалуй, была единственная и самая действенная форма агитации. Подбадривая воинов, коммунисты и комсомольцы первыми бросились на врага. Атаку возглавили заместитель командира батальона по политчасти капитан Анисим Карих, заместитель начальника политотдела дивизии майор Илья Комаров. Группа воинов во главе с парторгом роты Петром Чупровым ударила по фашистам с фланга и начала отрезать им пути отхода. Враг не выдержал удара уральцев. Оставив много убитых, он откатился назад.

В тяжелое положение попала батарея, которой командовал старший лейтенант Дмитрий Орлов. Когда фашисты атаковали позиции стрелковых батальонов с фронта, она находилась сравнительно далеко от переднего края. Когда же вражеские танки пошли в атаку с правого фланга в районе колхоза «Смело к труду», она оказалась ближе всех к атакующим.

Наводчик свердловчанин Иван Булатов прильнул к панораме так, что казалось — не снаряд, а он сам, его сердце, наполненное до предела ненавистью к врагу, должны были ударить в танк, расплавить его броню. Сейчас для него как будто весь мир умещался в перекрестье панорамы. Чуть сзади от него, прижав к груди очередной снаряд, стоял Щепяков. Точно выполнял требования наводчика установщик Иванов. Танки все ближе подходят к орудью, не подозревая о его присутствии.

Командир орудия старший сержант Андрей Дорхин крикнул:

— Ого-о-онь!

Выстрел. Подкалиберный снаряд не попал в танк.

Булатов внес поправку в прицел.

— Бронбойным! Огоны!— последовала новая команда Андрея Сергеевича. Танк застыл на месте, из него повалили клубы дыма.

Вдруг разорвался вражеский снаряд, и у орудия Дорохина ранены Булатов, Иванов, Пепелев, Щепачков. Старший сержант подбежал к орудию. Булатов, преодолевая боль, поднялся и — к панораме. Снова наводит он орудие. Снаряд за снарядом летят в сторону врага. Дорохин помогает Булатову.

Подбит еще один танк. Вспыхнул огромным костром третий. Но тут же от потери крови упал Иван Павлович Булатов. В его наградном листе есть такие строки: «...за смелость, отвагу и мужество, проявленные в бою с немецкими танками, и уничтожение 3 танков 5 июля 1943 года тов. Булатов удостоен правительственной награды — ордена Красного Знамени»¹.

Место наводчика занимает сам командир орудия Дорохин, ему помогает раненый солдат Щепачков. Ирбитчанин действует быстро, но спокойно, как будто на него идут не фашистские танки, а подвижные мишени, как бывало в сентябре сорок первого в лагерях. Подпустит он тогда поближе фанерные танки и стреляет по ним. Правда, комсомолец Дорохин однажды не только торопился, но и немного растерялся, когда на его орудие сразу двинулись пять фашистских танков. Было это 22 января сорок второго года у деревни Н. Коростелево. О том эпизоде Дорохин сам рассказывал на заседании дивизионной партийной комиссии, когда принимали его в кандидаты партии. «Растерялся, успел подбить только один», — как бы признавая свою ошибку, говорил членам партийной комиссии Андрей Сергеевич Дорохин.

Вражеский танк на быстром ходу наскочил на одно из наших орудий, находившихся недалеко от орудия Дорохина, и раздавил его вместе с коман-

¹ Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 1, оп. 20996, л. 114.

диром расчета. Коммунист Прохоров поджег этот танк горючей жидкостью. Красноармеец свердловчанин Александр Воинов взял командование расчетом на себя и вступил в бой с нападающими вражескими автоматчиками, ручной пулемет в его руках беспощадно косил врага.

Командир огневого взвода Валентин Тутевич, не успев перевязать рану и зажав ее левой рукой, продолжал руководить огнем своего взвода. Старший лейтенант Орлов занял место выбывшего наводчика.

Выстрел. Возле гусеницы танка, идущего на орудие, взвился столб огня. Танк круто повернулся. Второй снаряд попал в его борт. Дмитрий Орлов продолжал стрелять, но снаряд, пущенный с другого танка, заклинил последнюю пушку батареи. Орлов упал, но чудом остался жив. Быстро пришел в себя, собрал оставшихся в живых воинов и стал отбивать врага стрелковым оружием. Орудия вышли из строя, но батарея жила и в полном окружении продолжала бой.

До пятидесяти танков вышли в район высоты 225,9, где находился артиллерийский наблюдательный пункт старшего лейтенанта Марка Тульчинского. По мере подхода танков к высоте Тульчинский приближал огонь артиллерии к своему наблюдательному пункту. Ведя заградительный огонь, он выводил из строя танк за танком. Фашисты, не считаясь с потерями, лезли вперед. Десять танков поднялись на высоту, а Тульчинский продолжал корректировать огонь артиллерии.

Вот танки у блиндажа Тульчинского. Со всех сторон черной смертью глядят их орудия. Вражеские автоматчики кричат:

— Рус, сдавайся! Живым останешься!

В ответ им летят гранаты. Тогда трое фашистов попытались ворваться в блиндаж, чтобы живьем взять русского офицера. И все трое тут же полегли от автоматной очереди Тульчинского. У входа в блиндаж одна за другой рвутся несколько гранат. Падает замертво связист. Недалеко от него лежит тяжело раненный разведчик. Один из танков, лязгая гусеницами, приближается к блиндажу, чтобы своей тяжестью раздавить его. Тульчинский выска-

кивает из блиндажа и сильным взмахом руки бросает две противотанковые гранаты. Танк резко поворачивается на подорванной гусенице. Автоматная очередь подкосила Тульчинского. Собрав последние силы, он подползает к рации, окровавленной рукой берет микрофон и шепчет в эфир: «У моего блиндажа много фашистов. Бейте их! Огонь на меня!» Это была его последняя команда и последние мужественные слова ¹.

Как ни тяжело было друзьям-артиллеристам выполнять команду Тульчинского «Огонь на меня!», обстановка диктовала именно это. По команде командира полка Павла Трофимовича Губарева по вражеским танкам открыли беглый огонь артдивизионы Николая Мироновича Новгородцева и Германа Яковлевича Мальшакова. На высоте 225,9, преграждая путь врагу, бушевало море огня.

Комдив Говоруненко ясно представлял размеры опасности, нависшей над дивизией, и искал пути ее ликвидации. Заместитель командира дивизии подполковник Казачук неоднократно предлагал комдиву начать контратаку резервами дивизии. Говоруненко был неумолим:

— Рано, Константин Павлович. Победит тот, кто не только окажется сильным, но и хитрым, у кого нервы крепче. Потерпи!

Полковник искал уязвимое место в боевых порядках гитлеровцев и ждал момента для чувствительного удара своими резервами. Разведчики дивизии и полков следили за каждым шагом врага и докладывали об этом комдиву.

Артиллерийский огонь, который обрушился на высоту 225,9, расстроил боевые порядки врага. До десяти танков было подбито и подожжено. 1243-й стрелковый полк своими контратаками на некоторых участках остановил продвижение фашистов. Гитлеровцы без свежих сил не могли идти вперед, а у 1243-го стрелкового полка не хватало сил, чтобы отбросить прорвавшихся в глубь обороны полка фашистов. Наступил критический момент. Сейчас исход боя зависел от того, кто правильно

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 1, оп. 2099 с. л. 326.

оценит обстановку и использует ее для победы.

Говоруненко оказался умнее врага. Он без колебания решил не давать гитлеровцам времени, чтобы подтянуть свежие силы и организовать новую атаку. Вот теперь комдив дал команду своим резервам. Танковая бригада, истребительный противотанковый артиллерийский полк, стрелковый батальон, саперы, истребители танков, поддержанные мощным артогнем из района Вислое, нанесли удар под корень фашистскому клину...

Из роши, что севернее хутора Ерик, на высоту 225,9 под общим командованием капитана Покатаева поднялись в контратаку стрелковая рота горьковчанина Ивана Менькова, рота автоматчиков коммуниста Мефодия Антоюка, разведвзвод кандидата в члены партии Федора Шульгина. В боевых порядках контратакующих, перекачывая свои «сорокапятки» с рубежа на рубеж, шли расчеты батарей свердловчанина Ивана Кривошея.

Командующий артиллерией дивизии подполковник Азаров с передового наблюдательного пункта лично управлял огнем артиллерии, поддерживающей контратакующих.

Видимо, гитлеровцы не ожидали такой контратаки на этом рубеже, где они имели успех и некоторое превосходство в силах. Контратака ошеломила их. Они не выдержали, отошли на свои исходные позиции. Много убитых солдат и офицеров, несколько подбитых танков оставил враг на поле боя.

Когда наши контратакующие подразделения отбили высоту 225,9, у наблюдательного пункта Марка Тульчинского обнаружили десятки трупов вражеских солдат и три догорающих танка. Всего на высоте было подбито десять вражеских танков. Так до конца выполнили военную присягу и свой долг коммунист офицер Марк Федорович Тульчинский и его боевые друзья. За этот подвиг Марк Федорович посмертно награжден орденом Отечественной войны. Его прах сейчас покоится в братской могиле в центре села Терновка. На могиле стоит каменный солдат с автоматом, будто охраняя вечный покой более двухсот похороненных там героев, которые отстаивали честь и независимость Отчизны.

Отбита седьмая атака. Гитлеровцы снова не смогли пробиться через оборону, где стояли уральцы.

Вот что записано в документах того дня:

«В 19.30 войска 375-й с. д. вели бой против прорвавшихся 45 танков с пехотой на рубеже Зап. окр. Ерик, Яр. Должик, выс. 209,5. Огнем противотанковых средств и контратаками пехоты прорвавшиеся танки были частью подожжены, пехота рассеяна. Атака противника с большими для него потерями была отбита. К исходу дня дивизия продолжала оборонять свой прежний рубеж»¹.

«1241-й с. п., ведя бой с противником, в течение дня отбил четыре атаки танков и пехоты. В результате боя противнику нанесены потери: убито до 300 солдат и офицеров, подбито 13 танков, огнем ружей и пулеметов сбит самолет «МЕ-109», летчик взят в плен, подбито два самоходных орудия, пять автомашин, 9 мотоциклов...»².

«В результате прорыва левого фланга 52-й гв. с. д. и выхода танков с автоматчиками на второй эшелон 1243-го с. п. полку пришлось вести бой перевернутым фронтом в северо-западном и северном направлениях. Все предпринятые атаки и попытки противника окружить 1243-й с. п. были отбиты. В ожесточенном бою противнику нанесены потери: убито до 400 солдат и офицеров. Подбито и сожжено 16 танков, сбит самолет «Ю-88», сожжено 12 автомашин...»³.

В полосе обороны дивизии всюду глубокие воронки от авиационных бомб и снарядов разных калибров. Тут и там вперемежку с разбитыми, раздавленными нашими пушками горят огромными кострами или стоят, неуклюже уткнувшись тупыми носами в воронки, десятки вражеских танков, валяются трупы гитлеровцев.

Вот следы «работы» покатаевцев. На участке стрелковой роты по обеим сторонам траншеи —

¹ Архив МО СССР, ф. 6 Гв. А, д. 250, оп. 5113, л. 15.

² Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 1, оп. 484429 с, л. 9.

³ Там же.

трупы гитлеровских вояк, уничтоженных во время рукопашной.

На дерне, то там, то здесь, рядом с нашими «лимонками», противотанковыми гранатами лежат и немецкие, с длинными деревянными ручками. Командир взвода лейтенант Ермак объясняет бойцам, как ими пользоваться. На бруствере стоит немецкий ручной пулемет, обращенный в сторону врага. Таких пулеметов несколько десятков. Все это оружие только что захвачено в жестокой схватке с гитлеровцами, теперь оно будет бить самих фашистов. Бойцы показывают на сигары. Это — тоже трофеи.

— Трава травой,— говорит один из солдат,— не то что наша махорочка.— Он бросает сигару и топчет ее ногой.

Воины наперебой рассказывают, как они встретили первую и последующие атаки гитлеровцев. Некоторые откровенно говорят, что их дрожь взяла, когда «тигры» подошли к траншее. Но страх прошел, когда они подбили первого «тигра». Опытный солдат пулеметчик Ахманаев рассказывает, как удобно бить гитлеровцев, когда их подпускаешь на близкое расстояние. Он на войне с первого дня. Много повидал, много атак отбивал. Был ранен, но вот опять на передовой.

— Снова повоевали малость,— говорит он, улыбаясь, а сам чистит пулемет. Надо пользоваться затишьем. Вдруг Ахманаев замечает, что приклад пулемета навывлет пробит осколком. Рассматривая пробоину, он удивляется: «Как же раньше не заметил?» В траншее, неуклюже свернувшись, лежит второй номер пулеметного расчета Довлеев.

— Он у меня новенький,— поясняет Ахманаев.— Парень крепкий, но утомился, у него это первый бой. А Ломакина сегодня утром ранило, отправили в медсанбат. Хороший был солдат.

На большой высоте летают фашистские бомбардировщики. Низом летят в обратном направлении наши штурмовики. Над лесочком, что севернее хутора Ерик, идет воздушный бой истребителей. «А ну, жми, дорогой, сильнее!» — кричит кто-то во весь дух, наблюдая, как наш ястребок погнался за «мессером».

Откуда-то взялась «рама». За ней появляются бомбардировщики. Бомбят оборону 1245-го стрелкового полка. Из всех видов оружия стреляют наши воины по снижающимся самолетам. Один из них качнулся и стал падать. После выяснилось, что его подбил комсомолец пулеметчик младший сержант Вениамин Кузьмин.

Старший лейтенант Минюков, сидя на коробке немецкого противогаза, составляет список отличившихся в бою воинов, который потребовал замполит батальона капитан Карих для представления к наградам.

Красноармейцы Иванов и Васильев, ловко действуя саперной лопаткой, улучшают стрелковую ячейку. Недалеко от них сидят и беседуют два бойца: татарин Багаутдинов и узбек Караваяев Матынкул. Оба они ранены, но ни тот ни другой не ушел в санчасть, продолжая биться с врагом. И сейчас не уходят.

— Разве можно уходить, ведь басурман еще пойдет,— говорит Багаутдинов своему сержанту, который предложил идти подлечиться.— Отобьем все атаки, потом пойду, товарищ сержант,— добавил он.

Санитар Раскин поправляет свою повязку. Он ранен в ногу, но тоже отказался покинуть поле боя. Сделав сам себе перевязку, Раскин, пока можно было наступать на ногу, преодолевая боль, продолжал оказывать помощь раненым. В таком состоянии он вынес с поля боя более десяти тяжело раненных воинов. Сейчас Раскин лежит. На плащпалатке его уносят в медпункт батальона.

Сержант Худайбердиев тряпочкой протирает «лимонки»: во время боя их присыпало землей, а они были смазаны.

— Надо готовиться, ведь скоро начнут,— говорит он.

Вновь встретить врага готовятся все — русский, татарин, узбек и казах, украинец и белорус. Встретить и победить врага — их единое стремление, одно желание. Они готовы к бою.

Боевая дружба народов! Перед нами было одно из наиболее ярких ее проявлений.

День второй

В предрассветном небе шестого июля, как догорающие свечи, гасли звезды. На опушке рощи Журавлиной, где сейчас находились гитлеровцы, взлетали ракеты, разрезая темноту тонкими огненными полосами.

Когда гасли ракеты, вновь начинали перекликаться пулеметы, автоматы. Но солдаты на это не обращали внимания — они спешили быстрее закончить укрепление своих позиций.

Вчерашний бой убедил нас, что сегодня враг не станет атаковать крупными силами с фронта. Он уже там поломал себе зубы. Теперь создались благоприятные условия для нанесения удара по нашей дивизии с правого фланга. Учитывая вероятное направление главного удара фашистов, мы в течение ночи скрытно провели перегруппировку своих сил, создали сильный резерв.

В восемь часов утра с направления Смородино — Журавлиный — Гремучий противник силою до дивизии пехоты при поддержке более двухсот танков и полусотни самолетов перешел в наступление двумя группами.

Одна, обойдя нашу дивизию с тыла, нанесла удар в направлении Рождественка — Новые Лозы — Гостищево силою до двух пехотных полков и до ста танков.

Вторая группа — в направлении Вислое — Терновка — Шопино — в центр обороны дивизии силою до пехотного полка и более сотни танков¹.

В это время мы находились на наблюдательном пункте на высоте 209,5, откуда хорошо просматривалось поле боя. Пожалуй, никто из присутствовавших тогда со мной рядом никогда не видел за два года войны такого количества вражеских танков, одновременно бросившихся в атаку.

Поле казалось тесным для этих бронированных машин, в тучах пыли и в дыму накатывавшихся на дивизию. Создавалось такое впечатление, что

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 6 Гв. А, д. 250, оп. 5113, л. 17.

против этой лавины брони и огня никто не сможет устоять.

Завязалась ожесточенная схватка. Тот, кто участвовал в ней, думаю, не забыл, какой она была кровопролитной и героической.

Неистовые бомбежки, десятки танков с черными крестами, ползущие к нашим позициям, непрерывный гром орудий, лязг гусениц, костры подожженных танков, черный от копоти пот на лицах воинов из орудийных расчетов, смерчи разрывов, многоголосый крик «Ура!» — таким запечатлелся тот день в моей памяти.

Не знаю, о ком сейчас рассказывать, какими словами поведать о том, что было шестого июля на участке обороны дивизии в районе Обоянского шоссе. Один за другим проходят передо мной однополчане — солдаты, сержанты, офицеры, стрелки, пулеметчики, артиллеристы, минометчики, саперы, связисты, медики, шоферы и ездовые. Ни один не уступал в героизме другому. Хотя время не сохранило в памяти все имена, но все они живут в моем сердце.

Вот и сейчас, почти через сорок лет, я будто снова наяву вижу картину жестокого сражения.

После упорного боя в некоторых местах вражеским танкам все же удалось ворваться на передний край нашей обороны с правого фланга. В эту брешь немедленно бросилась фашистская пехота. Воины дивизии встретили врага огнем всех видов оружия.

Стрелковые батальоны майора Николая Ситникова и капитана Григория Покатаева огнем отсекали вражескую пехоту от танков. Она залегла, не доходя до переднего края обороны. Но танки, несмотря на понесенные потери и ураганный огонь наших орудий, продолжали упорно двигаться вперед.

Тогда наши стрелки и пулеметчики легли на дно окопов, пропуская танки. Потом одни били из автоматов и пулеметов по пехоте, чтобы не дать ей приблизиться к переднему краю, другие забрасывали гранатами и бутылками с горючей жидкостью танки. Ни один человек не дрогнул, не покинул своего места.

Прорвавшиеся через траншеи танки без пехоты метались по полю, подставляя свои борта орудиям приданных нам истребительно-противотанковых артиллерийских полков, артполка дивизии подполковника Павла Губарева, противотанковым ружьям роты старшего лейтенанта Ивана Галагана. Саперы подползали к танкам, подкладывали под них мины.

Отражая одну такую атаку, комсомолец Галаган оказался рядом с расчетом сержанта Иванова. Вражеские танки, ведя огонь из пушек и пулеметов, стали подходить к траншее. Вдруг ружье бронейщика Абдрахманова замолчало. Галаган, почувствовав что-то неладное, бросился к нему. Абдрахманов был убит.

Танк уже был в восьмидесяти — ста метрах от Галагана. Старший лейтенант взял ружье, прицелился и выстрелил, потом еще и еще раз, но танк продолжал идти. Вот он подошел к окопу на 15—20 метров. Комсомолец Галаган тщательно прицелился и выстрелил еще раз. Танк, резко сделав полуоборот на одной гусенице, остановился, подставив свой борт бронейщикам. Завершила дело бутылка с горючей смесью, брошенная солдатом Федором Петровым.

От выстрела бронейщика Сергея Селиванова остановился второй танк. Едва Галаган успел снять с бруствера ружье и пригнуться, как на траншею навалилась черная громада, посыпалась земля, в лицо ударила удушливая гарь. Вражеский танк, перевалив через траншею, не отошел и десяти метров, как сержант Борис Иванов двумя гранатами подбил его.

Группа танков подошла к огненным позициям артиллеристов. Батарея капитана Ковтуна подожгла несколько машин. Но это не остановило противника. Танки, ведя огонь с ходу, устремились вперед. Расчет парторга батареи старшего сержанта Шишкина первыми же выстрелами подбил два танка, но остальные открыли огонь по нему. Один за другим падали артиллеристы, но они успели поджечь еще два танка.

Шишкин остался один, но его орудие по-прежнему вело смертоносный огонь. Он действовал за

командира, наводчика, заряжающего. Подбита еще одна машина. Один из танков, обойдя горевшие, пытался смять орудие Шишкина, но Алексей опередил его и подбил в ста метрах от огневой позиции. Лишь следующему танку удалось смять орудие Шишкина.

Шишкин прыгнул в щель. Танк прошел над его головой. Тотчас же Алексей выскочил из щели и бросил противотанковую гранату и бутылку с горючей смесью. Машина загорелась. Теперь коммунист Шишкин бил из автомата. За подвиг, совершенный 6 июля, Алексей Дмитриевич Шишкин был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Наводчик 3-й батареи младший сержант Иван Тареев в этот день подбил танк и самоходно-артиллерийскую установку.

Орудие парторга батареи сержанта Латышева атаковала пехота, поддержанная танками. Но отважные артиллеристы прямой наводкой расстреливали гитлеровцев. Загорелся танк, задымила бронемашина. Падали подкошенные фашистские автоматчики. Не выдержав огня орудия Латышева, враг отошел в лощину и открыл огонь с места. Потом гитлеровцы вновь поднялись в атаку.

Рядом с расчетом рвались снаряды, летели осколки и пули. Но никто из артиллеристов не обращал на это внимания. Бойцы были заняты своим делом: непрерывно посылали снаряд за снарядом в атакующего врага.

Смертельно ранило замкового Вишневого. Он упал на лафет орудия. Вскоре погибли наводчик Свитин, ящичный Ибрянов.

Командир орудия Латышев занял место Свитина и с заряжающим Тихомировым продолжал бой. Враг подходил все ближе и ближе. Кончились снаряды. Латышев и Тихомиров стали стрелять из автоматов. Выбрав момент, они положили на лафет тела боевых друзей.

Фашисты вновь поднялись в атаку. Вражеская пуля сразила Тихомирова. Парторг Латышев взял гранаты, поднялся и, стреляя на ходу, пошел навстречу атакующим гитлеровцам...

Когда этот участок очистили от врага, красно-

армейцы нашли противотанковое орудие и на его лафете — тела героев-артиллеристов. А тело командира парторга Латышева обнаружили в пятидесяти метрах впереди. Недалеко от него валялись трупы более десяти фашистов. Пять артиллеристов во главе с парторгом бились с врагом до последнего дыхания.

Стоял не прекращающийся ни на минуту грохот. Напряжение боя нарастало. Противник вводил все новые и новые силы, особенно танки, стремясь во что бы то ни стало окружить нашу дивизию.

В десятом часу вражеские танки достигли центра обороны 1243-го стрелкового полка. После упорного боя до десяти танков ворвались в деревню Шопино с тыла, около двадцати — в Терновку с запада, а до пятидесяти танков окружили и захватили Непхаево.

Стрелковый батальон капитана Покатаева оказался в кольце врага. Батальон, заняв круговую оборону, продолжал биться. Прорвавшиеся в Терновку танки пытались с ходу захватить переправу и форсировать Липовый Донец. Но путь им закрыла наша артиллерия.

Командир огневого взвода пятой батареи лейтенант Владимир Воздвиженский выдвинул свои пушки на прямую наводку. А его старший брат, командир этой же батареи Александр Воздвиженский, орудиями другого взвода открыл огонь с закрытых позиций.

Наводчик орудия прямой наводки вышел из строя, за наводчика встал командир взвода Владимир Иванович Воздвиженский. Он подбил четыре танка. За этот подвиг он удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени. Батарея Воздвиженского не позволила вражеским танкам прорваться к переправе.

Чуть правее от взвода Воздвиженского огонь по танкам из 122-мм гаубицы открыл расчет свердловчанина старшего сержанта Степана Лазаревича Холкина. Недалеко от него отбивался от танков, которые пытались захватить переправу, другой свердловчанин — Александр Павлович Яковлев. А свердловчанин Яков Илларионович Горбунов со своей пушкой отражал танковые

атаки юго-восточнее шопинской церкви. Все эти артиллеристы — из Туринского района, и все трое были награждены орденами: Холкин — Отечественной войны 2-й степени, Яковлев и Горбунов — Красной Звезды.

Наводчик Иван Андреевич Дайнеко, заменив раненого командира орудия, выкатил свою пушку на прямую наводку и вступил в бой с танками. Получив ранение, он сделал сам себе перевязку и продолжал стрелять. Расчет быстро сменил огневую позицию и стал отражать вторую танковую атаку.

Об этом бое на страницах дивизионной газеты «На защиту Родины» сам Дайнеко рассказывал так: «...сосредоточив на нашем участке 44 танка, враг был уверен, что мы не устоим, что ему удастся смять нашу пехоту, раздавить нас, артиллеристов...

Орудия выкатили на прямую наводку. Прицел — 30. Первый бронебойный снаряд — промах. Наводчик Шевченко внес исправление и вторым снарядом попал в башню...

Стрельба из танка прекратилась. Для уверенности я еще выпустил снаряд, который угодил в моторную часть. Танк загорелся.

Воодушевленный успехом, я стал действовать увереннее. Наметил вторую цель — второй танк. С того же прицела даю команду. Снаряд пролетел мимо. Быстро проверили уровень... Следующий снаряд разорвал гусеницу. Еще два снаряда — и чудовище навсегда замерло. Шевченко вторым бронебойным попал в третий танк. При этом энергично действовали заряжающий Нелюбин и подносчик Данилов».

Я только добавлю, что весь расчет был награжден, Иван Дайнеко получил орден Красного Знамени.

Когда я вспоминаю Курскую битву и подвиг медицинских работников, передо мной всегда возникает небольшого роста, одетая в красноармейскую гимнастерку, с санитарной сумкой через плечо, санинструктор Катя Антипенко.

Эта жизнерадостная певунья, комсомолка, не

по летам сильная и выносливая девушка всегда находилась в боевых порядках пехотинцев, в самом пекле. Ее спокойствие удивляло многих.

Это ей далось не сразу. Сама Катя потом признавалась:

— Сначала было страшно, а потом привыкла... Я ведь с первого дня войны на фронте.

Да, она, пройдя школу мужества, преодолела страх и научилась ценить жизнь солдата выше своей.

...Комсорг Виктор Бунаков однажды с гордостью сказал мне:

— Катя у нас обладает какой-то чудодейственной силой. Бывает, закручинится кто-либо из красноармейцев — она появляется рядом и начинает вести душевные разговоры. Смотришь: боец повеселел, ободрился, готов биться с фашистами за двоих. В бою храбрости ей не занимать. Она героиня...

Вот что стало мне известно о подвиге Кати шестого июля. За день боев она оказала помощь нескольким десяткам раненых, а 15 тяжелораненых вытащила с поля боя. Когда медсестра положила на плащ-палатку пятнадцатого раненого и поползла, враг усилил огонь. Пуля ранила ее в руку. Ползти стало еще тяжелее, но Катя не сдавалась. Проползла опасный участок сквозь ливень огня, потом собрала последние силы, взвалила раненого на плечи и, пригибаясь под его тяжестью, пошла. Она не помнила, сколько шла, но раненого донесла до медпункта. Здесь силы ей изменили. Обессиленная, почти без чувств, Катя опустилась на землю рядом с бойцом. Она потеряла много крови.

В медпункте все удивились, как она, будучи раненной, донесла на себе здоровяка солдата.

Через несколько дней Катя вновь вернулась на передовую. Когда рота поднялась в атаку, Катя пошла рядом с бойцами.

В этом бою она получила третью по счету рану, которая оказалась смертельной.

В одиннадцать часов с фронта, с направления Босяцкий, противник атаковал наш 1245-й стрелковый полк. После упорного боя враг прорвался в

траншеи полка в районе Беломестной. Там завязался рукопашный бой. С большим трудом полк отбил атаку гитлеровцев и удержал свои позиции. Однако в центре обороны дивизии положение оставалось угрожающим.

Враг вклинился в полосу обороны дивизии на несколько километров, рассек пополам 1243-й стрелковый полк, окружил батальон капитана Покатаева, захватил деревни Терновку, Вислое и часть Шопино.

Командующий армией генерал И. М. Чистяков срочно перебросил нам на помощь 496-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

Перед комдивом встал вопрос: какие принять меры, чтобы не позволить противнику развить успех?

Можно было выдвинуть на рубеж Новые Лозы — Дружный — Калинин дивизионные резервы и прибывший 496-й иптап, усилить оборону дивизии, не дать гитлеровцам форсировать Липовый Донец и там остановить их наступление. Но можно было попытаться немедленно, не дав противнику закрепиться в захваченных населенных пунктах, нанести удар, отбросить назад.

После некоторого колебания полковник Говоруненко остановился на втором варианте. Дивизионные резервы, усиленные 496-м иптапом, при поддержке 96-й танковой бригады и огня всей приданной поддерживающей дивизию артиллерии контратаковали гитлеровцев. Результаты контратаки подтвердили правильность принятого решения. В данном случае решающим фактором оказалось время. Ведь получив передышку, неприятель сумел бы закрепиться, подтянуть резервы. Тогда борьба с ним была бы затруднена. Контратака спутала карты немцам.

Удар оказался настолько неожиданным для врага, настолько сильным и стремительным, что гитлеровцы, побросав много оружия, оставив на поле боя десятки догорающих танков, несколько сот трупов, вынуждены были беспорядочно отступить. Наши контратакующие части освободили Терновку, Вислое и Шопино, вышли к своим прежним позициям. Стрелковый батальон капитана Покатаева.

ведущий бой в полном окружении, контратакой прорвал кольцо окружения и соединился со своим полком.

Тяжелый, утомительный день шестого июля медленно подходил к концу. Небо подернулось облаками. Но ни на минуту не умолкал гул моторов. Казалось, не только земля, но и небо содрогалось от их рокота. Вот на горизонте вновь появляются фашистские бомбардировщики. Они быстро выстраиваются в круг и начинают пикировать на боевые порядки дивизии. Чувствуется, гитлеровцы злятся. Да, есть на что злиться. Сколько за день израсходовали они бомб, сколько бросали в атаки танков, пехоты, а окружить дивизию и продвинуться вперед не смогли.

Наши «яки» не дают фашистским летчикам сорвать свое зло за сегодняшнюю неудачу, налетают и рассеивают их. Строй бомбардировщиков нарушается. Они торопливо сбрасывают бомбы и скрываются за облаками.

Один из самолетов, не успев бросить бомбы, рухнул на землю недалеко от хутора Ерик, а другой загорелся и упал у Заготскота.

Из деревень Терновка, Вислое, где уже размещались наши полковые медпункты, потянулись в медсанбат санитарные машины, повозки с тяжело ранеными. Навстречу им нескончаемым потоком мчались грузовики, парные повозки, до отказа нагруженные боеприпасами. Они обгоняли походные кухни, идущие на передовую с полными котлами борща и каши.

Наконец на землю спустились сумерки. Но на участке дивизии бой еще не утих. Слышались могучие крики «ура!», звуки автоматных и пулеметных очередей, разрывы снарядов и мин. Это воины стрелковых полков подполковника Василия Барина в районе Босяцкого и подполковника Василия Фролова у хутора Ерик очищали свои траншеи от прорвавшихся в них гитлеровцев.

Вдруг в небе вырисовались огненные стрелы наших «катюш», и через несколько секунд вспыхнуло море огня в районе Гонки. Позже из показаний пленных нам стало известно, что этот залп попал

в скопление вражеских автоматчиков, готовых броситься в атаку. Атака была сорвана.

Так кончился второй день боя у Обоянского шоссе вблизи хутора Ерик и деревни Шопино. Отбив за день двенадцать яростных атак, Уральская дивизия удержала свои позиции, не отступила.

В журнале боевых действий 6-й гвардейской армии появилась запись: «...после ожесточенных боев на улицах Шопино, Терновки, Вислое атаки пехоты и танков противника были отбиты, враг выбит из этих населенных пунктов...»

К исходу дня 375-я с. д. восстановила свое положение и продолжает вести бой на рубеже: Вислое, Терновка, Шопино, выс. 211,6, выс. 190,5, Черная Поляна, отбивая многочисленные атаки противника»¹.

Военный совет и командующий 6-й гвардейской армией генерал-лейтенант И. М. Чистяков за умелые боевые действия, за мужество и героизм, проявленные в боях 6 июля, объявили всему личному составу дивизии благодарность.

Ни шагу назад!

Утром седьмого июля гитлеровцы крупными силами вновь атаковали наши позиции. Снова в районе Шопино, Вислое, Черная Поляна гремели бои. Фашисты отлично понимали, что если они не сумеют расширить узкий клин, который с таким трудом вбили в центре 6-й гвардейской армии, то он может стать для них могилой. Они дрались с остревением, любой ценой стремились сломить сопротивление уральской дивизии.

Не только для нас, но и для всего Воронежского фронта была важна каждая минута, каждый метр, выигранные в этом бою, на этом участке.

Пулеметную роту 1245-го стрелкового полка, которой командовал бывший электрик Ревдинского метизно-металлургического завода старший лейтенант Константин Краснов, атаковала группа танков с пехотой.

¹ Архив МО СССР, ф. 6 Гв. А, д. 250, л. 17.

Наша артиллерия била по танкам, а пулеметчики — по пехоте, отсекая ее от танков. Далеко до позиции пулеметчиков от артиллерийского огня загорелось несколько танков, но остальные, прибавив ход, ринулись вперед.

Пулемет сержанта Сиротина затрясся от неистовой пальбы. Скошенные огнем, падали фашисты. Увлечшись яростной схваткой, Сиротин не заметил, что к нему с левой стороны подходит танк. Еще одно мгновение, и он раздавил бы пулеметчика. Но, к счастью для Сиротина, другой пулеметчик, стрелявший рядом, крикнул:

— Танк слева!

Сиротин оглянулся: на него шла черная громада. Сержант не растерялся: взял гранату и быстро присел на дно окопа. Потом все произошло как на занятиях. Когда танк прошел через траншею, Сиротин бросил гранату под гусеницу. Танк завертелся на месте, стреляя из пулемета.

— Ему еще мало! — крикнул старшина Хацкевич и швырнул бутылку с горючей смесью. Огненные ручейки потекли по танку, а вскоре раздался взрыв.

Снова застучал пулемет Сиротина, выбрасывая снопы огня в сторону фашистов, которые поднялись в атаку.

На правом фланге несколько танков задержались, стали утюжить траншею пулеметчиков. Наши артиллеристы прекратили огонь по ним, боясь поразить своих.

Командир роты Краснов открыл огонь из противотанкового ружья. Но пули, выпущенные с далекого расстояния, не пробивали броню. Тогда командир по ходу сообщения приблизился к танкам на 15—20 метров. Гранатой он подбил один танк, а другой поджег бутылкой с горючей смесью. Гитлеровцы заметили старшего лейтенанта, открыли по нему огонь и тяжело ранили. Коммунист Краснов, собрав последние силы, крикнул своим солдатам:

— Ни шагу назад! Удержать позицию! — И бросил еще одну противотанковую гранату под танк, который почти вплотную подошел к его окопу.

Танк подорвался, но погиб и коммунист Константин Краснов.

Ворвавшиеся в траншею гитлеровцы были отброшены назад. Солдаты выполнили приказ своего командира.

Константина Иосифовича Краснова помнят не только однополчане, но и ревдинцы. Сейчас одна из улиц Ревды носит имя Константина Краснова.

Седьмого июля части дивизии отбили восемь атак пехоты и танков и удержали свои позиции.

Вечером в журнале боевых действий 6-й гвардейской армии появилась запись:

«7/VII—43 г. 375-я с. д. продолжала оборонять прежний рубеж, отбивая многочисленные атаки противника.

В 10.00 группа до 100 танков и до одного полка пехоты неоднократно пыталась атаковать боевые порядки дивизии.

Пехота совместно с артиллерийским огнем при поддержке нашей авиации оказывала упорное сопротивление. Мужеству и стойкости уральцев не было предела...

Атаки противника с большими для него потерями были отбиты.

К исходу дня войска дивизии продолжали прочно удерживать прежний рубеж»¹.

Гитлеровским войскам не удалось и седьмого июля захватить Обоянское шоссе у Шопино, столкнуть уральскую дивизию с обороняемого рубежа.

Облик убийц

В блиндаже начальника разведки капитана Исаака Львовича Тульчинского — пленные гитлеровцы.

Достаточно одного взгляда, чтобы определить, что гитлеровцы — из танковой дивизии «Мертвая голова». Эти — не эрзац-войаки, а выдавшие виды головорезы, чистокровные фашисты. Теперь они, правда, не такие, какими были 5 и 6 июля, когда с тупым упрямством, выполняя приказ своего

¹ Архив МО СССР, ф. 6 Гв. А, д. 250, оп. 5113, л. 18.

фюрера, закованные в броню «тигров», «фердинандов», беспрерывно атаковали наши позиции.

Вот финал. Некоторые нервно перебирают дрожащими пальцами пуговицы, полы своих кителей или бессильно мнут пилотки, шлемы.

Из-под насупленных бровей злобно блестят глаза пленного, что сидит напротив меня. Фашист дерзко отвечает на вопросы. Чувствуется, что спесь с него еще не сошла. Он, очевидно, еще уверен в превосходстве своего оружия и в непогрешимости тактики своих генералов.

— Меня постигла неудача,— говорит он,— но наши танкисты еще покажут вам свою силу.

— Уже показывают,— улыбаясь, отвечает ему Тульчинский,— здорово горят ваши танки.

В ходе допроса выяснилось, что все пленные воюют не первый год. Отмечены наградами. Из пяти сидящих здесь четверо победно маршировали по многим странам Европы. Участвовали в боях под Москвой. Тем ценнее их признания.

— Мы наступаем, чтобы достичь какого-нибудь конца,— говорит один из них, бывший мясник, хозяин магазина в Берлине.

— Удачный конец выпал вам,— замечает начальник разведки,— попали в плен и остались живыми. Хуже тем, которых настигли пули советских солдат.

— Я был во Франции и в Польше,— заявляет обер-ефрейтор,— но такие потери я вижу впервые. За два дня наша рота потеряла более 50 человек.

— В нашей роте из 105 человек осталось 45,— добавляет другой.

— У нас большие потери, из 70 танков в полку осталось только 40,— признается хозяин колбасного магазина.

Что и говорить — запоздалое и горькое признание.

Попадись эти люди в плен в 1941 или 1942 годах, наверняка они вели бы себя иначе. Я видел тогда очень часто, что не только офицеры, но и рядовые гитлеровцы вели себя нахально, не отвечали на вопросы, а некоторые на допросах даже кричали «Хайль Гитлер!». Но теперь не октябрь

сорок первого, а июль сорок третьего. Битвы под Москвой, Сталинградом и железная стойкость советских воинов здесь, на Курской дуге, надломили их моральный дух. Поэтому они и стали разговорчивыми, вытягиваются в струнку перед советским офицером.

Да, пятого и шестого июля они шли в большое летнее наступление. За жизненным пространством, за землей. Ну что ж, они ее получили — только на участке обороны дивизии с 5 по 21 июля около пяти тысяч гитлеровцев оказались навечно в советской земле. 138 танков и 22 самоходных установки уничтожили бойцы нашей дивизии.

У одного из убитых фашистов в бумажнике среди порнографических фотографий мы нашли письмо от жены. Она уже не заказывала своему мужу-грабителю пару туфель. Нет, она в страхе молила: «Приезжай скорей, нас разбомбили». Теперь ее муж больше не пошлет посылки и сам не вернется. Он зарыт у хутора Ерик.

Стальные клещи

Восьмого июля ожесточенные бои на участке обороны дивизии продолжались. В течение дня дивизия, поддержанная 496-м иптапом, 142-м и 93-м пушечными артиллерийскими, 263-м минометным полками, 96-й танковой бригадой и другими частями и подразделениями, отбила семь атак пехоты и танков врага.

Немцы потеряли убитыми и ранеными до восьмисот солдат и офицеров, на поле боя оставили 27 подбитых, сожженных танков, 6 самоходных установок, 9 бронетранспортеров¹.

Восьмого июля еще более ожесточенные бои развернулись на нашем левом фланге, в полосе обороны 7-й гвардейской армии.

Сосредоточив к утру на узком, в 3—4 километра участке до 250 танков, враг развернул наступление против 81, 92 и 94-й гвардейских стрелковых

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 1, оп. 484429, л. 10.

дивизий в направлении Мелихово. После упорного боя, в 16.00, прорвав оборону 81-й гвардейской стрелковой дивизии, противник захватил Старый Город, Ближнюю Игуменку и Севрюково. Но дальнейшего развития атака не получила.

В 17 часов последовал второй удар. Ценой больших потерь гитлеровские войска в 19 часов, прорвав оборону 92-й гвардейской стрелковой дивизии, ворвались в Мелихово¹.

Наша дивизия оказалась охваченной стальными клещами врага с правого и левого флангов. Между ними остался «коридор» в 8—9 километров.

Учитывая сложившуюся на участке 375-й дивизии обстановку, командующий войсками Воронежского фронта генерал Н. Ф. Ватутин приказал оперативно подчинить ее командиру 35-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал С. Г. Горячев.

В ночь на девятое июля мы привели в порядок подразделения: накормили людей, пополнили боеприпасы, заменили выбывших из строя командиров, политработников, похоронили погибших, по возможности организовали отдых. Там, где позволяла обстановка, провели летучие партийные и комсомольские собрания, на которых прямо говорили о резком ухудшении положения нашей дивизии.

Участники собраний поклялись не отступать, если даже враг закроет «коридор» в тылу дивизии, драться до последней капли крови. После этих собраний многие воины подали заявления о вступлении в партию и комсомол. Только за ночь на 9 июля было принято в партию 51 человек, в комсомол — 29. Партийная комиссия политотдела и партийное бюро частей заседали непрерывно. Заседания проходили в боевых порядках батальонов. Всего за три дня оборонительных боев дивизии в партию вступило 210 человек, в комсомол — 121.

Инструктор политотдела капитан Павел Клименов, рядовые Клавдия Карпова и Анна Поно-

¹ См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва М.: Воениздат, 1970, с. 157.

марева без сна и отдыха заполняли партийные билеты, а я в ходе боя вручал их вновь принятым.

Очень тяжело приходилось в то время штабу дивизии, от четкости работы которого зависело многое. Однако штаб во главе со своим начальником подполковником Константином Михайловичем Ложко внимательно следил за обстановкой на фронте дивизии и у соседей, организовывал бесперебойную связь с частями.

С рассветом немцы открыли артиллерийско-минометный огонь, стали бомбить наши позиции с воздуха. Вскоре в атаку пошли танки и пехота.

Кровопролитный бой развернулся в районе хутора Постникова и Дальней Игуменки. Гитлеровцы пытались любой ценой замкнуть кольцо вокруг уральской дивизии. Авиация и артиллерия врага, усиливая удары, обрушивала бомбы и снаряды на боевые порядки наших полков. Вся оборона дивизии затянулась дымом и пылью. Десятки вражеских танков горели на поле боя, два горящих самолета упали недалеко от нашего наблюдательного пункта. Ценой огромных потерь противник продвинулся еще на 1,5—2 километра, но танки противника совместными усилиями воинов нашей, 81-й, и 92-й гвардейских дивизий были отброшены. К исходу дня атака фашистов захлебнулась.

В районе хутора Постникова до сорока танков врага ворвались в оборону 1241-го стрелкового полка и устремились к огненным позициям артиллерии. У некоторых воинов, особенно у тех, кто только что ночью прибыл на передовую, нервы не выдержали. Часть солдат побежала назад. Оставили орудия и некоторые артиллеристы. Наступил критический момент.

Находившийся на своем наблюдательном пункте заместитель командира противотанковой батареи лейтенант Евгений Путинцев выскочил из окопа и побежал навстречу бегущим. Он бросился к противотанковой пушке, оставленной расчетом, зарядил ее и первым же выстрелом поджег передний танк. Путинцев у нас в дивизии считался снайпером-артиллеристом. Лейтенант потянулся за другим снарядом и увидел бегом возвращаю-

щийся расчет. Путинцев зарядил пушку еще раз и подбил второй танк.

Всего 80—100 метров отделяло орудие Путинцева от идущих вражеских танков и пехоты. В это время прогремели выстрелы нескольких орудий правее и левее лейтенанта. Недалеко от него застрочили станковые, ручные пулеметы и автоматы. Это вернулись солдаты, чтобы вместе с офицером встретить врага. Лейтенант подбил еще один танк, но был смертельно ранен.

Мужество, личный пример коммуниста Евгения Владимировича Путинцева спасли положение, предотвратили панику. Мстя врагу за жизнь Путинцева, расчет подбил еще несколько танков. Всего в том бою был подбит 21 танк, уничтожено более двухсот гитлеровцев, несколько десятков взято в плен, в том числе командир роты танковой дивизии¹.

На этом участке гитлеровцам не удалось продвинуться вперед ни на шаг. Но «коридор» в клещах сузился еще на 2—3 километра. Угроза окружения нашей дивизии стала еще реальнее. Телефонная связь с командиром корпуса прервалась, радио вышло из строя.

Оценив обстановку на участке 375-й стрелковой дивизии, в 1.45 10 июля командир корпуса генерал Горячев направил письменный приказ командиру дивизии полковнику Говоруненко немедленно вывести дивизию из мешка «в направлении Киселева и к 6.00 10/VII — 43 г. занять оборону: Киселева, по юго-западному скату выс. 211,5 (иск) МТС, западнее Шляховое, Сабынено.

Задача: не допустить прорыва пехоты и танков противника в направлении Сев.-зап.»².

К сожалению, этот приказ мы получили с большим опозданием, только в 7 часов утра 10 июля. А в бою опоздание с выполнением приказа не только на несколько часов, но и на несколько минут грозит смертельной опасностью.

Выполняя приказ комкора, дивизия стала вы-

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 1, оп. 484429, л. 10.

² Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 1, оп. 80526, л. 39.

ходить в новый район днем, на глазах противника. Но наш выход из мешка поддерживали своим огнем и боевыми действиями части 89-й гвардейской стрелковой дивизии. Мы еще не успели выйти в район Сабынено, как получили новый приказ: занять рубеж обороны Жиломестное, Малое Яблоново, Шахово, не допустить прорыва танков противника на восток¹.

В этом районе дивизия совместно с войсками 5-й гвардейской танковой армии с 12 по 20 июля вела тяжелые оборонительные бои, участвовала в знаменитом Прохоровском сражении. Отдельные населенные пункты — Тетеревино, Лески, Рындинка, Щелоково — часто переходили из рук в руки, но все же остались за нами.

Выход крупных танковых соединений врага в район Выползовки, Ржавец, Шипы создал угрозу войскам 69-й армии, действовавшим между Северным Донцом и Липовым Донцом. Командующий армией генерал В. Д. Крюченкин 14/VII — 43 г. приказал отвести войска на армейскую полосу обороны².

Очень тяжелую задачу поставил командарм перед нашей дивизией, вошедшей в состав этой армии с 12 июля: остаться на занимаемом рубеже и «прикрыть отход частей 81-й, 89-й и 93-й гвардейских стрелковых дивизий»³.

В течение 14 июля части дивизии снова вели упорные бои с превосходящими силами врага. Битва стала еще ожесточеннее, когда начался отход соседних дивизий.

На рассвете 15 июля до 60 танков и до полка пехоты атаковали наши части. Уральцы весь удар приняли на себя. Пока мы отбивали атаки, соседние дивизии успели выйти на назначенный рубеж в северо-восточном направлении. В этом бою, подбив 17 танков и уничтожив много живой силы, мы остановили врага.

¹ Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 1, оп. 80526, л. 40.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. III, с. 275.

³ Архив МО СССР, ф. 69 А, д. 390, оп. 10753, л. 32.

По приказу командарма, прикрывшись усиленными отрядами, дивизия стала выходить из боя. Полковник Говоруненко выдвинул на фланги боковые охранения. Дивизия организованно двигалась вдоль лога Сухая Плота. После отбитых атак враг несколько утихомирился. Утренний туман прикрывал нас с воздуха. Но вскоре наше движение затруднила «пробка», образовавшаяся из автомашин и повозок, брошенных ночью отходящими дивизиями. Движение замедлилось. Враг стал наседавать с фронта и флангов.

Первая колонна во главе со штабом и командиром дивизии прошла Яр Козонец. Около 9 часов при подходе второй нашей колонны в Яр Козонец наступающие танки противника из района Шахово и передовой отряд врага из района Беленихино, смяв наши боковые охранения, вышли к логу Сухая Плота в районе Малого Яблоново. Фашисты открыли шквальный огонь с восточного и западного отрогов лога по нашей колонне. Враг отрезал нам путь отхода. Возникшая от внезапного флангового огня противника паника была до известной степени ликвидирована. Из-за отсутствия строевых офицеров мне пришлось принять командования разрозненными подразделениями. Долго размышлять не оставалось времени, мы были в очень невыгодном положении, требовалось действовать немедленно. Собрав бойцов, мы атаковали врага, преградившего нам путь. Уничтожили много автоматчиков, подбили один танк, но и сами понесли большие потери. Идущие за нами подразделения также быстро развернулись в боевой порядок и с боем стали пробиваться вперед. К полудню мы прорвались через вражеское кольцо, вышли в район деревни Дальний Должник и заняли оборону.

Вскоре гитлеровцы вновь подошедшими танками и пехотой атаковали наш арьергард, который, сдерживая наседающего врага западнее Малого Яблоново, еще только двигался на новый рубеж. Гитлеровцы окружили его. Воины приняли неравный бой на открытом месте и бились до последнего патрона и снаряда.

Артиллеристы противотанкового дивизиона в упор расстреливали танки врага. Когда же кончи-

лись боеприпасы, они во главе с заместителем командира дивизиона по политчасти майором Митрофаном Петровичем Угличем поднялись врукопашную. Герои-артиллеристы подбили гранатами еще три танка, уничтожили многих автоматчиков, но пробиться к своим не смогли и погибли в неравном бою.

Несмотря на большие потери в бою у Малого Яблоново, дивизия сохранила боеспособность и могла не только драться в обороне, но и перейти в наступление. И вскоре это пришлось сделать. Отбив несколько сильных немецких атак на рубеже Верин — Новоселовка — Дальний Должик, на рассвете 20 июля наша дивизия в составе 48-го стрелкового корпуса 69-й армии Степного фронта перешла в наступление и освободила Малое Яблоново, Плоту, Лески, Малиновку, Волобуевку, Шахово, Чурсино.

Шестнадцать дней и ночей в кровопролитнейших боях сдерживала наша дивизия бешеный натиск отборных танковых и пехотных частей фашистской армии севернее Белгорода. Все это время над позициями уральцев небо и земля были наполнены гулом моторов, воем, разрывами снарядов и бомб. Шла не виданная доселе битва.

Воины 375-й стрелковой дивизии давали клятву выстоять и выстояли. Враг прорвал оборону наших соседей слева и справа — фашистские танки и мотопехота наседали на уральскую дивизию с трех сторон, но она держалась.

138 подбитых, сожженных танков, семь самолетов, около пяти тысяч солдат и офицеров потерял враг, пытаясь сдвинуть дивизию с ее оборонительных рубежей.

Конечно, такая битва не могла не сказаться и на нашей дивизии. Она нуждалась в отдыхе, в пополнении людьми, оружием.

В ночь на 21 июля, сдав занимаемый рубеж другим соединениям, 375-я стрелковая дивизия вышла в резерв командующего 69-й армией и стала готовиться к новым боям.



ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

Даешь Белгород!

И вот наконец настало время показать фашистским войскам, что дивизия умеет не только насмерть стоять в обороне, но и владеет искусством наступать.

Пришла пора отплатить гитлеровским убийцам за смерть Краснова, Углича, Чупрова, Путинцева и сотен других наших боевых друзей, кровью и жизнью преградивших врагу путь на Курск.

Приказ о переходе в решительное контрнаступление в направлении Белгорода получен. Дивизия заняла исходные позиции в роще севернее деревни Вислое.

В 5 часов 3 августа раздался сигнальный залп «катюш». Не медля ни минуты, тысячи орудий Степного фронта ударили по врагу. В небе зарокотали моторы бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей пятой воздушной армии генерала С. К. Горюнова.

В это время я находился на наблюдательном пункте, откуда хорошо было видно, с какой страшной силой бушует огонь в расположении врага. Над его позициями поднялась сплошная стена черного дыма, огня и пыли. Обработка переднего края обороны противника продолжалась более двух часов.

Когда артиллерия перенесла огонь в глубину обороны фашистов, воины 1243-го стрелкового

полка под командованием майора Ф. С. Дзгоева и 1245-го стрелкового полка подполковника А. Н. Калинина, прижимаясь к огневому валу, во взаимодействии с 96-й танковой бригадой, при поддержке 1846-го иптапа, 263-го минометного полка, дивизиона 309-го гвардейского минометного полка ринулись в атаку.

Герои оборонительного сражения шли вперед, на Белгород, окрыленные победой. В бой шли люди, тысячи раз смотревшие смерти в глаза.

На войне в солдатской жизни нет ничего более значительного, чем дни наступления, нет радостнее праздника, чем победа, вырванная у врага в жестоком бою.

Наш удар оказался сокрушительным. За два дня наступления дивизия освободила Вислое, Терновку, Шопино (Зап.), Кондырево, Босяцкий, 4 августа завязала бой за Ячнев Колодезь. Наш правый сосед — 305-я стрелковая дивизия — освободила Заготскот, Ближне-Ивановский и вышла к Оскочному, а левый сосед — 89-я гвардейская стрелковая дивизия — заняла Калинин, Шопино (Юж.), Дом инвалидов и Черную Поляну¹.

Наступать было очень трудно, гитлеровцы создали сильную и глубокоэшелонированную оборону.

Узел сопротивления врага — Ячнев Колодезь — прикрывал Белгород с севера, был сильно укреплен развитой системой траншей полного профиля. Подступы к деревне были оплетены колючей проволокой в три кола и заминированы. Огневая система была построена на фланкирующем и перекрестном огне орудий и пулеметов. Только на направлении удара нашей дивизии было обнаружено до 20 дзотов. Южнее деревни находился резерв врага².

На рассвете 5 августа полк майора А. Н. Парамошкина и полк подполковника А. Н. Калинина атаковали вражеские позиции. После упорного боя наши воины ворвались в траншеи. Во многих

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 69 А, д. 414, оп. 10753, л. 13.

² См.: Архив МО СССР, ф. 375 с. д., д. 1, оп. 484429, л. 19.

местах завязалась рукопашная схватка. Гитлеровцы оказывали отчаянное сопротивление, дважды контратаковали. Однако их попытки остановить нас успеха не имели, хотя темп наступления замедлился. И все же шаг за шагом наши полки двигались вперед.

Время в наступлении играет огромную роль. Каждая минута становится решающей. Малейшая заминка дает возможность врагу перегруппировать свои силы, подбросить свежие подкрепления, занять более выгодные оборонительные рубежи.

Учитывая сложившуюся обстановку, командир дивизии полковник Говоруненко ввел в бой свежий полк майора Ф. С. Дзгоева. Полк, обойдя Ячнев Колодезь справа, при поддержке танков 96-й танковой бригады стремительной атакой вышел на шоссе Белгород—Обоянь южнее Ячнева Колодезя.

На левом фланге дивизии полк майора Парамошкина, преодолев проволочное заграждение, атаковал Ячнев Колодезь. Первыми ворвались в траншею фашистов на окраине деревни и завязали рукопашный бой воины во главе с парторгом батальона Петром Сергеевичем Гарлановым. Выбив врага из траншеи, группа камышловца Гарланова на плечах отступающих гитлеровцев ворвалась в Ячнев Колодезь и, очищая дом за домом, шла вперед. За этот подвиг многие воины этой группы были награждены, а Петр Сергеевич Гарланов получил орден Отечественной войны. Плечом к плечу с группой Гарланова героически бились за Ячнев Колодезь воины пятой стрелковой роты лейтенанта коммуниста Григория Васильевича Попова.

Смелый маневр 1243-го стрелкового полка обеспечил успех 1241-му стрелковому полку. Пал крупный узел сопротивления, прикрывавший Белгород с севера.

Падение Ячнева Колодезя значительно облегчило освобождение Оскочного 305-й стрелковой дивизией. Получили возможность быстрого продвижения вперед части 89-й гвардейской стрелковой дивизии, наступающие восточнее Ячнева Колодезя вдоль железной дороги.

Однако сопротивление фашистов еще не было сломлено. Они отчаянно дрались на окраине Белгорода, контратаками пытались остановить нас, не пустить в город. В борьбе за Белгород нам очень помог 1-й механизированный корпус генерала М. Д. Соломатина. К девяти часам передовой отряд корпуса достиг реки Везелки в районе Болховца и, с боем форсировав ее, стал развивать наступление на Грязное, обходя город с запада.

Успех мехкорпуса немедленно использовал командир нашего 48-го стрелкового корпуса. После освобождения Оскочного он направил 305-ю стрелковую дивизию корпуса также в обход Белгорода с запада на Архангельское с целью выйти в район Красного на шоссейную и железную дороги, ведущие на Харьков.

Наша дивизия, наступая вдоль шоссе Обоянь — Белгород, вышла на окраину города. Кровопролитный бой завязался западнее шоссе.

Полковник Говоруненко решил блокировать зрага западнее шоссе батальоном 1241-го стрелкового полка, а с 1243-м и 1245-м полками во взаимодействии с 96-й танковой бригадой и 89-й гвардейской стрелковой дивизией, наступающей левее нас, штурмом овладеть западной частью Белгорода.

Штурм города начался. Подавив огневые точки, отбив несколько контратак гитлеровцев на окраине города, стрелковый батальон 1243-го стрелкового полка капитана Григория Ивановича Покатаева ворвался в Белгород. В боевых порядках стрелкового батальона, на руках передвигая вперед свои орудия, в город вошла и батарея белгородца капитана Николая Петровича Ковтуна. Левее шоссе, после рукопашного боя, в город ворвались батальоны майора Николая Никитича Ситникова и майора Василия Петровича Петрова.

«Одновременно из района совхоза совместно с 375-й с. д. в город ворвались части 89-й гвардейской стрелковой дивизии»¹.

Стрелковый батальон капитана Василия Николаевича Букаева после упорного боя прорвал обо-

¹ Архив МО СССР, ф. 69 А, л. 414, оп. 10753, л. 14.

рону немцев западнее шоссе и ворвался в Белгород. Об этом бое газета 69-й армии «Вперед к победе» 9 августа 1943 года писала: «Подразделение Букаева неожиданно вышло во фланг противнику, уничтожило его огневые точки и ворвалось в город.

Завязались ожесточенные уличные бои. С боем брался каждый дом. Группа лейтенанта Блинова освободила свыше сотни зданий. Бесстрашно действовали бойцы старшего лейтенанта Попадейкина и капитана Букаева»¹.

Штурмовая группа во главе с парторгом батальона лейтенантом Исаковым, бросая шинели на проволочные заграждения, проскочила через препятствия и ворвалась в траншею фашистов на окраине города. Гранатами, штыками, огнем автоматов и огнеметов бойцы уничтожали сопротивляющихся гитлеровцев в окопах, дзотах и блиндажах. Так группа Исакова на плечах отступающих немцев ворвалась в Белгород. Очищая дом за домом, она достигла района церкви в западной части города, где ее контратаковали. Лейтенант Исаков, прикрывшись частью сил с фронта, основными силами обошел контратакующего врага справа и ударил с тыла. Завязалась рукопашная схватка. Вражеские автоматчики были полностью уничтожены.

Победа штурмовой группе досталась дорогой ценой. Многие воины погибли на улицах города, в том числе и сам лейтенант Исаков.

За белгородские бои большинство воинов штурмовой группы были награждены орденами и медалями, а лейтенант Исмагил Гилязович Исаков — орденом Отечественной войны.

Преодолевая сопротивление гитлеровцев, подразделения наших полков продвигались в глубь города. Немцы цеплялись за каждый дом, за каждую улицу, они стреляли с чердаков, из окон, из дзотов, сооруженных на перекрестках улиц. По стрелковому батальону Покатаева открыла сильный огонь вражеская батарея, замаскированная за домами. Капитан Покатаев направил ей в тыл

¹ Архив МО, ф. 69 А, д. 16, оп. 250012. Статья И. Дышловой «Белгородская битва».

взвод Мамленкова и два танка 96-й танковой бригады. Вскоре вражеская батарея прекратила огонь. Многие гитлеровцы прятались в домах, но их вылавливали автоматчики взвода. Солдаты отделения сержанта Николая Павловича Мешкунова очистили таким образом восемь домов.

В районе пивзавода батальон контратаковали несколько танков и пехота. Воины встретили врага сильным ружейным огнем, гранатами подбили два танка. Третий танк был подбит огнем взводом комсомольца Георгия Николаевича Вострова, четвертый — расчетом старшего сержанта Алексея Дмитриевича Шишкина из батареи Николая Ковтуна.

Первый номер расчета противотанкового ружья Борис Федорович Бровин заметил на крыше одного дома немецкого пулеметчика, который вел губительный огонь по стрелковой роте. Он подполз поближе и метким огнем из ПТР¹ снял пулеметчика.

В боевых порядках пехоты зачастую впереди атакующих шли саперы. Отряд разграждения под командованием лейтенанта Мирона Иосифовича Чердынцева на окраине города под огнем врага сделал в минных полях три прохода для пехоты и танков и несколько домов очистил от «сюрпризов». В отряде особо отличились саперы-алапаевцы Василий Данилович Соколов и Василий Алексеевич Тенков, которые больше других сняли вражеских мин.

В бою за пивзавод командир роты вышел из строя, командование ротой принял на себя сержант Мейшутрович Хасан и во главе роты ворвался на территорию завода. Первыми ворвались в здание завода бойцы отделения Каштаева. Они уничтожили многих автоматчиков и закрепились. Немцы контратаками пытались отбросить отделение Каштаева. В течение двух часов шел упорный бой, но захваченную часть здания Каштаев не уступил врагу до подхода своего подразделения.

Недалеко от больницы из одного дома губительный огонь открыл вражеский пулемет. Комсорг

¹ ПТР — противотанковое ружье.

батальона старший сержант Николай Андреевич Андронов подполз к дому на расстояние броска гранаты и уничтожил пулемет.

Можно назвать фамилии многих солдат, сержантов и офицеров дивизии, которые в боях за Белгород проявили храбрость и мужество, чьи действия отличались высоким наступательным порывом, дерзостью в борьбе с сильным врагом.

С выходом частей 1-го мехкорпуса к подступам Грязного, 305-й дивизии — западнее деревни Красное и соединений 7-й гвардейской армии — к реке Северный Донец, южнее Белгорода, вражеский гарнизон в городе оказался охваченным с флангов.

Под угрозой окружения фашисты решили предпринять ряд контрмер. Они спешно стали отводить свои основные силы из центра города за реку Везелка. Для обеспечения отхода главных сил гитлеровцы оставили в разных районах города сильные отряды прикрытия, чтобы в уличных боях задержать наши части.

К 18 часам центр Белгорода был очищен от противника, но до позднего вечера шли кровопролитные бои по уничтожению блокированной группы врага на окраинах — западнее шоссе у церкви в западной части Белгорода, у пивзавода, райсовета.

Только к часу ночи шестого августа части 375-й Уральской, 89-й гвардейской стрелковых дивизий и 96-й танковой бригады, очистив город от врага, вышли к реке Везелке. Наступающая в обход города с запада 305-я стрелковая дивизия к 1.00 шестого августа вела бой за деревню Красное¹.

Форсировать реку Везелку с ходу мы не смогли. Гитлеровцы, отводя свои силы за реку на рубеж Супруновка — Красное — Пушкарное, используя водную преграду, стремились укрепиться, выиграть время и дать возможность своим главным силам отойти на заранее подготовленные рубежи в направлении Харькова. Река Везелка сыграла большую роль в немецкой обороне. Ее болотистые бе-

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 69 А, «Журнал боевых действий 69-й армии», д. 393, л. 24—25.

рега исключали возможность переправы войск, а мосты были взорваны.

Ночь на 6 августа прошла в подготовке к штурму врага в Супруновке. Саперы майора Хлопова и Бояна под огнем противника строили переправы. Наша авиация и артиллерия не давали фашистам покоя.

На рассвете после артиллерийской обработки позиций врага штурмовые отряды дивизии под прикрытием артиллерийского и минометного огня начали форсировать реку Везелку. Саперы помогли им преодолеть преграду. Гитлеровцы всеми силами стремились сорвать наше форсирование, вели ураганный огонь, до 50 самолетов стали бомбить наши боевые порядки. Вновь разгорались ожесточенные сражения на земле и в воздухе.

К шести часам 6 августа стрелковый батальон капитана Покатаева, неся большие потери, форсировал реку и, отбив две контратаки врага, ворвался в Супруновку. Штурмовые группы батальона, продвигаясь от дома к дому, стали очищать деревню от гитлеровцев.

Используя успех 1243-го стрелкового полка, форсировали Везелку и остальные части дивизии. Левее нас вела бой за Супруновку 89-я гвардейская дивизия. К 8 часам Супруновка была в руках 375-й Уральской и 89-й гвардейской стрелковых дивизий. С этого часа город Белгород стал полностью свободным.

Кровью и жизнью многих лучших людей дивизии пришлось заплатить нам за эту победу — за освобождение одного из древних городов. Сколько святых для нас могил мы оставили на Белгородщине! Сколько славных воинов дивизии на всю жизнь остались инвалидами от полученных ран! Да, победа далась дорогой ценой.

В 1967 году, совершая поход по местам боев дивизии вместе с комсомольцами Свердловска, Белгород посетил тяжело раненный в боях при его освобождении бывший командир роты автоматчиков Павел Георгиевич Золотухин.

Почетное наименование

После освобождения Белгорода и Супруновки. отразив несколько контратак противника, части дивизии устремились вперед и, сломив сопротивление гитлеровцев, на рассвете 7 августа освободили Колония-Дубовое, а к середине дня — Таврово и Новую Нелидовку. Наступающая правее нас 305-я стрелковая дивизия овладела Старой Нелидовкой, а левее нас 89-я гвардейская стрелковая дивизия — Бродоком.

Фашистские войска предпринимали отчаянные попытки остановить наступление наших частей. Они использовали заблаговременно подготовленные оборонительные рубежи. Гитлеровцы цеплялись за каждый населенный пункт, за каждую высоту, яростно сопротивлялись. Все подступы к населенным пунктам, высотам были заминированы и держались под прямым и фланкирующим огнем артиллерии, минометов и пулеметов. Враг часто контратаковал нас танками и автоматчиками. Прикрываясь такими опорными пунктами, гитлеровцы рассчитывали задержать продвижение советских войск на Харьков и выиграть время для подтягивания своих резервов.

Перед нами была поставлена задача — не снижать темпа наступления, идти вперед.

Применяя тактику маневрирования и ночных действий, полки нашей дивизии скрыто, как можно ближе подходили к фашистским позициям и стремительными атаками врывались в его опорные пункты, отбивая многочисленные контратаки танков и автоматчиков, приближались к Харькову. За девять суток дивизия освободила пятнадцать населенных пунктов и подошла вплотную к окраинам города.

Особой ожесточенностью отличались бои за населенные пункты Черемошное, Липцы, Русское-Лозовое и в лесном массиве севернее Харькова.

В большом лесу у врага имелись сильно укрепленные опорные пункты. Командир дивизии, учитывая прочность вражеской обороны, выделил несколько штурмовых отрядов. Эти отряды просочились в глубину леса и, нащупывая более уязви-

мые места в обороне фашистов, стали наносить удары.

Замечательные примеры мужества, отваги показали воины стрелкового батальона капитана Покатаева. Этот штурмовой отряд четверо суток сражался в лесу. Воины батальона смело бросались на пулеметные точки, на окопы врага, преодолевали минные поля, вступали в решительные рукопашные схватки. За четыре дня они уничтожили двенадцать дзотов и много солдат и офицеров врага. Хорошо бились с гитлеровцами в лесу также воины стрелковых батальонов капитана Букаева и майора Ситникова.

Самоотверженная борьба в глубине гитлеровской обороны закончилась тем, что враг был измотан и обескровлен. Он не мог больше держаться в лесу.

12 августа к нам приехал член Военного совета 69-й армии генерал Щелаковский. Он высоко оценил боевые действия дивизии в лесном массиве и по освобождению Русского-Лозового. От имени Военного совета армии он поблагодарил нас с командиром дивизии за умелое руководство частями и приказал передать его благодарность всему личному составу дивизии, а отличившихся воинов представить к наградам.

18 августа наша дивизия, отразив три контратаки врага на рубеже Алексеевки и кирпичного завода, что южнее Лозовенек, была вынуждена прекратить атаки и перейти к обороне, чтобы перегруппировать свои силы. Полковник Говоруненко сверил карту с местностью. До городских кварталов Харькова оставалось два километра — двадцать минут стремительного броска. Но на этих двух километрах в глубоких траншеях за сплошными минными полями находился враг. Каждая складка местности, каждый куст, каждый дзот посылал смертоносный огонь. Это было сплошное поле огня.

Петр Дмитриевич поднес к глазам бинокль. Утренние лучи солнца хорошо освещали поле. Но в ложбине, отделяющей южную часть Алексеевки от ее северной части, над рекой Лопань еще белела полоса тумана, бугры плавали в нем, как островки в половодье. А поверх тумана было видно далеко

вокруг. Не торопясь изучал комдив оборону противника, рассматривал рошу северо-западнее пригородного поселка, высоту, по скатам которой проходил противотанковый ров, а от него шла траншея в Северный Пост и Харьков.

Дальше, южнее поселка, вдоль железной дороги виднелись трубы кирпичных заводов, за ними, над изуродованными городскими кварталами, сияло солнце, а снизу, с кровоточащей земли, тянулись вверх дым пожарищ, столбы пыли, поднятой взрывами. На какое-то мгновение в памяти Говоруненко возникла картина боя за Ржев. Вот так же, год назад, тоже в августе, после прорыва трех сильно укрепленных оборонительных линий врага, прикрывающих Ржев с севера, 375-я дивизия вплотную подошла к стенам города, но ворваться в него с ходу не хватило сил. Находясь на наблюдательном пункте вместе с генерал-майором Соколовым, Говоруненко смотрел на разрушенный город, занятый гитлеровцами.

Многому научился Петр Дмитриевич у генерала Соколова. Они вместе кропотливо разрабатывали и подготавливали каждый бой, проведенный дивизией в сорок втором. Много времени, крови, страданий отделяют ту далекую пору, когда начальник штаба полковник Говоруненко, заменив погибшего командира дивизии генерала Соколова, повел уральскую дивизию на штурм Ржева. Дивизия тогда состояла из уральцев, людей сильных, физически и духовно закаленных во многих сражениях. Теперь, под Харьковом, она была еще крепче, за ее спиной — двухгодичный боевой опыт: участие в разгроме фашистских орд под Москвой, освобождение городов Калинин, Старица, оборонительные бои на Курской дуге, освобождение Белгорода и более трехсот деревень и сел, наконец, стремительное августовское наступление на Харьковщине. И потому, должно быть, полковник сегодня был уверен, что воины его дивизии сумеют сломить сопротивление врага на своем направлении, освободят кварталы Харькова.

Накануне решительного часа, как бы проверяя свое решение, в котором определено направление удара каждого полка, он, прежде чем отдать при-

каз на возобновление наступления, еще и еще раз тщательно изучал поле предстоящего сражения, вносил в свое решение коррективы.

19 августа Говоруненко поставил перед командирами полков боевую задачу — форсировать реку Лопань, занять сильно укрепленный рубеж врага — Северный Пост. Главный удар должен был нанести 1243-й стрелковый полк майора Митрофана Александровича Нефедова. Конечно, Лопань не Волга, которую дивизия с тяжелыми боями форсировала первый раз в сорок первом, а второй раз — в сорок втором. Река Лопань больше напоминала нашу уральскую Пышму, заросшую кустами, во многих местах ее можно было перейти вброд. Но и такую преграду очень трудно преодолеть под огнем противника.

Пока шли рекогносцировки, разведчики непрерывно вели разведку. По ночам они проползали в глубь вражеского расположения и, чего бы это ни стоило, собирали данные о противнике, тащили «языков». Это были отважные люди.

В ночь на 19 августа разведгруппа из пяти человек пробралась в Харьков, где в течение суток собирала необходимые данные о противнике, а двадцатого вернулась с «языком». Разведгруппа младшего лейтенанта Никитюка, проникнув в тыл противника, уничтожила до 20 фашистов, захватила их документы и тоже привела «языка». Разведгруппа старшего лейтенанта Саркисянца проникла в тыл фашистов, напала на штаб 240-го пехотного полка, разгромила его, захватила важные для нас документы.

В этой схватке старший лейтенант Саркисянец погиб, группу возглавил старший сержант Ефимов. Он вывел разведчиков к своим с захваченными документами и с телом старшего лейтенанта.

Личный состав подразделений тщательно готовился к наступлению. Политработники довели боевую задачу до каждого солдата. На партийных и комсомольских собраниях обсуждались задачи коммунистов и комсомольцев в боях за Харьков.

Собрания проходили в траншеях, за развалинами кирпичного завода и в воронках от авиабомб. Об одном из них, проходившем в батальоне Бука-

ева, в моем блокноте сохранились такие записи:

«Пожилой солдат коммунист Петров сказал:

— В уличном бою каждый боец порой сам себе командир, сам себе рота и батальон. И его жизнь зависит от собственной смелости, ловкости, смекалки...

— Надо каждому автоматчику дополнительно выдать несколько запасных дисков,— предложил автоматчик Иванов.

— Уличный бой тем и сложен,— говорил комбат Букаев,— что надо каждому офицеру, сержанту и солдату уметь самостоятельно решать отдельные тактические задачи...»

В принятых решениях говорилось, что каждый должен показать личный пример в бою, не щадя крови и самой жизни, освободить Харьков от оккупантов.

Партийная комиссия политотдела дивизии обсуждала заявления воинов, в которых они просили принять их в ряды партии, чтобы идти в бой за освобождение Харькова коммунистами. В эти дни много заявлений поступало от воинов, которые особо отличились в последних боях в лесном массиве севернее Харькова, за освобождение населенных пунктов Липцы, Русское-Лозовое, Померки, Соколинки.

В период боев на Курской дуге поступило 990 заявлений о приеме в члены и кандидаты партии. За это время дивизионная партийная комиссия приняла в члены и кандидаты партии 736 человек¹. Разница в цифрах — подавших заявления и принятых — объясняется тем, что некоторые воины погибли или получили ранение и выбыли из дивизии.

Как сейчас вижу взволнованные лица воинов, которым тогда вручал партбилеты. Вот Степан Ткачев, который со своим пулеметным взводом расчищал путь пехоте, обеспечил освобождение Алексеевки, отлично действовал при штурме Харькова и в бою у Новой Боварии. Старший сержант Георгий Богданов, разведчик, 18 августа притащил

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 375 с.д., л. 15, оп. 81372, л. 86.

«языка», который тогда нам был так необходим. Солдат Борис Бровин подбил два фашистских танка на подступах к Харькову. Старший сержант Дмитрий Крутаков, несмотря на тяжелое ранение, продолжал восстанавливать телефонную связь при штурме города. Связь действовала безотказно, но сам связист не увидел освобожденного Харькова, он скончался.

Вечером 19 августа в одном из разрушенных помещений кирпичного завода, что южнее Лозовек, выстроились воины пулеметной роты.

Командир роты старший лейтенант Чуприн рассказал, что утром Василий Курка, отражая контратаки врага, уничтожил много фашистов, не подпустил их к боевым порядкам батальона. Когда группа гитлеровцев подползла к его огневой позиции, он отбивался гранатами. Контратака захлебнулась, но в последние минуты боя вражеская пуля оборвала жизнь Василия Курки.

Здесь же, перед строем, командир вручил пулемет героя Петру Васильеву. Принимая оружие, Васильев дал клятву отомстить гитлеровцам за смерть друга.

Много хлопот было и у воинов тыловых подразделений. Требовалось подтянуть боеприпасы, продовольствие, горючее. Заместитель командира дивизии по тылу майор Михаил Григорьевич Шубин, не зная отдыха, обеспечивал подразделения всем необходимым для боя. Вместе со своим начальником штаба капитаном Шапкиным он составлял план подвоза и способы доставки боеприпасов и продовольствия в ходе боя.

В медсанбате, расположившемся недалеко от передовой, под руководством опытного хирурга Павла Константиновича Андрафагина оперировали, перевязывали раненых врачи Георгий Антонович Попов, Леонид Васильевич Леонидов, Виталий Иванович Муратов, старшие операционные сестры Раиса Павловна Граве, Анастасия Павловна Первушина, сестры Варвара Фадеевна Бажина, Галина Прокопьевна Лапина, Антонина Алексеевна Шихова и многие другие медицинские работники дивизии. Начальник санитарной службы дивизии

Василий Васильевич Желудев проверял и оказывал помощь полковым и батальонным медпунктам в организации и отправке раненых в медсанбат. Много забот в эти дни было у командира медсанбата Александра Николаевича Теренченко и его заместителя по политчасти Бориса Николаевича Копылова.

...В предутренней полутьме двадцатого августа командиры батальона отдали приказ ротным командирам начать форсирование Лопани. Теперь важно было все делать быстро и без шума, чтобы фашисты как можно дольше не обнаружили переправу. Подразделения за несколько минут спустились на реку плоты, спаренные бревна со станковыми пулеметами, минометами, «сорокапятками» и быстро отплыли от берега.

Гитлеровцы обнаружили место переправы. Вражеские пулеметы открыли огонь. По воде запрыгали фонтанчики, со всех сторон слышались плеск, тяжелое дыхание бойцов. Наши орудия открыли огонь. Началась артиллерийская дуэль.

Первыми достигли вражеского берега солдаты 2-го батальона 1243-го стрелкового полка Коротков, Алексаткин, Хачатурян, Старовойтов. Тут же подошел плот младшего лейтенанта Дмитрия Пронина, нагруженный бойцами с пулеметами. Вместе с воинами, первыми достигшими берега, с криком «Ура!» бросился на врага и заместитель командира батальона капитан Анисим Петрович Карих. Они ворвались в траншею, уничтожили противника и обеспечили переправу других.

Чуть левее высадился стрелковый батальон капитана Василия Николаевича Букаева. Он обошел позицию гитлеровцев слева и вместе с подразделениями второго батальона стал теснить фашистов. Более сотни вражеских солдат нашли себе могилу в траншеях и окопах, многие подняли руки вверх. На рассвете два батальона 1243-го стрелкового полка, захватив и вторую линию траншей, ворвались в лес западнее Северного Поста. Встретив упорное сопротивление врага, они закрепились на опушке.

К этому времени 1241-й стрелковый полк под

командованием майора Андрея Николаевича Парамошкина переправился через Лопань южнее кирпичного завода, овладел окопами врага и достиг железнодорожного полотна. Взвод младшего лейтенанта Николая Королева добрался до вражеского берега и атаковал немецкие позиции, обеспечив форсирование реки другими подразделениями полка. Рядом со взводом Королева вели бой пулеметчики взвода младшего лейтенанта Степана Ткачева. Переправляющиеся батальоны поддерживал ардивизион капитана Германа Мальшакова. Накал боя нарастал с каждым часом. Враг оправился от внезапного стремительного удара и бросился в контратаку.

Стрелковый батальон капитана Владимира Клюкина контратаковали десятки танков и бронедрезина с пехотой. Батальон отбил контратаку и закрепился у железной дороги северо-восточнее Северного Поста, навязал огневой бой фашистам. Западнее Северного Поста отбивали яростные контратаки батальоны Покатаева и Букаева 1243-го стрелкового полка. Хорошо поддерживал бой стрелков артиллерийский дивизион капитана Алексея Баранова, который успел переправить свои пушки и открыл огонь прямой наводкой.

Отличившийся в битве под Белгородом и в бою за освобождение Русское-Лозовое орудийный расчет сержанта Александра Яковлева первым открыл беглый огонь по атакующим фашистам. Находясь в рядах стрелков, батарея «сорокапяток» старшего лейтенанта Григория Мухачева в упор била из своих пушек по вражеским автоматчикам. Гитлеровцы, не выдержав огня, откатились назад. Но вскоре они опять поднялись в контратаку. Потом контратаки следовали одна за другой. Гитлеровцы пытались отбросить наши части за реку. Упорные бои под Харьковом продолжались до 22 августа.

С большими потерями мы дошли до города. 10 августа погибли заместитель командира дивизии Константин Павлович Казачук, командир 1243-го стрелкового полка Федор Степанович Дзгоев. В лесу, под самым городом, был ранен командир батальона Григорий Иванович Покатаев и многие другие воины.

Двадцать второго августа начальник штаба дивизии подполковник Константин Михайлович Ложко докладывал командиру дивизии о полученном приказе. Командующий 69-й армией генерал В. Д. Крюченкин приказал штурмом овладеть Харьковом, отрезать пути отхода противнику на запад и юго-запад, уничтожить его.

«...375-й стрелковой дивизии,— говорилось в приказе,— перейти в решительное наступление в направлении Северный Пост, Кирп, Нефть, ст. Харьков, Залютино, Новая Бовария. Овладеть ст. Харьков, в дальнейшем выйти на рубеж: Сар, Залютино, ст. Залютино...»¹.

Спустя час полковник Говоруненко отдал приказ собравшимся на командном пункте дивизии командирам полков и поддерживающих частей. Все детали штурма были тщательно обсуждены, продуманы.

В частях и подразделениях, где позволяла обстановка, мы, политотдельцы, вместе с командирами и политработниками частей проводили беседы, короткие митинги и с этими же подразделениями пошли в наступление. У меня сохранилась запись о митинге, проведенном в батальоне Букаева, и содержание речи командира.

— Впереди Харьков. Наш родной, советский,— обращаясь к воинам, сказал Букаев.— Но там еще фашисты. Настал час отплатить гитлеровцам за все злодеяния на Харьковщине, за кровь и смерть наших боевых друзей. Сейчас пойдем в бой. Бейте проклятых фашистов, живьем не выпускайте их из города. Вот знамя, которое мы должны водрузить над освобожденным Харьковом.— Он показал алое полотнище...

Я оглядел взволнованных воинов и ни тени робости и уныния не увидел на их лицах. Только были нахмурены брови, прикушены губы и сжато оружие в руках. В глазах — гнев и решимость.

— Не подкачаем,— сказал солдат Цыхарев,— будьте уверены, товарищ капитан, знамя свободы будет над Харьковом...

На этом митинге присутствовал и начальник

¹ Архив МО СССР. ф. 375 с. д. д. 1. оп. 80526. л. 71.

политотдела 48-го стрелкового корпуса полковник А. Д. Серюков. Он обратился с краткой речью к воинам, призвал их беспощадно бить врага и освободить город Харьков.

Такие же митинги прошли и в других подразделениях. Прямо с митингов воины пошли в наступление.

Артиллерийский залп возвестил начало штурма. Наша дивизия вместе с другими соединениями пошла на Харьков. Через двадцать пять минут после сигнала атаки Говоруненко услышал первую радостную весть.

— Товарищ ноль пять, — докладывал по телефону командир 1243-го стрелкового полка, — два батальона ворвались в Северный Пост, очищают поселок от фашистов...

Лицо комдива просветлело, он взглянул на часы. Стрелки показывали 23.50.

Как бы люди, идущие в бой, и планы сражения ни были тщательно подготовлены, бой не всегда протекает в точности по плану. Так случилось и на этот раз. Левофланговый полк, которым командовал подполковник Арсентий Николаевич Калинин, был задержан противником в районе авиазавода. Фашисты били по атакующим из хорошо оборудованных огневых точек. Два командира роты вышли из строя, бойцы залегли. Требовалось принять срочные меры, чтобы возобновить атаку. Заместитель командира полка по политчасти майор Петр Петрович Гриценко побежал туда, где нуждались в его помощи. Командир полка приказал артиллеристам выкатить несколько орудий на открытую позицию и бить прямой наводкой по засевшим в авиазаводе фашистам. Беглый огонь артиллерии заставил замолчать гитлеровские пулеметы.

Командир батальона майор Ситников, находясь в боевых порядках стрелков, подал команду:

— Вперед! Бей фашистов!

Стрелки быстро выскочили из своих укрытий и бросились на врага. В центре батальона бежал комбат, а за ним, разматывая катушки, устремились вперед связисты. Уничтожив группу прикры-

тия гитлеровцев, батальон ворвался на территорию авиазавода. Жестокий бой на территории завода продолжался около часа. Фашисты были уничтожены. На заводской трубе взвился алый флаг, водруженный солдатом Гречихиным.

Полк Калинина, не задерживаясь на территории авиазавода, быстро достиг станции Харьков и после короткого боя освободил ее. На разрушенном здании вокзала солдаты Кадыров и Курнов водрузили красный флаг. Освобождая улицу за улицей, полк к 9.40 вышел на улицу Свердлова, где уже вел бой с засевшими в отдельных домах фашистами полк майора Парамошкина. А полк майора Нефедова после освобождения Северного Поста стремительным броском ворвался на северную окраину Харькова, освобождая квартал за кварталом. К десяти часам он отбросил противника за реку Уды и укрепился на рубеже Залютино.

Об этом бое бывший начальник политотдела 69-й армии генерал Н. А. Вишневский пишет:

«В 3 часа 30 минут 23 августа была взята железнодорожная станция Харьков. А к 10 часам — полностью очищена от противника юго-западная часть города. Первым ворвался в город и завязал уличные бои стрелковый полк под командованием майора Нефедова.

Отважно действовали бойцы подразделения офицера Калинина, которые овладели Южным вокзалом...»¹

Массовый героизм проявили воины дивизии в период штурма Харькова. Солдат Тавкань на северной окраине города принял бой с пятнадцатью фашистами. Он увидел группу приближающихся гитлеровцев. Вначале Тавкань принял их за своих, так как шли они из Северного Поста.

Вскоре Тавкань убедился, что это гитлеровцы. Он быстро занял удобную позицию. Гитлеровцы шли в полный рост. Подпустив их на близкое расстояние, Тавкань ударил из автомата. Несколько

¹ В боях за Харьковщину. Воспоминания участников Великой Отечественной войны. Харьковское кн. изд-во, 1963, с. 265.

солдат упали, но остальные, видимо, не разобрались, откуда огонь, и побежали прямо к крайнему дому. Тавкань снова дал очередь. Фашисты залегли и тут же открыли ответный огонь. Когда боец выглянул вперед, то на мгновение обомлел: фашисты ползали, обтекая его с двух сторон. Несколько короткими очередями Тавкань уложил еще троих. Ответные вражеские пули вонзились в землю перед солдатом. Комья земли посыпались на Тавканя, а одна пуля задела его плечо. За автоматной очередью последовала граната. Тавкань инстинктивно схватил ее и выбросил обратно. Затем дал очередь по тем, кто после разрыва гранаты поднялся и бежал прямо на него. И опять заставил их залечь. Враг наседал. Брошена предпоследняя граната, в автомате кончаются патроны. Тавкань уже слышал чужую речь. С каждой секундой вместе с кровью, просачивающейся из раны, которую он не мог перевязать, уходили силы.

Тавкань последним усилием бросил гранату на тех, кто был к нему поближе, и дал очередь из автомата по другим. Как раз в этот критический момент схватки с фланга по фашистам ударил пулемет. Это на выручку подоспел младший сержант Михайлов. А потом слева раскатилось многоголосое, дружное «ура!». Бойцы первой стрелковой роты 1243-го стрелкового полка старшего лейтенанта Ивана Менькова ворвались в Харьков.

Из окна одного из домов гитлеровцы открыли огонь по воинам первой роты. Меньков подполз ближе, бросил в окно одну за другой две гранаты. Коммунист Красинков и комсомолец Бояркин заскочили в дом и взяли в плен трех фашистов. За несколько минут боя десятки сопротивляющихся фашистов были уничтожены. Рота пошла вперед.

На соседней улице отступающим гитлеровцам преградил путь пулеметный взвод младшего лейтенанта Морышенкова. В горячке боя вышел из строя расчет пулемета. За пулемет лег сам Александр Морышенков, продолжая бить по врагу. Рядом с ним стрелял другой пулемет, за которым лежал дважды раненный Стушцын. Из автоматов строчили Середа и офицер Юдич. Им на помощь

подоспел стрелковый взвод младшего лейтенанта Акимова, который с ходу бросился на сопротивляющихся фашистов и до единого уничтожил их.

Сколько было таких эпизодов! Трудно перечислить все подвиги, совершенные воинами уральской дивизии в боях за Харьков.

Мы с Петром Дмитриевичем вошли в город вслед за атакующими врага подразделениями. На улицах Харькова все говорило о прошедшем тяжелом бое: трупы гитлеровцев, патронные гильзы, брошенные немецкие автоматы, подбитые танки, посередине улицы — перевернутая повозка и убитая лошадь.

Туман и дым, стоявшие над Харьковом, растворялись в лучах восходящего солнца, открывая чистое небо. Свежий утренний ветерок полоскал на многих домах простреленные пулями и закопченные в пороховом дыму десятки алых флажков, водруженных руками тех, кто первым ворвался в Харьков.

Кто видел горе, тот поймет, что означало тогда появление на домах города этих маленьких красных флажков.

К нашей общей радости в связи с освобождением Харькова вечером 23 августа прибавилась еще одна. Личный состав получил третью благодарность Верховного Главнокомандующего, а дивизии было присвоено почетное наименование «Харьковская». Эту весть каждый воин воспринимал как признание Родиной, партией особых заслуг личного состава уральской дивизии в боях на Курской дуге и при освобождении Харькова. За освобождение украинского города героически дрались воины всех национальностей, всех союзных республик. Наше единство, нерушимая дружба народов одержали еще одну крупную победу над врагом.

Через несколько дней многие воины были награждены орденами и медалями, отдельные офицеры получили внеочередные воинские звания. Наш командир дивизии П. Д. Говоруненко стал генерал-майором и был удостоен ордена Суворова.

Еще рвались снаряды на улицах, еще шел на южной окраине города ожесточенный бой, а из

домов уже выбегали люди, приветствовали, обнимали, целовали своих освободителей.

На окраине нас встретил житель города Степан Левченко, со слезами на глазах он обнял комдива и сказал: «Спасибо вам, наши освободители! Мстите, дорогие сынки, за кровь советских людей, бейте изо всех сил фашистов...»

Слова радости и благодарности мы получали и тогда, когда уже наша дивизия далеко позади оставила Харьков и сражалась на новых рубежах. У меня сохранились копии писем, полученных тогда. В письме жителей Харькова воинам-освободителям 375-й Харьковской стрелковой дивизии говорилось:

«Ваша кровь освятила землю нашего родного Харькова. Ваши самоотверженные подвиги вернули нам свободу, жизнь и честь. Слава вам, орлам советской земли! Слава вам, нашим освободителям и защитникам!

Беспощадно и метко разите врага и впредь. Пусть фашистские палачи реками своей черной крови ответят за невинную кровь замученных ими советских людей, за руины нашего города, за пепелища наших сел...

...В летописи Харькова вечно будет сиять дата 23 августа 1943 года — день освобождения, день возвращения нашей радости, свободы и жизни...»

Жена фронтовика из освобожденного города учительница Цибенко писала нам:

«Наши освободители!

Не нахожу слов выразить вам свою благодарность за то, что вы освободили нас из фашистского ига. Беспощадно бейте гитлеровцев, отомстите за кровь моего сына Славки, умерщвленного фашистскими варварами.»

Девушки-студентки Харьковского индустриального техникума писали:

«Дорогие товарищи!

Мы знаем, что ваша часть освободила наш город Харьков, в котором мы сейчас, имея все условия, учимся и получаем образование. Это для нас великая радость и счастье.

От всей души благодарим вас. Бейте фашистов... с победой возвращайтесь домой.

С комсомольским горячим приветом Коваленко Соня, Надежная Надежда, Либерман Мария и другие». Всего 22 подписи.

Девушки-харьковчанки Р. Тумаркина, Л. Проценко, Н. Бабкина, П. Олнова, Т. Шпаковская, М. Попова и другие после благодарственных слов заканчивали свое письмо следующими строками:

Победа — какое чудесное слово!
Она, как огонь, зажигает сердца,
Она трепетать заставляет любого,
Она поднимает на подвиг бойца.

Много таких писем получили мы за годы войны.

23 февраля 1944 года в дивизию пришел вагон подарков от трудящихся Харьковской области. Подарки привезла делегация Харькова. Этим самым харьковчане еще раз выражали искреннюю любовь к Красной Армии, к нам, уральцам.

Прошло много лет. Некоторые детали битвы за Харьков забылись. Но подвиг, совершенный уральцами, остался в памяти харьковчан. Подвиг этот они увековечили, назвав среднюю школу № 136 по улице Котлова именем комдива 375-й Уральской Харьковско-Бухарестской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии генерал-лейтенанта Героя Советского Союза Петра Дмитриевича Говоруненко. В этой школе учащиеся и учителя организовали музей, посвященный истории и подвигам дивизии. На ее боевых традициях воспитывается молодое поколение. Стенды, где показаны подвиги воинов 375-й Уральской стрелковой дивизии, имеются в 49-й, 57-й и других школах Харькова и Харьковской области.

После освобождения Харькова нам праздновать было некогда. Продолжались бои. В ночь на 24 августа дивизия форсировала речку Уды в районе деревни Минутка. Правее нас эту водную преграду преодолели 89-я и 94-я гвардейские дивизии, а левее — 183-я стрелковая дивизия. Противник делал отчаянные усилия, чтобы не дать нашим частям переправиться.

Крайне ожесточенные бои развернулись после форсирования реки за расширение плацдарма. Они продолжались до 28 августа.

За эти дни дивизия, поддержанная 96-й танко-

вой бригадой «Челябинский комсомолец», с упорными боями овладела населенными пунктами Минутка, Новая Бовария, Липовая Роща, Ледное.

29 августа нашу дивизию вывели из боя, она сосредоточилась в деревнях Ледное и Липовая Роща и поступила в резерв командующего фронтом. Дивизия приводила себя в порядок, пополняла сильно поредевшие ряды, праздновала свою вторую годовщину. Недолго мы пробыли в Липовой Роще. В ночь с 8 на 9 сентября, совершив марш, дивизия сосредоточилась в районе Меречик и в пять часов утра в составе 53-й армии перешла в новое наступление. Рождались новые подвиги, новые герои.

Когда мы вышли на рубеж атаки, Петр Дмитриевич взволнованно произнес:

Настане суд, заговорять
И Дніпро, и гори,
Потече сто ріками
Кров у саме море

Это были известные стихи Тараса Шевченко. Да, суд настал. Мы наступали. Вместе со всей Советской Армией уральская дивизия шла вперед, чтобы освободить Украину.

Продолжение подвига (Вместо эпилога)

Свежие сентябрьские ветры колыхали наши славные, простреленные пулями и закопченные пороховым дымом боевые знамена. Мы с честью пронесли их через сотни освобожденных дивизией сел, деревень и городов Подмосковья, Белгородщины, Харьковщины.

После Курской битвы дивизия прошла долгий боевой путь. Бои за Полтаву, Кременчуг, форсирование Днепра, ожесточенные бои на Корсунь-Шевченковском направлении... Здесь особенно пригодился боевой опыт Курской битвы, когда на дивизию обрушился удар крупная танковая группировка врага. Вместе с танкистами пятой гвардейской танковой армии мы отразили все атаки. Потом бои на территории Румынии, Австрии, Венг-

рии, Чехословакии. К наименованию «Харьковская» добавилось «Бухарестская», на знаменах дивизии и полков засверкали ордена Красного Знамени, Суворова, Богдана Хмельницкого. Да, всего этого на Курской дуге мы не могли предвидеть, но каждый ясно понимал, что надо идти вперед, надо бить врага, чтобы жить, строить, мечтать, любить...

Мы тогда также не знали, что именами наших боевых товарищей будут названы улицы и школы. Уже после войны, по просьбе совета ветеранов 375-й стрелковой дивизии, в городе Ржеве появилась улица имени Николая Александровича Соколова, в Старице — Серафима Владимировича Чернозерского; в Белгороде — улицы имени Григория Ивановича Покатаева и Федора Степановича Дзгоева, в Харькове — школа имени Героя Советского Союза Петра Дмитриевича Говоруненко, в Нижней Салде — улица имени Ивана Алексеевича Малютина, в Верхотурье — школа имени Сергея Михайловича Дресвянникова, в Красноуфимске — улица имени Кима Варламовича Пролетарского, в Красноуральске — улица имени Ивана Григорьевича Наймушина, а в Ревде — улица имени Константина Иосифовича Краснова.

Подвиги, совершенные в дни войны, ветераны дивизии не только свято чтут, но и умножают в трудовых буднях.

Наш артиллерист капитан Сергей Максимович Солодовник — профессор Харьковского художественно-промышленного института.

Парторг 1241-го Бухарестского ордена Суворова стрелкового полка капитан, а ныне полковник Владимир Кононович Чабан — начальник политотдела Брестского облвоенкомата.

Боевой командир минометной роты, потом начальник артиллерии стрелкового полка капитан Владимир Георгиевич Курчанин солдатскую шинель сменил на железнодорожную форму. В 1968 году рядом с боевыми наградами на груди машиниста появилась трудовая — орден Ленина. Владимир Георгиевич — почетный железнодорожник. Курчанин активно участвует в воспитании подрастающего поколения. Он — желанный гость в школах, пионерских отрядах, молодежных обще-

житиях, комсомольских организациях, воинских частях.

За хорошую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи в 1971 году президиум Советского комитета ветеранов войны наградил Курчанина Почетным знаком СКВВ, в 1977 году — Почетной грамотой. Ему присвоено звание почетного рабочего депо.

Майор, ныне полковник медслужбы Виталий Иванович Муратов, который за годы войны оказал помощь тысячам раненых воинов, сохранил их жизни, сейчас начальник медицинской части Киевского окружного военного госпиталя. Он — заслуженный врач УССР. После войны награжден орденом Красной Звезды и значком «Отличник здравоохранения».

Наш боевой штабист Павел Михайлович Яцуба работает в Москве. В 1971 году он награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Исаак Львович Тульчинский, начальник разведки дивизии, — неутомимый пропагандист боевых дел дивизии. За активное участие в работе по военно-патриотическому воспитанию молодежи Советским комитетом ветеранов войны награжден нагрудным знаком СКВВ и Почетной грамотой.

Полковник запаса Григорий Агабекович Ари-стакесян — преподаватель республиканских курсов гражданской обороны Азербайджанской ССР. Лейтенант Сибгат Тазиевич Хакимов — лауреат Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького и Республиканской премии имени Тукая, один из ведущих поэтов Татарии.

Около ста ветеранов дивизии, работающих и проживающих в городе Свердловске, награждены медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Среди них Василий Платонович Медведев, Александр Александрович Осипов, Анастасия Павловна Айнутдинова, Антонина Алексеевна Шихова, Семен Иванович Луценко, Моисей Григорьевич Левинсон. Степан Захарович Рыков кроме этой медали ежегодно награждается значком «Победитель социалистического соревнования» с момента его учреждения. Разве всех перечислишь!

Жива память о тех, с кем вместе пришлось идти по дорогам войны, кто не дожил до светлого дня Победы, кто сложил голову в боях за Родину. Многих боевых друзей потеряли мы под Москвой, на Курской дуге, в сражениях за освобождение Ржева, Старицы, Белгорода, Харькова. Но мы храним память о них, рассказываем молодежи об их подвигах, их жизни и борьбе и стараемся показать юношам и девушкам, какими тогда были их ровесники, почему они были такими, чем жило и дышало в молодости нынешнее старшее поколение. Мы надеемся, что сегодняшняя молодежь не останется к этому безучастной, она глубоко почувствует и поймет прошлое.

Память о погибших однополчанах будет жить вечно, ведь герои не умирают. Они живут рядом с нами — в наших воспоминаниях, в наших делах. Вот и сейчас, когда пишу эти строки, передо мной, словно живые, один за другим встают однополчане, я слышу преисполненные силы и уверенности голоса парторгов Петра Устиновича Чупрова, Петра Сергеевича Гарланова, Исмагила Гилязовича Исхакова, комиссара Николая Михайловича Васяева, комбата Николая Петровича Кузеванова:

— Коммунисты, вперед!

Их великий подвиг всегда будет вдохновлять подрастающие поколения на самоотверженное служение Родине, на новые подвиги.

Прошло много лет. Летом 1968, 1969, 1972 и 1973 годов, совершая походы по местам боев дивизии, побывал я в городах Калинин, Старице, Ржеве, Белгороде, Харькове, в селах Подмосковья и на Курской дуге.

Огромные изменения произошли в этих местах. По существу, все здесь выстроено заново.

А ведь тогда, во время войны, все было выжжено, разрушено, даже земля стала рыжей, обгорелой, изрытой воронками, траншеями, укатанной гусеницами танков и самоходок.

Город Ржев был почти стерт с лица земли: враг разрушил все промышленные предприятия, железнодорожный узел, административные и жилые здания. Из 5443 домов уцелело только около 300. В Ржевском районе все 96 населенных пунк-

тов были сожжены. В Белгороде из 3420 жилых домов не уцелел ни один.

Так было и в Харькове, во всех городах и селах, временно оккупированных немецко-фашистскими захватчиками.

И вот спустя много лет после войны я с однополчанами и комсомольцами города Свердловска снова на земле, где насмерть стояла дивизия, где происходили небывалые по ожесточенности сражения, где мы нещадно бились с ненавистным врагом в 1941—1943 годах. Приятно и радостно было сознавать, что кровь наших однополчан пролита не даром. На месте пепелищ возникли новые города, фабрики и заводы, новые деревни, колхозы и совхозы, фермы. Неузнаваемыми, еще краше, чем до войны, стали Ржев, Калинин, Белгород, Харьков.

Белгород в 1954 году стал областным центром. Его называют городом строительных материалов, поставщиком котлов средней мощности для страны. Продукция с маркой белгородских предприятий идет почти во все города страны и многие зарубежные страны. Образцы продукции белгородцев можно встретить в павильонах на ВДНХ, на международных выставках в Брюсселе, Лейпциге и других городах. Город растет, строится. Появились новые районы, все больше становится учебных заведений.

Выросли новые благоустроенные села с животноводческими фермами, механическими мастерскими, школами, клубами, библиотеками. Зажиточно живут колхозники.

Мы побывали на берегу Волги под Калинином, откуда, под огнем противника перейдя по льду 16 декабря 41-го, дивизия обрушила свой первый мощный удар на гитлеровцев, погнала их на запад. Посетили и другие облитые кровью рубежи под Старицей и Ржевом. Довелось быть нам и на высоте между деревней Шопино и хутором Ерик у Обоянского шоссе, севернее Белгорода, откуда хорошо просматривается бывший передний край обороны. На этом рубеже с 5 по 10 июля 43-го года уральцы отбили 76 атак танков и пехоты, подбили 138 танков врага.

Неузнаваемой стала эта земля. Вокруг — зеленое поле, правее шоссе растет кукуруза, левее — пшеница, в ложине — стада коров, а у речушки — стаи гусей и уток. Но опытный глаз еще может определить, что здесь шла смертельная, кровопролитная битва. Об этом свидетельствуют обвалившийся противотанковый ров, который пересекает шоссе Москва — Симферополь за речушкой, а по эту ее сторону, у подножия высоты, — следы длинной траншеи, солдатских окопов. Василий Николаевич нагибается и поднимает позеленевшую гильзу, здесь же мы находим осколки, а у реки — обрывки колючей проволоки.

В 1968 году, совершая поход по местам боев дивизии, комсомольцы Кировского района Свердловска под руководством бывшего командира роты автоматчиков Павла Георгиевича Золотухина здесь же откопали ручной и станковый пулеметы, винтовки. Сейчас эти реликвии находятся в Свердловском краеведческом музее и в Музее боевой славы Урала — в Доме офицеров Краснознаменного Уральского военного округа.

Жители Прохоровского района рассказали нам, что в иных местах на один кубометр земли приходилось около ста килограммов осколков.

О битве напоминают и братские могилы. Их много здесь, только в Калининской области — 777.

В братских могилах в деревнях Бахматова, Старое-Новое, Некрасова, Вислое, Терновка, в Ерике и других, а также в городах Ржеве, Старице, Калининне, Белгороде, Харькове захоронены воины нашей дивизии, те, кто своей грудью заслонял от врага Родину.

Мы посетили братские могилы. Поклонились, насыпали горсти уральской земли, взяли пропитанную кровью землю с этих могил для вечного хранения в свердловском музее. Со слезами на глазах прочитал высеченное на камне имя нашего командира дивизии генерала Николая Александровича Соколова на центральной площади города Калинина, имена командиров полков Серафима Владимировича Чернозерского и Евгения Федосевича Румянцева на обелиске в центре города Старица.

Очень много памятников воздвигнуто в Калининской, Белгородской и Харьковской областях павшим в боях за Родину. Здесь скромные обелиски, стелы и скульптурные композиции из гранита... Они стали местами всенародной памяти: сюда приходят, чтобы отдать почести павшим, здесь вручают комсомольские билеты, принимают военную присягу, напутствуют перед службой призывников. сюда, вступая в новую жизнь, приносят цветы молодожены...

Подолгу стояли мы на героических рубежах. Трудно было уйти сразу, слишком много наплывало воспоминаний. В нашей встревоженной памяти вставали огненные дороги войны, что вели нас с этих рубежей через четыре европейских государства до Златой Праги — до Победы. А началом этого победного и незабываемого пути стало Подмосковье.

Нелегко нам далась победа. Многие наши однополчане навечно остались на полях Подмосковья и на Курской дуге. Но мы, оставшиеся в живых, всегда помним их.

Пусть имена и дела их послужат маяками, по которым человек ориентируется в жизни, проверяет свои мысли и поступки. Пусть жизнь и смерть этих героев будет вечным напоминанием нашей молодежи о том, какой ценой добыта победа, светлая, радостная жизнь для подрастающего поколения, напоминанием о том, что мир, во имя которого они пали, должен быть сохранен. Память этих грозных лет звала наш народ внимательно приглядываться к настоящему, беречь будущее. Разгром фашистских войск в Великой Отечественной войне пусть явится грозным предупреждением всем тем, кто помышляет о новой войне...

Памяти верны

Память о героях войны жива. Ее, как святыню, хранят ветераны боев, матери, жены, дети погибших воинов. Ее, приняв, как эстафету, несут в своих сердцах юноши и девушки, строящие коммунизм.

Я получаю много писем. Только за последние годы их накопилось несколько толстых папок. Пишут отовсюду: из Тувы и Саранска, из Донецка и Серова, из Баку и Комсомольска-на-Амуре. Пишут фронтовики, сыновья фронтовиков, следопыты народного подвига. Выросли дети героев войны. Они спрашивают об отцах, отдавших жизнь за Родину. Как они сражались, погибли? О чем мечтали, где их могилы?

Володе Чернозерскому, когда отец ушел на фронт, было всего четыре года. Сейчас уже он сам давно отец, у него двое детей. Много лет прошло после гибели отца, но он всюду разыскивает следы человека, образ которого детская память удержать не смогла.

«...Я сын, и я хочу, я должен узнать все о своем отце,— пишет он.— Но я ничего не знаю, как он воевал, даже не знаю, где его могила».

Из рассказов матери ему было известно, что отец погиб на Калининском фронте. Он с женой и с двумя детьми ездил из Саранска в Калинин, но вернулся, не найдя могилы отца.

О событиях после возвращения Володи из Калинина его мать, Мария Васильевна Чернозерская, пишет: «После поездки они приехали ко мне в Атяшево. Приехал и сын Юрий из Казахстана. Володя, который ездил и не нашел могилу отца, так плакал, еле успокоили его. На него глядя, плакали все, а им ведь по 40 лет.

Прошу Вас, напишите, пожалуйста, что знаете об отце моих детей, где он похоронен...»

«Много лет прошло с того дня,— пишет из поселка Висим Свердловской области Лидия Владимировна Ольховикова,— когда я получила похоронную на мужа... Все эти долгие годы мне хотелось узнать, как погиб мой муж Александр Измаилович Ольховиков. А сейчас и моим взрослым детям хочется узнать о своем отце...»

«Я, Жуланов Николай Николаевич, разыскиваю следы своего погибшего отца... И вот я узнал, что вы с ним служили в одной дивизии... Прошу Вас, напишите, пожалуйста, все, что Вы о нем знаете. Вы не представляете, как ценно для меня каждое слово о моем отце...»

«Мой папа, Калинин Арсентий Николаевич, погиб в боях в 1943 году. Может, Вы знаете о нем хотя бы что-нибудь. Этот вопрос самый большой в моей жизни. Мне хочется узнать все о своем отце. Варвара Калинина».

Письма, письма, письма... Множество их. Никого не обошла война, каждое сердце ранила. Отобрала отца, мужа, сына, дочь, брата. Читаю, и ком подступает к горлу, невольно выступают на глазах слезы. Сколько в этих письмах человеческого горя, не притупилось оно и сегодня.

«Пишет Вам читатель из далекой Тувы. Не нахожу слов выразить Вам свою благодарность за написанную Вами книгу «У Обоянского шоссе», которая до глубины души взволновала меня, всех родственников и знакомых. Да и как не взволнует, ведь Вы в ней писали о героической смерти моего старшего брата лейтенанта Путинцева Евгения Владимировича. В течение 32-х лет мы ничего не знали о нем. Примите от нас низкий поклон. Тува. Федор Путинцев».

«Дорогой Сергей Хусаинович!

Мы с Вами никогда не встречались, но я взял на себя смелость назвать Вас дорогим человеком.

Я прочитал Вашу книгу «У Обоянского шоссе» и не знаю, как Вас благодарить за увековечение памяти павших героев и моего брата. Никакими словами нельзя выразить той благодарности, какую я и мои родственники питаем к Вам... Ташкент. Тульчинский Яков».

«Не знаю, как Вам выразить свою благодарность за то, что Вы хоть немного пролили свет на судьбу моего отца...

Я хочу узнать все, разыскать его могилу... Карклин Валерий Николаевич. Славянск. Донецкая область».

«Как Вас благодарить за верную память погибшим. Спасибо... Все наше семейство. Пролетарская Инна. Комсомольск-на-Амуре».

«Книгу Вашу искал, не нашел в магазинах, сегодня ее читал в военном зале Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. От души благодарю за исполнение долга, за воскрешение героев Отечественной войны... Москва. Х. Аюпов».

«Книгу Вашу по вечерам прочитали вслух. Она нам очень понравилась... Отец плакал за все время чтения. Читали учителя и односельчане. Отзываются очень хорошо. Если позволит Ваше время и здоровье, то продолжение книги Вы обязаны написать, так сказали здешние читатели с. Верховска. Учительница Т. Айнетдинова».

«У нас есть дети,— пишет Владимир Казанцев,— мы хотим, чтобы они выросли во всем похожими на дедушку. И мы сделаем все для этого. Спасибо Вам».

Получаю письма от однополчан.

«Читаю Вашу книгу. В памяти всплыли вновь эти страшные годы. Людей, о которых Вы пишете, я помню почти всех. Брест. А. Чабан».

Приходят письма из пионерских отрядов и дружин. Ребята хотят как можно больше знать о подвигах воинов уральской дивизии.

Пишут следопыты народного подвига, члены комсомольского клуба «Дорогой отцов» школы № 10 г. Серова:

«Мы преклоняемся перед героизмом и мужеством воинов-уральцев, боровшихся с германским фашизмом. Вы, наши отцы и деды, отстаивали нашу счастливую жизнь, нашу возможность мирно жить, спокойно сидеть за партами, пытливно познавать тайны природы и человеческого общества, радоваться яркому солнцу, голубому небу, дружить, смеяться, петь. Большое вам спасибо за это.

Вот почему мы хотим всегда помнить о вас, подражать вам — героическим защитникам нашей Отчизны. С этой целью мы хотим создать в нашей школе музей боевой славы воинов 375-й Уральской, Харьковско-Бухарестской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии. Мы хотим как можно больше знать о подвигах воинов этой прославленной дивизии...».

Школьные музеи, уголки, стенды, посвященные боевым подвигам воинов 375-й Уральской стрелковой дивизии, созданы не только в Серове, но и в Харькове, Свердловске, Белгороде, Полтаве, Курске, Ржеве, Старице и во многих других городах и селах, их более ста пятидесяти, известных только мне.

В 1969 году, совершая с нами поход по местам боев дивизии, Юрий Меледин нашел могилу отца — воина нашей дивизии, погибшего в 1942 году в боях под Ржевом. Несколько минут молча, преклонив колена, Юра простоял у братской могилы, где на обелиске высечена фамилия самого дорогого ему человека — отца. О чем думал Юрий Валерьянович в эти мгновения? Конечно, о том, чтобы всегда быть достойным славы героев-фронтовиков, быть таким, каким был его отец. Юрий Валерьянович Меледин верен своему долгу, своей клятве.

Письма, письма... Они все идут и идут. Много труда нужно приложить, много времени затратить, чтобы восстановить по документам и по своим фронтовым записям подвиги погибших героев-однопольчан, чтобы по крупицам собрать и написать детям, матерям, женам о подвигах их отцов, сыновей и мужей, о месте, где похоронены близкие им люди.

В этой книге я постарался рассказать о судьбах некоторых героев сражений, о солдатах и офицерах, чьей кровью и жизнью добывалась победа над сильным врагом под Москвой и на Курской дуге. Хотелось бы сказать еще о многих дорогих мне людях, но разве расскажешь обо всем в одной книге? Если каждому солдату и офицеру дивизии посвятить только по одной страничке, то пришлось бы написать несколько толстых томов.

Вот почему мне пришлось выбрать самое яркое, самое значительное, что я сам видел, пережил, знал из первых уст. Пусть не обидятся на меня однополчане, что упомянул фамилии не всех 28 тысяч героев войны, кто получил в нашей дивизии ордена и медали за подвиг. Сердечное спасибо моим боевым друзьям, всем товарищам, которые очень помогли в работе над книгой.

Живым и павшим посвящаю я эту книгу. И буду счастлив, если она послужит воспитанию нашей молодежи, поможет молодым воинам успешно выполнять свой долг по защите Отчизны.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
Часть первая. ЗА НАМИ — МОСКВА	7
Начало пути	8
Рождение 375-й	8
Крещение	17
Старые карты	23
Деревни, деревни...	33
Во имя грядущей...	38
Перед рассветом	42
«Рождество Христово»	44
На Старицу	53
Не давать передышки!	53
Каннибалы	55
В ночь под Новый год	59
Равнялись на коммунистов	62
Вечная слава...	66
Комбат	69
Рядовые	73
Степан Плотников	73
Степан Кузькин	75
Иван Наймушин	76
Борьба за жизнь	84
Письма к живым	89
Два вершка до Волги	97
Танки над окопом	105
Кисет	111
На главном направлении	113
Часть вторая. НА ОГНЕННОЙ ДУГЕ	129
Накануне	130
Первое утро на южном фесе	130
Подземный город	140
Перед решающими сражениями	145
Перед бурей	146
Шестнадцать дней и ночей в огне	162
День первый, пятое июля	162
День второй	186
Ни шагу назад!	195
Облик убийц	197
Стальные клещи	199
Вперед, на запад!	206
Дашь Белгород!	206
Почетное наименование	214
Продолжение подвига (вместо эпилога)	229
Памяти верны	236

ИД № 931

Сергей Хусаинович Айнутдинов

Священную клятву держали

Редактор В. Г. Лошак

Художник Л. А. Юкина

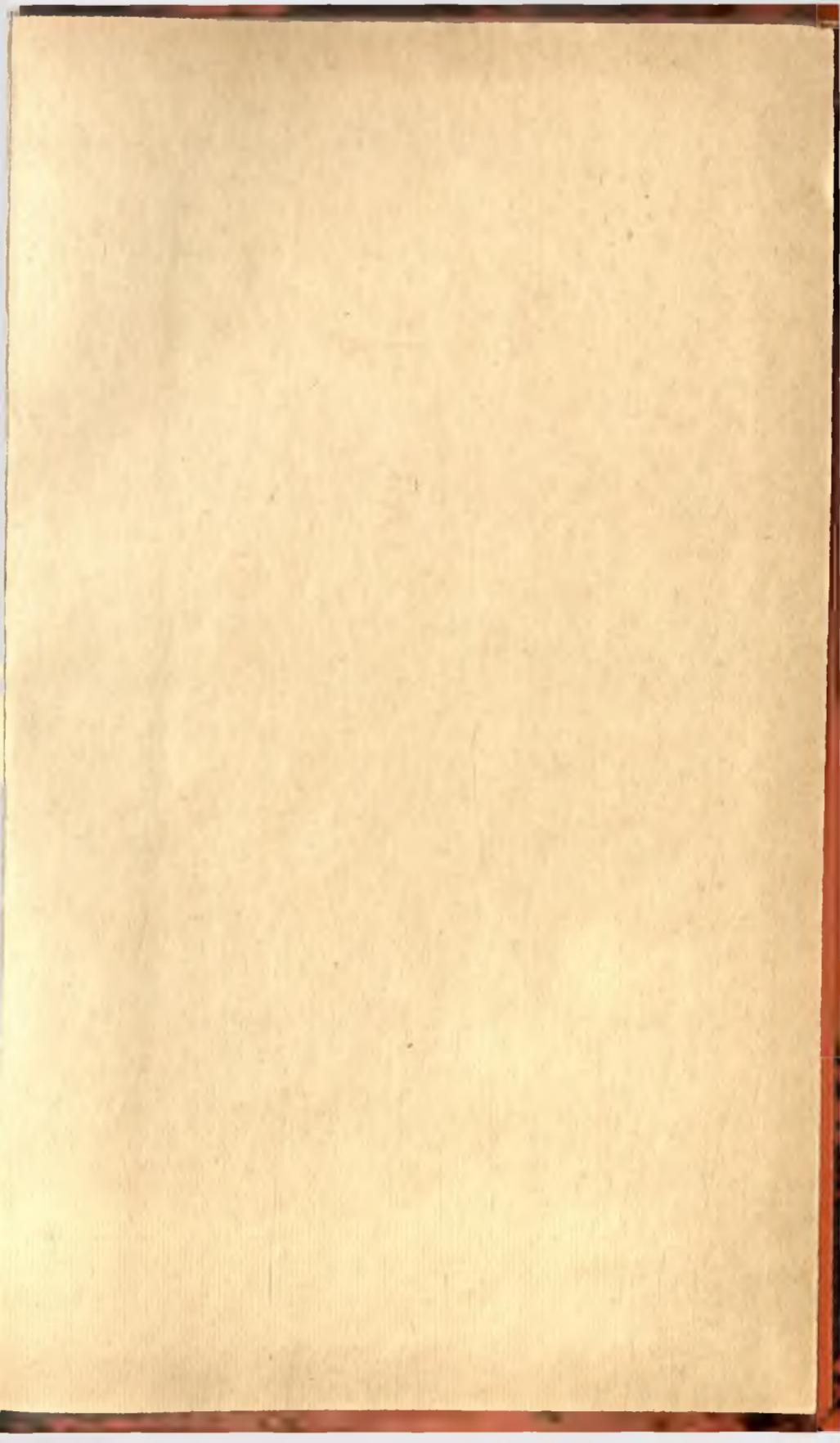
Художественный редактор А. В. Вохмин

Технический редактор Т. Н. Черепанова

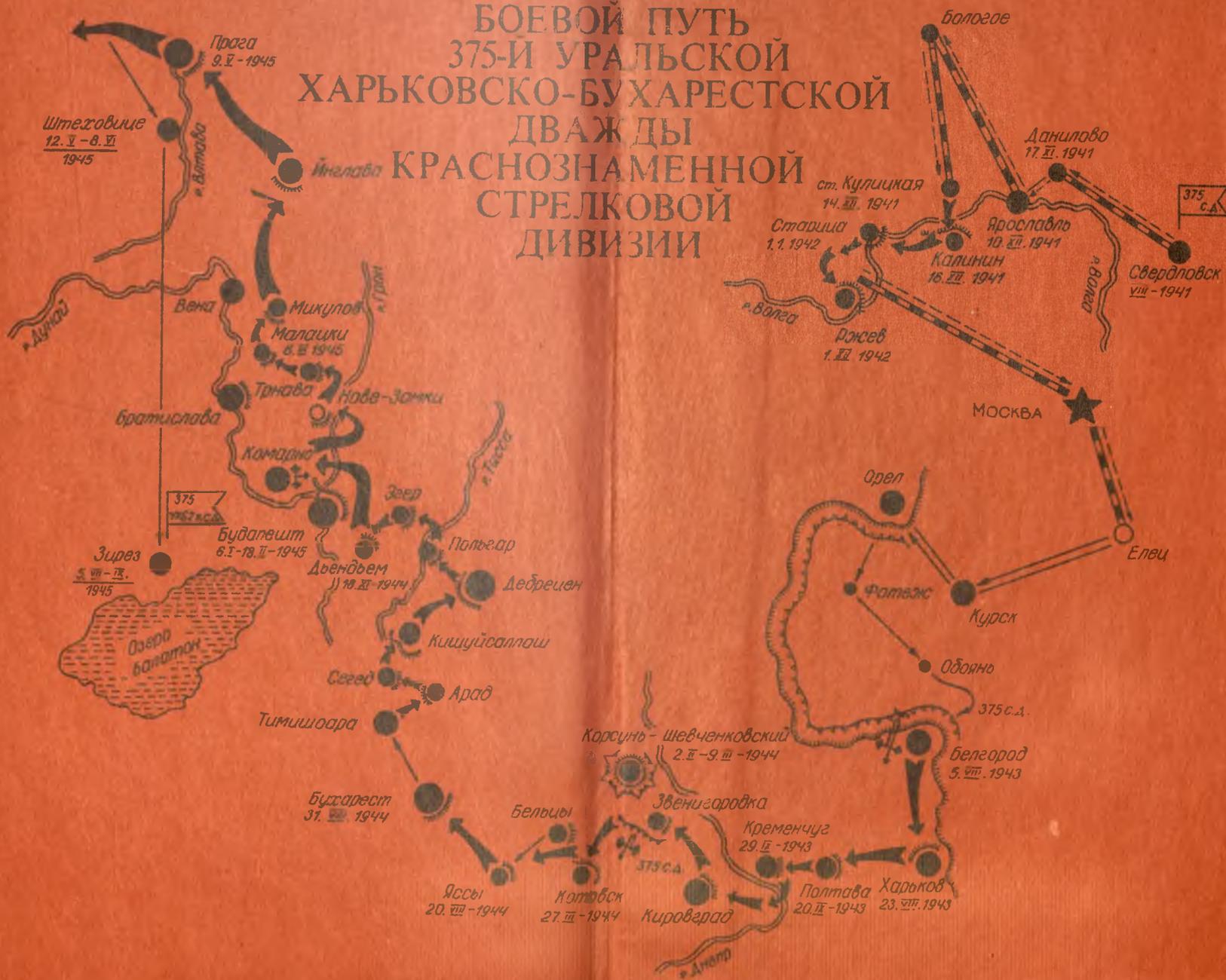
Корректоры И. Ш. Трушникова, И. П. Кирсанова

Сдано в набор 06.04.81. Подписано в печать 01.12.81. ИС 12271. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,02. Усл. кр.-отт. 26,25. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 50 000. Заказ 204. Цена 50 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351. Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151. Свердловск, пр. Ленина, 49.



БОЕВОЙ ПУТЬ 375-И УРАЛЬСКОЙ ХАРЬКОВСКО-БУХАРЕСТСКОЙ ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ



50 КОП.

